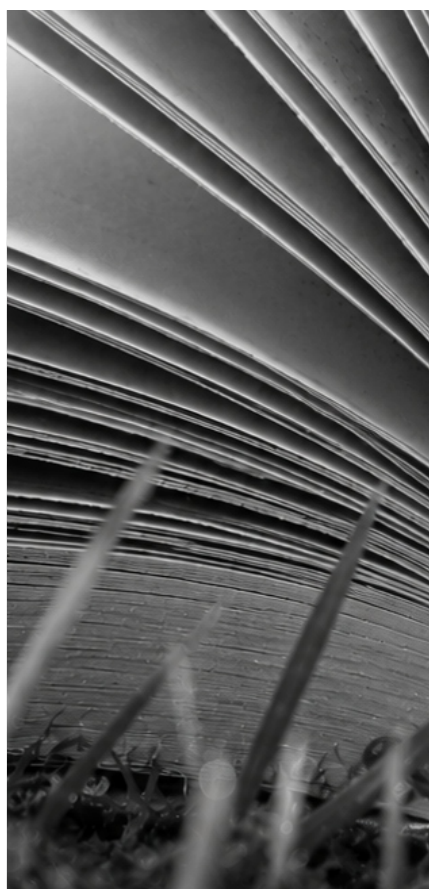

VOLUME 8, AUGUST 2026

ISSN: 3060-4958

"A special kind of beauty exists which
is born in language, of language,
and for language."

– GASTON BACHELARD

**UZBEKISTAN STATE WORLD
LANGUAGES UNIVERSITY**

MORE INFO:

www.lingvospektr.uz

t.me/thelinguaspectrum

The Lingua Spectrum Journal
Volume 8
(2026 yil avgust)

TOSHKENT-2026

Ma'sul muharrir:

Raxmonov Azizxon Bositxonovich

– p.f.d., professor O'zDJTU Rus filologiyasi
fakulteti dekani

To'plovchi va nashrga tayyorlovchi:

Satibaldiyev Erkinjon Kamilovich

– O'zDJTU Ingliz tilini o'qitish metodikasi №3
kafedrası katta o'qituvchisi

LINGUISTICS

The Lingua Spectrum

Cogito, ergo sum

LINGVISTIKA

5

ЛИНГВИСТИКА

135

Peculiarities of the English and Russian psychological novel

Yusupova Sitora Ashuraliyevna
berdievasitora98@gmail.com

Teacher,
Department of Applied Sciences No. 3,
Uzbekistan State World Languages University

Khaliyeva Gulnoz Iskandarovna

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The psychological novel occupies a significant place in nineteenth-century realist literature due to its profound exploration of human consciousness, emotions, and moral experience. Although the phenomenon of literary psychologism has been extensively studied in both Russian and Western literary scholarship, comparative analyses of the English and Russian psychological novel remain relatively limited. This article examines the distinctive features of these two literary traditions by comparing their approaches to representing the inner world of the individual. The research is based on comparative, comparative-historical, hermeneutic, and textual analysis methods. The findings demonstrate that the English psychological novel is characterized primarily by indirect psychologism, revealing character through dialogue, behavior, symbolic detail, and interaction with the social environment. In contrast, the Russian psychological novel emphasizes direct psychological analysis, internal monologue, moral reflection, and philosophical inquiry. The study concludes that both traditions made a substantial contribution to the development of the psychological novel, enriching realist literature through different yet complementary artistic models of psychological representation.*

Keywords *Psychological novel, literary psychologism, comparative literature, English realism, Russian realism, character representation, nineteenth-century literature*

Ingliz va rus psixologik romanining o'ziga xos xususiyatlari

Yusupova Sitora Ashuraliyevna
berdievasitora98@gmail.com

O'qituvchi,
Amaliy fanlar №3 kafedrası,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Xaliyeva Gulnoz Iskandarovna

Filologiya fanlari doktori, professor,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Psixologik roman XIX asr realizm adabiyotida inson ongi, hissiy kechinmalari va shaxsning axloqiy ziddiyatlarini chuqur yoritishi bilan muhim o'rin egallaydi. Mahalliy va xorijiy adabiyotshunoslikda adabiy psixologizm masalasi keng o'rganilganiga qaramay, ingliz va rus psixologik romanlarini qiyosiy tadqiq etishga bag'ishlangan ilmiy izlanishlar hanuz yetarli darajada rivojlanmagan. Mazkur maqolada ushbu adabiy an'analarning o'ziga xos xususiyatlari shaxsning ichki dunyosini tasvirlash usullari, xarakter yaratish tamoyillari hamda psixologik*

tahlilning badiiy vositalarini qiyoslash orqali yoritiladi. Tadqiqot qiyosiy-tipologik, qiyosiy-tarixiy, germevntik hamda matn tahlili metodlariga asoslanadi. Olingan natijalar ingliz psixologik romani asosan bilvosita psixologizmga tayanib, qahramon xarakterini dialog, xatti-harakat, badiiy detal va ijtimoiy muhit bilan o'zaro munosabat orqali ochib berishini ko'rsatadi. Rus psixologik romani esa bevosita psixologik tahlil, ichki monolog, axloqiy mushohada va shaxsning falsafiy talqini bilan ajralib turadi. Xulosa qilib aytganda, har ikki adabiy an'ana psixologik roman taraqqiyotiga katta hissa qo'shib, realizm adabiyotining badiiy imkoniyatlarini sezilarli darajada kengaytirgan hamda jahon roman an'analari va adabiyotshunosligi rivojiga salmoqli ta'sir ko'rsatgan.

Kalit so'zlar *Psixologik roman, adabiy psixologizm, qiyosiy adabiyotshunoslik, ingliz realizmi, rus realizmi, qahramon obrazi, XIX asr adabiyoti*

Особенности английского и русского психологического романа

Юсупова Ситора Ашуралиевна
berdievasitora98@gmail.com

Преподаватель,
Кафедра прикладных наук № 3,
Узбекский государственный университет
мировых языков

Халлиева Гульноз Искандаровна
Доктор филологических наук, профессор,
Узбекский государственный университет
мировых языков

Аннотация *Психологический роман занимает важное место в реалистической литературе XIX века благодаря глубокому раскрытию человеческого сознания, эмоционального опыта и нравственных конфликтов личности. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых литературному психологизму в отечественном и зарубежном литературоведении, сравнительные исследования английского и русского психологического романа по-прежнему остаются недостаточно разработанными. В статье рассматриваются особенности данных литературных традиций посредством сопоставления способов изображения внутреннего мира человека, принципов построения характера и художественных средств психологического анализа. Исследование основано на сравнительно-типологическом, сравнительно-историческом, герменевтическом методах, а также методе текстового анализа. Полученные результаты показывают, что английский психологический роман преимущественно использует косвенный психологизм, раскрывая характер через диалог, поведение, художественную деталь и взаимодействие с социальной средой. Русский психологический роман, напротив, отличается прямым психологическим анализом, внутренним монологом, нравственной рефлексией и философским осмыслением личности. Сделан вывод, что обе литературные традиции внесли*

значительный вклад в развитие психологического романа, существенно расширив художественные возможности реалистической литературы и оказав влияние на дальнейшее развитие мировой романной традиции и литературоведения в целом.

Ключевые слова *Психологический роман, литературный психологизм, сравнительное литературоведение, английский реализм, русский реализм, изображение характера, литература XIX века*

Introduction

The psychological novel is recognized as one of the most significant achievements of nineteenth-century realist literature because it offers a profound exploration of human consciousness, emotional experience, and moral conflict. Unlike novels that primarily emphasize external events or social realities, the psychological novel seeks to reveal the inner mechanisms of human behavior, examining thoughts, emotions, motivations, and ethical dilemmas that shape individual identity. The growing interest in the complexity of the human mind during the nineteenth century contributed to the emergence of new artistic techniques that enabled writers to portray psychological processes with greater depth and realism. Consequently, literary psychologism became one of the defining features of realist fiction and has remained an important subject of literary scholarship.

The theoretical foundations for the study of literary psychologism were established through the works of both Russian and Western literary critics. In Russian literary studies, one of the most influential contributions belongs to Mikhail Bakhtin, whose concept of polyphony fundamentally transformed the understanding of psychological representation in fiction. According to Bakhtin (1984), Dostoevsky's novels depict consciousness as a dialogue among independent voices, allowing characters to possess their own ideological and psychological autonomy rather than

functioning merely as expressions of the author's viewpoint. This interpretation significantly expanded the understanding of psychological characterization and narrative structure in the novel. An equally important contribution was made by Lidiya Ginzburg, who examined the historical evolution of psychological prose and demonstrated that literary psychologism developed gradually alongside changing concepts of personality and individual consciousness. Ginzburg (1971) emphasized that psychological analysis in literature is not limited to the depiction of emotions but also includes the artistic representation of intellectual, moral, and social experience. Her research remains one of the fundamental studies devoted to the theory of psychological prose. The artistic mechanisms of psychologism in Russian classical literature were further explored by A.B. Esin, whose studies focused on the methods through which writers reveal the inner world of literary characters. Esin (2011) identified various forms of psychological representation, including internal monologue, portrait description, dialogue, symbolism, and narrative commentary, demonstrating that psychologism functions as a complex system of artistic techniques rather than as a single literary device.

Western literary criticism approached the psychological novel from a different methodological perspective. Dorrit Cohn (1978) investigated the narrative techniques used to represent consciousness in fiction and

classified the principal forms through which authors convey thought, memory, and internal reflection. Her work has become one of the most influential studies in narrative theory concerning the literary representation of consciousness. Wayne C. Booth (1983), meanwhile, examined the ethical dimensions of narration and characterization, arguing that narrative perspective plays a decisive role in shaping readers' interpretation of fictional personalities. The historical development of the realist novel was comprehensively examined by Ian Watt (1957), who connected the emergence of the modern novel with increasing attention to individual experience and psychological authenticity. His research demonstrated that realism encouraged writers to replace generalized literary types with psychologically complex and socially individualized characters. Later studies by George Levine (1987) and Peter Brooks (1992) further expanded this perspective by analyzing the relationship between realist narration, characterization, and the representation of human consciousness. Their works illustrate that psychological analysis gradually became one of the principal artistic characteristics of nineteenth-century fiction. Although the phenomenon of the psychological novel has been extensively investigated in both Russian and Western literary criticism, most studies focus either on individual authors or on separate national literary traditions. Comparative analyses that systematically examine the similarities and differences between English and Russian psychological novels remain relatively limited. In particular, insufficient attention has been devoted to comparing the artistic principles through which English and Russian writers represent consciousness, moral conflict, and psychological development within the broader context of nineteenth-century realism.

The present study seeks to address this gap by examining the peculiarities of the English and Russian psychological novel from a comparative perspective. The aim of the

research is to identify the distinctive artistic features of both literary traditions and to determine their common principles in representing the inner world of the individual. To achieve this aim, the study pursues the following objectives: to examine the theoretical foundations of literary psychologism; to analyze the development of the psychological novel in English and Russian literature; to compare the narrative and artistic techniques employed by writers of both traditions; and to identify the principal similarities and differences that distinguish the English and Russian models of the psychological novel.

The research is based on comparative, comparative-historical, hermeneutic, and textual analysis methods. These approaches make it possible to examine literary works within their historical and cultural contexts while identifying the common and distinctive principles underlying psychological representation in English and Russian realist fiction.

Main body

Literary psychologism is regarded as one of the fundamental principles of realist fiction because it enables authors to represent the complexity of human consciousness and the inner mechanisms of personality. Although the concept has been interpreted differently by literary scholars, most definitions emphasize that psychologism refers to the artistic representation of a character's mental and emotional life rather than merely describing external actions. From the perspective of literary theory, psychological characterization constitutes one of the essential elements of artistic representation and contributes to the creation of aesthetically convincing fictional worlds (Wellek & Warren, 1956). It encompasses the depiction of thoughts, emotions, motivations, memories, moral dilemmas, and internal conflicts that shape an individual's behavior and personal development. Consequently, psychologism functions not only as a thematic characteristic but also as a system of artistic techniques

through which writers construct psychologically convincing characters.

Russian literary criticism has made a significant contribution to the theoretical understanding of literary psychologism. According to Esin (2011), psychologism should be understood as the author's ability to reveal the inner world of literary characters through a variety of artistic devices, including internal monologue, dialogue, portrait description, symbolic imagery, and psychological detail. Esin argues that psychological representation cannot be reduced to a single narrative technique; instead, it emerges through the interaction of multiple textual elements that collectively portray the complexity of human consciousness. A similar perspective is expressed in the works of Ginzburg (1971), who considers psychologism to be a historically evolving artistic phenomenon closely connected with changing concepts of personality. She argues that psychological prose gradually shifted the focus of literature from external events to the analysis of human consciousness, allowing writers to depict not only emotions but also intellectual development, ethical choices, and spiritual transformation. From this perspective, the psychological novel became one of the highest achievements of realist literature because it sought to represent the individual as a multidimensional personality rather than as a static literary type. Bakhtin's theory of polyphony further expanded the understanding of literary psychologism by demonstrating that psychological depth may be achieved not only through internal monologue but also through the interaction of multiple independent voices within a literary text (Bakhtin, 1984). In Dostoevsky's novels, characters are not merely objects of authorial description; instead, they possess their own ideological positions, moral perspectives, and psychological autonomy. Such an approach transforms psychological analysis into a dynamic dialogue between different forms of consciousness, making the reader an active

participant in interpreting the characters' inner conflicts.

Western literary scholarship has focused primarily on narrative strategies used to represent consciousness. Cohn (1978) distinguishes several techniques through which fiction conveys the mental life of characters, including psycho-narration, quoted monologue, and narrated monologue. These forms allow writers to present thoughts either directly or indirectly, creating different degrees of psychological intimacy between the reader and the fictional character. Booth (1983), meanwhile, emphasizes that psychological characterization depends not only on the character's thoughts but also on the narrator's perspective, the organization of narrative discourse, and the ethical relationship established between the text and its readers. Within the tradition of nineteenth-century realism, psychologism became inseparable from the development of the psychological novel. Realist writers sought to create characters whose behavior appeared psychologically credible and socially conditioned. Rather than presenting heroes as fixed embodiments of moral qualities, they portrayed personality as a dynamic process shaped by individual experience, social environment, and ethical choice. This tendency can be observed in both English and Russian literature, although each tradition developed its own artistic methods for representing psychological reality. Despite the common realist foundation, the English and Russian psychological novels evolved in different directions. English writers generally preferred indirect methods of psychological representation, allowing readers to infer emotional states through dialogue, behavior, descriptive detail, and interaction with the surrounding environment. Russian authors, by contrast, increasingly relied on direct psychological analysis, internal monologue, philosophical reflection, and moral self-examination. These different artistic approaches ultimately shaped two distinctive

national models of the psychological novel, which form the basis of the present comparative analysis.

The English psychological novel emerged as a distinctive branch of realist fiction during the nineteenth century, reflecting the growing interest of writers in the complexity of human nature and the relationship between the individual and society. As noted by Mikhalskaya (2007), the Victorian novel gradually shifted its attention from external action toward the representation of individual character and moral experience, creating favorable conditions for the development of psychological realism in English literature. Although earlier English fiction contained elements of psychological characterization, it was the realist novel that transformed the representation of the inner world into one of its principal artistic objectives. Rather than portraying idealized heroes or extraordinary adventures, realist authors sought to depict ordinary individuals confronted with moral dilemmas, emotional conflicts, and social pressures. This shift marked an important stage in the evolution of the English novel and laid the foundation for the development of literary psychologism.

The rise of the English psychological novel was closely connected with the principles of realism. Victorian writers aimed to create credible characters whose thoughts, emotions, and actions reflected the realities of everyday life. Human behavior was presented as the result of personal experience, social environment, education, and moral values rather than as the consequence of predetermined literary conventions. Consequently, psychological analysis became an essential component of characterization, allowing authors to explore the interaction between the individual and the surrounding world. One of the defining characteristics of the English psychological novel is its reliance on indirect psychologism. Instead of providing lengthy internal monologues or explicit philosophical reflections, English novelists

generally reveal the psychological state of their characters through external manifestations of behavior. Dialogue, gesture, facial expression, silence, descriptive details, and interaction with other characters serve as important means of conveying emotions and motivations. Readers are encouraged to interpret the characters' inner experiences independently, making psychological analysis an active process of literary interpretation rather than a direct authorial explanation. Narrative perspective also plays a crucial role in the English psychological tradition. The development of free indirect discourse enabled writers to combine the narrator's voice with the consciousness of fictional characters while maintaining an objective style of narration. This technique creates a close connection between the reader and the protagonist without abandoning the realist principle of narrative distance. As a result, psychological complexity is conveyed subtly, allowing internal emotions to emerge naturally through the flow of narration.

Another important feature of the English psychological novel is the symbolic function of descriptive details and the surrounding environment. Landscapes, domestic interiors, weather conditions, and everyday objects frequently acquire psychological significance, reflecting the emotional condition of literary characters. Nature, in particular, often functions as an artistic parallel to human experience, strengthening the emotional atmosphere of the narrative without replacing realistic description. Such symbolism enriches psychological characterization while preserving the objective manner typical of English realism. The development of these artistic principles can be observed in the works of several major English novelists. Jane Austen introduced refined methods of psychological characterization through dialogue, irony, and free indirect discourse, demonstrating that the complexity of personality could be revealed through ordinary social interaction. George Eliot expanded the psychological dimension of

the realist novel by examining the relationship between individual morality and social responsibility, presenting psychological development as a continuous process of ethical choice. Later, Thomas Hardy deepened the psychological tradition by combining realistic social observation with symbolic landscapes and emotionally expressive narrative detail, illustrating the influence of both society and environment on human destiny. Although each writer employed different artistic techniques, all contributed to the gradual formation of the English psychological novel as a literary form devoted to the exploration of human consciousness. Thus, the English psychological novel developed a distinctive artistic model based on indirect psychological representation, objective narration, and careful observation of everyday life. Rather than explaining emotions explicitly, English writers sought to reveal the inner world of their characters through actions, speech, interpersonal relationships, and symbolic details. This approach established a tradition in which psychological depth emerges naturally from the interaction between the individual and the surrounding social and cultural environment, becoming one of the defining characteristics of English realist fiction.

The Russian psychological novel reached its highest artistic development during the nineteenth century, becoming one of the most distinctive achievements of Russian realist literature. While sharing the general principles of European realism, Russian writers developed an original approach to psychological representation that placed the inner life of the individual at the center of artistic inquiry. Rather than concentrating primarily on observable behavior or social interaction, Russian novelists sought to investigate the complexity of human consciousness, moral responsibility, and spiritual development. As a result, the psychological novel became not only a literary genre but also a means of philosophical reflection on the nature of humanity. The emergence of the Russian

psychological novel was closely connected with the intellectual and cultural atmosphere of nineteenth-century Russia. Literature assumed an important social and moral function, encouraging writers to explore fundamental questions concerning freedom, justice, faith, guilt, and personal responsibility. Consequently, psychological analysis extended beyond the description of emotions and became inseparable from ethical and philosophical inquiry. Characters were portrayed as individuals engaged in continuous internal struggle, whose decisions reflected both personal experience and broader moral values. A defining characteristic of the Russian psychological novel is its emphasis on direct psychologism. Unlike the English tradition, where emotions are frequently inferred through external behavior, Russian writers often provide direct access to the thoughts and feelings of their characters. Internal monologue, psychological introspection, confession, dreams, memories, and philosophical dialogue serve as important narrative devices through which the reader observes the development of consciousness. These techniques allow authors to portray not only emotional states but also the intellectual and moral processes that determine human behavior.

Another important feature of the Russian psychological tradition is the close relationship between personality and ethical choice. Characters are rarely presented as static figures with clearly defined qualities; instead, they evolve through internal conflicts that challenge their beliefs, values, and understanding of themselves. Psychological development is therefore closely connected with questions of morality and spirituality, making the individual's search for truth one of the central themes of the Russian psychological novel. The artistic principles of Russian psychologism are reflected in the works of several major nineteenth-century novelists. Ivan Turgenev portrayed the subtle emotional experiences of his characters through restrained narration and

careful observation of interpersonal relationships, emphasizing the influence of social and generational change on personality. Leo Tolstoy expanded the psychological possibilities of realist fiction by depicting the gradual moral development of individuals and the constant interaction between thought, feeling, and action. Fyodor Dostoevsky introduced an exceptionally profound form of psychological analysis, employing internal monologue, philosophical dialogue, and polyphonic narration to explore the contradictions of human consciousness. Although each writer developed a unique artistic style, together they established the Russian psychological novel as one of the most influential traditions in world literature. The Russian psychological novel is also distinguished by its dynamic representation of consciousness. Rather than depicting psychological states as fixed or complete, Russian authors portray personality as a continuous process of transformation shaped by moral choices, social circumstances, and existential conflicts. This emphasis on psychological development enables readers to observe the evolution of the character's inner world throughout the narrative, creating a deep sense of emotional and intellectual involvement. Thus, the Russian psychological novel developed a distinctive artistic model characterized by direct psychological analysis, philosophical reflection, and profound exploration of moral consciousness. By combining realistic representation with psychological depth, Russian writers transformed the novel into a medium for investigating the complexity of human nature. This tradition significantly expanded the artistic possibilities of realist fiction and exerted a lasting influence on the development of the psychological novel in world literature.

Although the English and Russian psychological novels developed within the common framework of nineteenth-century realism, they demonstrate significant differences in their artistic principles and

methods of representing human consciousness. Both traditions share a common interest in the complexity of personality, the motives of human behavior, and the moral dimension of individual experience. Nevertheless, each literary tradition developed its own distinctive model of psychologism, reflecting the historical, cultural, and aesthetic characteristics of its national literature. One of the principal differences concerns the manner in which psychological depth is achieved. English novelists generally favor indirect psychologism, revealing the inner world of characters through external manifestations such as dialogue, gesture, descriptive detail, and interaction with the surrounding environment. Rather than explicitly explaining thoughts and emotions, English authors encourage readers to interpret psychological states through observation of behavior and social relationships. This narrative strategy preserves the objective tone of realist fiction while allowing characters to develop naturally through their actions and interactions. In contrast, the Russian psychological novel is characterized by direct psychologism, providing readers with immediate access to the character's consciousness. Internal monologue, philosophical reflection, confession, and psychological introspection occupy a central position in Russian realist prose. Instead of merely observing behavior, readers participate directly in the intellectual and emotional processes that accompany moral decision-making. Consequently, Russian psychological analysis frequently extends beyond emotional experience to address broader philosophical questions concerning freedom, responsibility, guilt, faith, and the meaning of human existence.

Another significant distinction lies in the relationship between the individual and society. In English psychological fiction, social environment often functions as the principal factor influencing character development. Family relationships, class distinctions, education, professional aspirations, and social

expectations shape the psychological experiences of literary characters. The conflict between individual desires and social norms usually unfolds through everyday situations that gradually reveal the protagonist's emotional and moral growth. Russian psychological novels, while also acknowledging the influence of society, place greater emphasis on the individual's internal struggle. Social circumstances frequently serve as a catalyst for deeper moral and philosophical conflicts rather than as the primary object of artistic representation. Characters are portrayed as confronting ethical dilemmas that require profound self-examination, making psychological development inseparable from the search for spiritual truth and personal responsibility. The narrative techniques employed by English and Russian novelists also differ considerably. English writers tend to maintain a relatively stable narrative perspective, allowing psychological meaning to emerge through carefully selected details, symbolic descriptions, and realistic dialogue. The narrator often remains restrained, avoiding extensive commentary on the characters' thoughts. Russian authors, however, frequently integrate internal monologue, shifting narrative perspectives, philosophical dialogue, and psychological commentary into the narrative structure. These techniques create a stronger sense of immediacy and enable readers to follow the dynamic development of consciousness from within. As Brooks (1992) observes, narrative structure itself contributes to the construction of psychological meaning by shaping readers' perception of character development and motivation. From this perspective, differences in narrative organization between the English and Russian psychological novel are not merely stylistic but also influence the ways in which consciousness and personality are represented.

Despite these differences, the two traditions share several important characteristics that justify considering them as

related forms of the psychological novel. Both reject simplified representations of human nature and portray personality as a complex combination of emotional, moral, intellectual, and social dimensions. Both traditions also demonstrate that psychological development is a gradual process rather than a fixed condition, emphasizing the influence of experience, interpersonal relationships, and ethical choice on the formation of character. Furthermore, both English and Russian novelists employ realism as the artistic foundation for creating psychologically convincing literary worlds in which external reality and internal consciousness remain closely interconnected.

Aspect	English Psychological Novel	Russian Psychological Novel
Dominant type of psychologism	Indirect	Direct
Main focus of psychological analysis	External behaviour and social interaction	Inner consciousness and moral reflection
Primary narrative techniques	Dialogue, description, symbolic detail, free indirect discourse	Internal monologue, confession, philosophical dialogue, polyphony
Role of society	Determines psychological development	Stimulates moral and spiritual conflict
Function of landscape	Reflects emotional atmosphere and psychological condition	Usually secondary to internal reflection
Character development	Gradual adaptation to social reality	Continuous moral and spiritual transformation
Artistic emphasis	Objective realism	Philosophical and psychological depth

Table 1. *The principal similarities and differences between the English and Russian psychological novel may be summarized as follows*

The comparison demonstrates that neither tradition can be regarded as superior to the other. Instead, they represent two complementary artistic models of psychological representation that broadened the expressive possibilities of realist fiction. The English tradition refined the art of indirect psychological characterization, encouraging readers to infer emotional meaning from external reality, whereas the Russian tradition developed increasingly sophisticated methods of direct psychological analysis, allowing readers to observe the inner evolution of consciousness itself. Together, these traditions significantly enriched the history of the psychological novel and established literary psychologism as one of the central achievements of nineteenth-century European literature.

The comparative analysis conducted in this study demonstrates that the English and Russian psychological novels developed two distinct yet complementary models of literary psychologism. Although both traditions emerged within the framework of nineteenth-century realism and shared a common interest

in portraying the complexity of human personality, they adopted different artistic strategies for representing consciousness and psychological experience. These findings support the view that literary psychologism should be understood not as a fixed set of narrative techniques but as a dynamic artistic principle shaped by national literary traditions, historical context, and aesthetic priorities. The results of this study are consistent with the theoretical observations of Esin (2011), who argued that psychologism functions as a complex system of artistic devices rather than a single method of characterization. The present analysis confirms that English and Russian novelists employed different combinations of these devices to achieve psychological depth. English writers relied primarily on dialogue, symbolic detail, descriptive narration, and social interaction, whereas Russian authors more frequently employed internal monologue, philosophical reflection, and psychological introspection. Despite these differences, both traditions sought to create psychologically convincing characters whose actions reflected complex

emotional and moral processes. The findings also correspond with Ginzburg's (1971) interpretation of psychological prose as a historically evolving literary phenomenon. The gradual development of psychological characterization in both English and Russian realism demonstrates that literary psychologism evolved alongside changing conceptions of personality and individual consciousness. However, this evolution did not follow a uniform pattern. The English tradition generally maintained an objective narrative perspective that encouraged readers to infer psychological meaning from observable behavior, while the Russian tradition increasingly emphasized direct exploration of consciousness and ethical self-analysis. Bakhtin's theory of polyphony (1984) provides an especially valuable framework for understanding the originality of the Russian psychological novel. The present study confirms that Russian writers frequently portray consciousness as a dynamic interaction of multiple moral and ideological perspectives rather than as a unified psychological state. At the same time, the comparative analysis suggests that psychological depth is not limited to direct introspection. The English psychological novel demonstrates that indirect methods of characterization may achieve an equally profound representation of personality by allowing readers to reconstruct emotional experience through narrative context, dialogue, and symbolic imagery.

The comparison also highlights the important role of cultural and literary traditions in shaping national models of the psychological novel. English realism developed under conditions that encouraged detailed observation of everyday social life and interpersonal relationships, leading to an artistic preference for indirect psychological representation. Russian realism, by contrast, evolved within an intellectual environment in which literature was closely connected with philosophical, ethical, and spiritual inquiry. This context contributed to the emergence of

narrative forms that explored the inner life of the individual with exceptional psychological intensity. Therefore, the present research demonstrates that the English and Russian psychological novels should not be viewed as competing literary models but rather as complementary traditions that expanded the artistic possibilities of realist fiction in different ways. Their coexistence illustrates the diversity of narrative approaches through which literature may represent the complexity of human consciousness while remaining faithful to the realist principle of psychological credibility.

Conclusion

The present study has examined the development and distinctive characteristics of the English and Russian psychological novel within the broader context of nineteenth-century realist literature. The analysis has demonstrated that both traditions share a common commitment to exploring the inner world of the individual and to portraying the psychological motivations underlying human behavior. At the same time, they differ considerably in their narrative strategies, artistic techniques, and approaches to psychological representation. The English psychological novel is primarily characterized by indirect psychologism, objective narration, and the gradual revelation of personality through dialogue, descriptive detail, and interaction with the surrounding social environment. In contrast, the Russian psychological novel places greater emphasis on direct psychological analysis, internal monologue, philosophical reflection, and the moral evolution of the individual. These distinctive features illustrate the diversity of artistic methods through which realist writers sought to represent the complexity of human consciousness. The comparative analysis confirms that literary psychologism cannot be reduced to a single narrative technique or national tradition. Instead, it should be understood as a multifaceted artistic principle that developed differently within English and

Russian literature while pursuing a common objective – the truthful representation of human personality in all its emotional, intellectual, and moral complexity. Both traditions made a substantial contribution to the evolution of the psychological novel and significantly enriched the development of world literature. The findings of this study contribute to comparative literary scholarship

by highlighting both the shared foundations and the distinctive national characteristics of the English and Russian psychological novel. Further research may extend this comparative perspective by examining twentieth-century psychological fiction or by exploring the influence of English and Russian models on the development of psychological prose in other national literatures.

References:

1. Bakhtin, M. M. (1984). *Problems of Dostoevsky's poetics* (C. Emerson, Trans.). University of Minnesota Press.
2. Booth, W. C. (1983). *The rhetoric of fiction* (2nd ed.). University of Chicago Press.
3. Brooks, P. (1992). *Reading for the plot: Design and intention in narrative*. Harvard University Press.
4. Cohn, D. (1978). *Transparent minds: Narrative modes for presenting consciousness in fiction*. Princeton University Press.
5. Esin, A. B. (2011). *Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury* [Psychologism of Russian classical literature]. Flinta.
6. Ginzburg, L. Ya. (1971). *O psikhologicheskoi proze* [On psychological prose]. Sovetskii Pisatel.
7. Levine, G. (1987). *The realist imagination: English fiction from Frankenstein to Lady Chatterley*. University of Chicago Press.
8. Mikhalskaya, N. P. (2007). *History of English literature*. Akademiya.
9. Watt, I. (1957). *The rise of the novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding*. University of California Press.
10. Wellek, R., & Warren, A. (1956). *Theory of literature* (3rd ed.). Harcourt, Brace & World.

The semantic field of the concept HEALTH/SOG'LIK in English and Uzbek languages: linguocultural and cognitive analysis

Turaxanova Nigora Ixtiyorovna

turaxovanigora555@gmail.com

Master's student,

Uzbek State World Languages University

Annotation

This article is devoted to the study of the semantic field and conceptual models of the "health/sog'lik" concept in English and Uzbek, based on a sociocultural and cognitive analysis. The main idea of the study is that, the concept "health" is translated into Uzbek as "sog'lik", however, their lexical core-periphery, metaphorical conceptualization and cultural characteristics differ. Therefore, the semantic field approach is adopted as the methodological basis, and cognitive metaphors are analyzed on the basis of definitions from explanatory dictionaries. This concept encompasses not only linguistic aspects but also medical and cultural features. It also covers the fundamentals of a healthy lifestyle, prevention and health promotion. Health is considered the primary condition for the fulfilment of a person's biological and social functions. From a linguocultural perspective, in English health is more often understood as physical, practical well-being, prevention and personal responsibility, In Uzbek, the national-cultural content of the health concept is closely linked to human life, well-being and value systems, prayers and moral perspectives. The results indicate the necessity of taking into account subtle differences in concepts in linguocultural, cognitive analysis and translation processes.

Keywords

Concept, semantic structure, HEALTH, SOG'LIK, cognitive linguistics, semantic field, linguaculture, cognitive analysis

Ingliz va o'zbek tillarida "HEALTH/SOG'LIK" tushunchasining semantik maydoni: lingvomadaniy va kognitiv tahlil

Turaxanova Nigora Ixtiyorovna

turaxovanigora555@gmail.com

Magistrant,

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya

Mazkur maqola ingliz va o'zbek tillaridagi "health/sog'lik" konseptining semantik maydoni hamda konseptual modellarini lingvomadaniy va kognitiv tahlil asosida o'rganishga bag'ishlanadi. Tadqiqotning asosiy g'oyasi "health" konsepti o'zbek tiliga "sog'lik" tarzida tarjima qilinsada, ularning leksik-yadro periferiyasi, metaforik konseptuallashtirish hamda madaniy xususiyatlari turli xilda ekanligadir. Shu bilan birga, metodologik asos sifatida semantik maydon yondashuvi, izohli lug'atlar ta'riflariga asoslangan holda kognitiv metaforalar tahlil qilinadi. Ushbu konsept nafaqat lingvistik jihatdan, balki tibbiy va madaniy xususiyatlarni o'z ichiga oladi. U organizmning sog'lom turmush tarzi, profilaktika va sog'lomlashtirish asoslarini ham qamrab oladi. Sog'lik insonning biologik va ijtimoiy funksiyalarini amalga oshirishning asosiy sharti hisoblanadi. Lingvomadaniy tomondan, ingliz tilida sog'lik ko'proq jismoniy, amaliy farovonlik, profilaktika va shaxsiy javobgarlikni ifodalasa, o'zbek tilida sog'lik konseptining milliy-madaniy mazmuni inson hayoti, farovonlik

va qadriyatlar tizimi, duolar va axloqiy qarashlar bilan chambarchas bog'liq. Natijalar lingvomadaniyat, kognitiv tahlil va tarjima jarayonlarida konseptlardagi nozik farqlarni hisobga olish zarurligini ko'rsatadi.

Kalit so'zlar *Konsept, semantik struktura, HEALTH, SOG'LIK, kognitiv lingvistika, semantik maydon, lingvomadaniyat, kognitiv tahlil*

Семантическое поле понятия “HEALTH/SOG'LIK” в английском и узбекском языках: лингвокультурный и когнитивный анализ

Тураханова Нигора Ихтиеровна

turaxanovanigora555@gmail.com

Магистрант,

Узбекский государственный университет

мировых языков

Аннотация *Данная статья посвящена исследованию семантического поля и концептуальных моделей понятия «health/sog'lik» в английском и узбекском языках на основе социокультурного и когнитивного анализа. Основная идея исследования заключается в том, что, хотя понятие «здоровье» переводится на узбекский язык как «соглик», их лексическая ядро-периферия, метафорическая концептуализация и культурные характеристики различаются. Поэтому в качестве методологической основы принят подход, основанный на семантическом поле, а когнитивные метафоры анализируются на основе определений из толковых словарей. Данное понятие охватывает не только лингвистические аспекты, но и медицинские и культурные особенности. Оно также включает в себя основы здорового образа жизни, профилактику и укрепление здоровья. Здоровье считается первоочередным условием выполнения человеком своих биологических и социальных функций. С лингвокультурной точки зрения в английском языке под здоровьем чаще понимают физическое, практическое благополучие, профилактику и личную ответственность. В узбекском языке национально-культурное содержание понятия «здоровье» тесно связано с человеческой жизнью, благополучием, а также системой ценностей, молитвами и моральными взглядами. Полученные результаты указывают на необходимость учета тонких различий в концепциях при проведении лингвокультурного и когнитивного анализа, а также в процессе перевода.*

Ключевые слова *Концепт, семантическая структура, HEALTH, SOG'LIK, когнитивная лингвистика, семантическое поле, лингвокультура, когнитивный анализ*

Kirish.

Til inson tafakkurining mahsuli bo'lishi bilan bir qatorda, muloqot vositasi, dunyoni bilish, u haqida axborot to'plash va uni saqlash, boshqalarga yetkazish vosita hisoblanadi.

Tilning insoniyat taraqqiyotida va hayot faoliyatida bajaradigan vazifalari hisobsizdir. Ammo qanday vazifa bajarilishidan qat'iy nazar, til birliklari, birinchi navbatda ma'noga ega bo'lishlari lozim. Aks holda, tilning

muloqot vositasi, bilim manbai bo'lishi hamda axborot uzatish quvvati batamom yo'qoladi (Safarov, 2013). Har bir tilda o'zining ijtimoiy va madaniy tushunchalariga ega bo'lgan konseptlar mavjud bo'lib, ular insonlarning an'analari keng tushuntirib beradi va shu bilan bir qatorda tilshunoslikda keng o'rganiladi. Shunday konseptlardan biri "Sog'lik" konseptidir. "Sog'lik" konsepti qadim zamonlardan buyon shakllanib kelgan. Zamonaviy jamiyatda "Sog'lik" konsepti inson turmush tarzining eng muhim omillaridan biri hisoblanib, o'z semantik maydonlariga ega. Masalan, o'zbek tilda "sog'-salomatlik", "sihat", "tob", "sog'lomlik", "kasallik", "nosog'lomlik", "kasalmandlik" kabi so'z va so'z birliklari "Sog'lik" konsepti ostidagi semantik maydonni tashkil qiladi. Barcha zamonaviy "sog'lik" tushunchalari sog'likni kasallik yo'qligidan ko'ra kengroq tushunib, uni shaxsning o'zini anglashi va o'zini rozi qilish imkoniyatlari deb hisoblab, jismoniy, ruhiy va ijtimoiy jihatdan to'liq sokinlik sifatida ham izohlanaydi. Bu esa, konseptni tilshunoslikda yanada kengaygan semantik maydon sifatida o'rganilishini targ'ib qiladi.

Ingliz tilidagi *HEALTH* va o'zbek tilidagi *SOG'LIK* konseptlari umumiy mazmunga ega bo'lishiga qaramay, ularning semantik maydoni va strukturasi, metaforik ifodalanishi hamda lingvomadaniy xususiyatlari turlicha shakllangan. Mazkur maqolaning maqsadi ushbu konseptlarning semantik tarkibini kognitiv jihatdan tahlil qilish va ularning umumiy hamda farqli tomonlarini aniqlashdan iborat.

Adabiyotlar sharhi

Konsept tushunchasi kognitiv tilshunoslikda asosiy kategoriyalardan biri hisoblanadi. Kognitiv lingvistika nuqtai nazaridan "konsept" murakkab ong birligi hisoblanib, bilim tuzilmalarini ifodalash vositasi, ko'p qirrali kognitiv tuzilma va xotiraning amaliy birligi sifatida qaraladi (Ashurova, 2018). Lingvistlar ta'kidlashicha, konsept dunyo haqidagi umumiy bilimlarimizning bir qismi bo'lib, inson kognitiv

faoliyatini aks ettiruvchi konseptual tizimning birligidir. Safarovga ko'ra, konsept bilimlarni ramkalar, skriptlar, ssenariylar va gestaltlar shaklida tizimlashtirish vositasidir (Safarov, 2006).

O'zbek tili sinonimlarining izohli lug'atida "sog'lik" terminiga quyidagicha ta'rif beriladi (Mahmudov va b., 2023):

SOG'LIK, SALOMATLIK, SIHAT, TOB Organizm a'zolarining normal (to'g'ri) ishlab turish holati. Sog'lik keng qo'llanadi. Salomatlik, sihat faqat odamga nisbatan qo'llanadi. Sihat so'zi sog'lik, salomatlik so'zlariga nisbatan kam qo'llanadi. Tob so'zi ko'pincha yo'q so'zi bilan birga so'zlashuv nutqida qo'llanadi.

Lingvokulturologik tadqiqotlarda "sog'lik" tushunchasi inson qadriyatlari bilan bog'liq holda ko'rib chiqiladi. Masalan, Mahmudov o'zining "Til va madaniyat" kitobida "sog'lik" tushunchasiga o'zbek madaniyatining muhim qismi va ko'zgusi sifatida qaraydi (Mahmudov, 1992). Ushbu konseptni bir qancha jihatlarini sanab o'tadi. O'zbek xalq madaniyatida sog'lik ko'pincha "hayotning asosi", tinchlik va farovonlikning sharti sifatida qadrlanadi. Kitobda sog'lik haqida gap ketganda, ushbu tushunchaga oid xalq donishmandligi misollaridan foydalanilgan: "Sog'lik to'yda kerak, sog'lik kunda kerak". Olim "sog'lik" bu yerda alohida "konsept" emas, balki madaniyatning bir qismi ya'ni, hayotiy qadriyat, xalq tajribasi sifatida til orqali ifodalaydi.

Inglizcha "health" so'zi qadimgi ingliz *hal* – *butun*, *sog'lom* ildizidan kelib chiqqan bo'lib, u o'z navbatida qadimgi german tillari bo'limiga mansub nemischa *heil* – *buyuk*, *butun* so'zidan olingan. Uning kelib chiqishi hind-yevropa tillaridagi **kai-lo-*, **kai-lu-* tuzilmasiga borib taqalib, bu yerda "butun", "sog'lom", "zararsiz" ma'nolari mavjud. Zamonaviy ingliz tilidan misol: *healed person*. Ma'no quyidagicha: *butun* = *sog'lom* deganidir. Butun shaxsiyat, butun tana, butun ruh = *sog'aygan*, *sog'lom* inson. Shuningdek, zamonaviy ingliz tilida *sog'lik* konsepti bilan

bog'liq "Mental health", "healthy lifestyle", "well-being", "fitness", "self-care" kabi yangi terminlar paydo bo'lmoqda.

Tadqiqot metodologiyasi

Til va madaniyat o'zaro ta'siri bo'yicha tadqiqot olib borish uchun quyidagi usullardan foydalanildi:

Birinchi usul – leksik-semantik maydon nazariyasi asosida konseptni semantik strukturasini tahlil qilish. Bunda yadroviy ma'no sifatida "health/sog'lik" konseptni olinib, semantik komponentlari sifatida jismoniy, ruhiy, ijtimoiy, profilaktik, tibbiy va madaniy ma'nolarini qamrab olinadi. O'zbek va ingliz tilidagi "sog'lik/health" konseptini til vositasida ifodalovchi lingvistik birliklar majmuasini aniqlashdan iborat.

Ikkinchi usul – Maqollar tahlili "health/sog'lik" tushunchasining universal va xususiy madaniy komponentini ifodalovchi darajani baholashga imkon beradi, bu esa milliy til ongi holatini aks ettiradi.

Uchinchi usul – konseptual modellarni aniqlashda kongnitiv metafora tahlili

qo'llaniladi. Bunda konseptual metaforalarning to'rt xil strukturalaridan foydalaniladi.

Tahlil va Natijalar

O'zbek va ingliz tillarining izohli lug'atlarini tahlilidan so'ng, "sog'lik" tushunchasi quyidagi umumiy tarkibiy qismlarni o'z ichiga olishi isbotlandi:

- organizmning barcha a'zolari to'g'ri ishlaydigan normal holati (well-being);
- insonning yaxshi yashashi (healthy lifestyle);
- ruhiy va ijtimoiy farovonligi (mental and social health);
- tilak ma'nosida (masalan: Sog' bo'ling, Bless you).

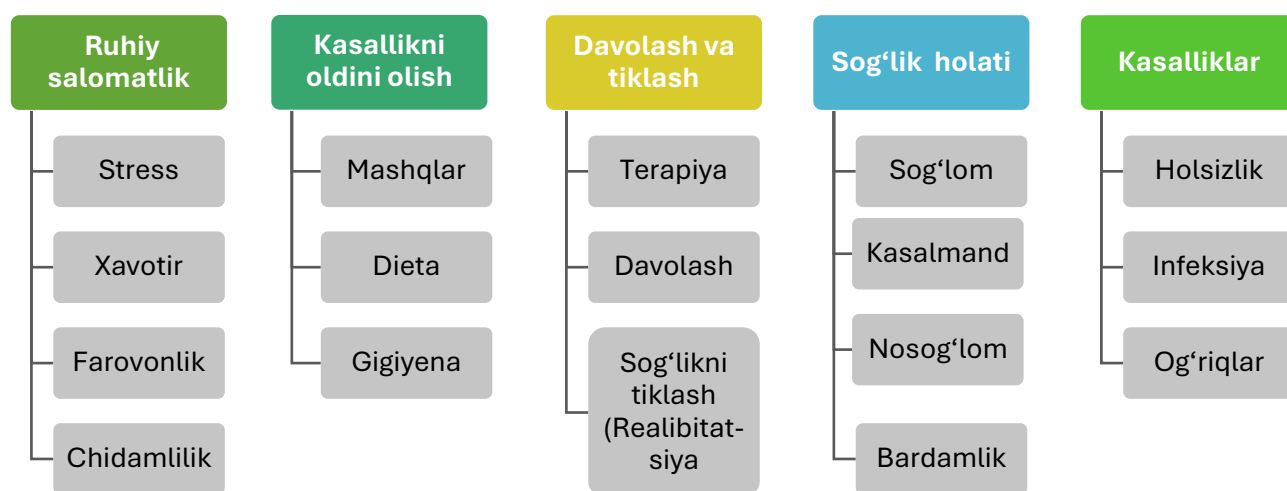
Semantik maydonning yadroviy birligi sifatida "sog'lik" konsepti olindi. "Sog'lik" konseptining nominativ maydoni konseptual tahlil metodologiyasiga muvofiq yadro, yaqin periferiya va uzoq periferiya qismlaridan iborat bo'lib, bu model konseptning til birliklari orqali ifodalanish darajasini aniqlash imkonini beradi (Popova, 2007).

1-jadval. Sog'lik konseptining semantik maydoni

Tadqiqot davomida sog'lik konseptining keng leksik-semantik maydonga ega ekanligi aniqlandi:

Sog'likni fiziologik holatini ifodalovchi birliklar. Bu maydonga inson tanasining jismoniy va ruhiy holatini ifodalovchi so'zlar kiradi.

2-jadval. Sog'likni fiziologik holatini fodalovchi birliklar

Sog'liq tushunchasi mavhumdir. U ko'rish, eshitish yoki tegish mumkin bo'lgan aniq obyekt emas. Ammo odamlar uning ahamiyatini obrazli tushunchalar orqali idrok etib, sog'liqni qimmatbaho narsa – boylik va

xazina deb hisoblashadi. Jadvalda ingliz va o'zbek lingvomadaniyatlarida "sog'lik" tushunchasining nazariy, obrazli va qiymat xususiyatlari taqdim etilgan.

Tushuncha	O'zbek	Ingliz
Sog'lik - qadryat sifatida	Fziolgik-psixologik inson holati uning hayotida eng nuhim jihat sifatida qabul qilinadi. Salomatlik organizmning yaxlitligi va normal holatda ishlayotgani tushuniladi.	
	Sog' tanda sog'lom aql. Boylikni boshi – sog'lik. Salomatlik – tuban boylik	Healthy mind in a healthy body. Health is wealth.
Sog'lik – Xudoning ne'mati sifatida	Salomatlik bu Xudoning ne'matidir. Islom dinining nuqtayi nazaridan, Xudo insonni tuzatish uchun kasallik beradi(sabrni sinash, gunohlarni tozalash) Xudo bergan dardga sabr berar. Bandaning boshi – xudoning qo'lida.	Ingliz madaniyatida sog'lik asosan tibbiy tushuncha sifatida qabul qilinadi, shuningdek, kasalliklarni oldini olish vositasi sifatida tabiiy resurslar bilan bog'lab tushuniladi. An apple a day keeps doctor away. Prevention is better than cure.
Sog'lik – duo sifatida	O'zbek milliy qadryatlarida sog'lik tilash duo sifatida qabul qilinadi. – Sog' boling ! – Joningiz sog' bo'lsin! – Sihat-salomatlik tilayman.	Ingliz madaniyatida soglikka nisbatan bunday tushunchalar kam. – Bless you !

3- jadval. Tushuncha tahlili: ingliz va o'zbek tillaridagi maqollar va gaplar misolida

Semantik maydon tarkibida ko'plab umumiy elementlar mavjud bo'lsa-da, periferik qatlamda sezilarli lingvomadaniy tafovutlar kuzatiladi. Har ikki tilda sog'lik inson hayotining eng oliy qadriyati sifatida talqin qilinadi. O'zbek tilidagi "sog'lik" tushunchasida diniy komponentlar kuchli hisoblanib, asosan Islom dinidan kelib chiqqan holda qabul qilinadi. Bunda "sog'lik" oila va inson farovonligi, sabrni sinash, gunohlardan forig' bolish kabi g'oyalari bilan teng ko'riladi va diniy, axloqiy va oilaviy qadriyatlar muhim o'rin egallaydi. Ingliz tilida esa aksincha, insonning individual qarashlaridan kelib chiqqan holda, "sog'lik" ilmiy-medsina va sog'lom turmush tarzi bilan ko'proq bog'lanib, asosan, tananing sog'ligi, kasal bo'lmaslik, ruhiy salomatlik kabi qarashlar bilan tenglashtiriladi.

Jorj Lakof va Mark Jonsonning fikricha, metafora nazariyasi mavhum tushunchalarni aniqroq tajribalarga asoslanib tushuntiradi (Lakoff, 1980). Maqollarda sog'lik ko'pincha so'zma-so'z ma'nolaridan ko'ra metaforalar orqali tushuniladi.

- 1) Struktural metaforaga asoslanib, sog'lik konseptini xazinaga qiyoslab quyidagi natija olindi.

HEALTH IS A TREASURE

Source domain/Manba: Treasure, valuable object/Xazina, qimmatbaho narsa

Target domain/Maqсад: Health/Sog'lik

Sog'lik qimmatbaho xazina sifatida tasavvur qilinadi. Odamlar pulni qanday himoya qilsa, shunday sog'likni ham himoya qilib, saqlashi kerak. Bu metafora sog'lik hayotning eng katta boyligi ekanligi g'oyasini aks ettiradi.

- 2) Orientatsion metafora "butun tushunchalar tizimini bir-biriga nisbatan tartibga solidi" va fazoviy yo'nalishlarga tegishli: yuqori-past, ichki-tashqi.

HEALTH AND LIFE ARE UP, SICKNESS AND DEATH ARE DOWN

He's at the peak of health – Uning sog'ligi alo darajada

His health is declining – Uning sog'ligi yomonlashib boryapti

- 3) Konduit metaforasi muloqotga ishora qiladi va murojaat qiluvchi o'zining ruhiy g'oyalari (tuyg'ular, fikrlar)ni xabarida so'zlar, iboralar, jummalarga joylaganida, murojaat qilinuvchi esa ularni shu lingvistik shakllardan chiqarib olganda amalga oshadi. Shunday qilib, til odamlar o'rtasida ruhiy mazmunni yetkazuvchi "kanal" sifatida qaraladi.

HIS ADVISE HELPED ME UNDERSTAND MY ILLNESS.

Maslahat ulashish orqali kasallikka davo topilganida qo'llanilgan ushbu metafora, maslahatga o'z g'oyasini yetkazuvchi kanal sifatida qaralgan.

- 4) Konteiner metaforasi quyidagi tarzda ishlaydi: bir tushunchaviy soha ikkinchi tushunchaviy soha ichida deb hisoblanadi. Lakoff va Johnson ta'kidlaganidek, konteiner mantig'i "o'z ichiga olish"dan kelib chiqadigan mantiqiy sxemalarni tasavvur qilishga undaydi (Lakoff, 1980).

HEALTH IS A JOURNEY

Source domain/Manba: Travel and movement/Sayohat va harakat

Target domain/Maqсад: Health/Salomatlik

Prevention is better than cure. (Oldini olish davolashdan yaxshiroq)

Garchi bevosita harakatni tilga olmasa-da, maqol sog'liqni saqlash uzluksiz jarayon ekanligini anglatadi. Odamlar kasalliklardan saqlanishga yordam beradigan, oldini olish choralari amal qilib, bir yo'lda harakatlanadilar.

Xulosa

HEALTH va SOG'LIK konseptlari inson tafakkuridagi eng muhim konseptlardan biridir. Ularning semantik strukturasi yadro va periferik komponentlardan tashkil topgan bo'lib, leksik birliklar, maqollar va metaforalar orqali namoyon bo'ladi. Ingliz va o'zbek tillarining tahlili sog'lik konseptining universal va milliy-madaniy jihatlarini aniqlash imkonini

beradi. Mazkur tadqiqot natijalari kognitiv lingvistika, lingvomadaniyatshunoslik hamda qiyosiy tilshunoslik yo'nalishlarida olib

boriladigan keyingi ilmiy izlanishlar uchun nazariy asos bo'lib xizmat qilishi mumkin.

References:

1. Ashurova, D. U., & Galiyeva, M. R. (2018). *Cognitive linguistics* [Когнитив лингвистика]. Toshkent.
2. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
3. Mahmudov, N., & Mirtojdiyev, M. (1992). *Til va madaniyat*. O'zbekiston.
4. Mahmudov, N., Lutfullayeva, D., Odilov, Y., Xudoyberganova, D., Yo'ldoshev, M., Ko'chimov, S., Andaniyazova, D., & Musayeva, F. (2023). *O'zbek tili sinonimlarining izohli lug'ati* (N. Mahmudov tahriri ostida). G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi.
5. *Oxford English Dictionary*.
6. Popova, Z. D., & Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika*. AST: Vostok-Zapad.
7. Safarov, Sh. (2006). *Kognitiv tilshunoslik*. "Sangzor" Nashriyoti, Jizzax.
8. Safarov, Sh. (2013). *Semantika*.

Verbalization of the concept of patience in English and Russian linguaculturology

Kdirbayeva Aksungul Rustem qizi

aqsungulstanford@gmail.com

Master`s degree student,
Berdakh Karakalpak State University

Annotation *This research presents a linguocultural analysis of the concept of "patience" within theoretical basis across English and Russian languages. As a Master's level study, it explores how different cultures perceive, categorize, and express this virtue through their unique historical and social lenses. Utilizing a discursive method, the study examines the structure and cultural semantics of the concept which is verbalized through languages diversely to identify both universal traits and nation-specific nuances. Findings reveal that while all three cultures view patience as a capacity to wait, hope to better circumstance and sometimes it is of meaning endurance. Through English linguaculturology it can be inferred that patience is tightly bonded to historical survival and gendered expectations of endurance and is verbalized in various ways. Russian linguistics emphasizes patience as a form of long-term fortitude and hope against hardship, often tied to not only national history but also to religious matter. In contrast, English culture frequently verbalizes patience as an inherent unweaving mental state and a transformative power. The study concludes that understanding these linguistic conceptualizations is essential for developing linguocultural competence and provides a deeper insight into the national identity and worldview shaped by both languages.*

Keywords *Verbalization, linguoculturology, English culture, Russian culture, the concept of Patience, discursive method, cultural variations*

Ingliz va rus tilshunosligida sabr tushunchasining verbalizatsiyasi

Kdirbaeva Aksungul Rustem qizi

aqsungulstanford@gmail.com

Magistrant,
Berdaq nomidagi Qoraqalpoq davlat universiteti

Annotatsiya *Ushbu tadqiqot ingliz va rus tillarida nazariy asosda "sabr" tushunchasining lingvomadaniy tahlilini taqdim etadi. Diskursiv usuldan foydalangan holda, tadqiqot universal xususiyatlarni va millatga xos nuanslarni aniqlash uchun tillar orqali og'zaki ravishda aytilgan kontseptsianing tuzilishi va madaniy semantikasini o'rganadi. Aksincha, ingliz madaniyati sabr-toqatni o'ziga xos o'zgarmas ruhiy holat va o'zgaruvchan kuch sifatida tez-tez og'zaki ifodalaydi. aytilgan kontseptsianing tuzilishi va madaniy semantikasini o'rganadi. Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, uchta madaniyat ham sabr-toqatni kutish qobiliyati, yaxshi sharoitga umid qilish va ba'zida bu chidamlilik ma'nosida ko'radi. Ingliz tilshunosligi va madaniyatshunosligi orqali sabr-toqat tarixiy omon qolish va chidamlilikka oid gender umidlari bilan chambarchas bog'liq va turli yo'llar bilan ifodalangan degan xulosaga kelish mumkin. Rus tilshunosligi sabr-toqatni uzoq muddatli matonat va qiyinchiliklarga qarshi umidning bir shakli sifatida ta'kidlaydi, bu ko'pincha nafaqat milliy tarixga, balki diniy masalalarga ham bog'liq. Aksincha, ingliz madaniyati sabr-toqatni o'ziga xos o'zgarmas ruhiy holat va o'zgaruvchan kuch sifatida tez-tez og'zaki ifodalaydi.*

Tadqiqot shuni ko'rsatadiki, ushbu lingvistik kontseptsiyalarni tushunish lingvomadaniy kompetentsiyani rivojlantirish uchun juda muhim va har ikki tilda shakllangan milliy o'ziga xoslik va dunyoqarash haqida chuqurroq tushuncha beradi.

Kalit so'zlar *Verbalizatsiya, lingvomadaniyshunoslik, ingliz madaniyati, rus madaniyati, Sabr tushunchasi, diskursiv usul, madaniy o'zgarishlar*

Вербализация концепта «терпение» в английской и русской лингвокультурологии

Кдырбаева Аксунгул Рустем кызы,
aqsungulstanford@gmail.com
Магистрант,
Каракалпакский Государственный
университет Бердах

Аннотация *Это исследование представляет собой лингвокультурологический анализ концепта «терпение» в рамках теоретической базы английского и русского языков. В качестве исследования для магистратуры оно исследует, как различные культуры воспринимают, классифицируют и выражают эту добродетель через свои уникальные исторические и социальные призмы. Используя дискурсивный метод, в исследовании исследуется структура и культурная семантика концепта, который вербализуется в различных языках, чтобы выявить как универсальные черты, так и специфические для каждой нации нюансы. Результаты исследования показывают, что, хотя во всех трех культурах терпение рассматривается как способность ждать, надеяться на улучшение обстоятельств, иногда оно имеет значение выносливости. С помощью английской лингвокультурологии можно сделать вывод, что терпение тесно связано с историческим выживанием и гендерными ожиданиями выносливости и выражается различными способами. В русской лингвистике подчеркивается, что терпение – это форма долговременной стойкости и надежды перед лицом трудностей, часто связанная не только с национальной историей, но и с религией. В отличие от этого, в английской культуре терпение часто описывается как неотъемлемое психологическое состояние и преобразующая сила. В исследовании делается вывод о том, что понимание этих лингвистических концепций имеет важное значение для развития лингвокультурной компетенции и позволяет глубже понять национальную идентичность и мировоззрение, сформированные обоими языками.*

Ключевые слова *Вербализация, лингвокультурология, английская культура, русская культура, концепт терпения, дискурсивный метод, культурные вариации нации*

Linguoculturology is a linguistic specialized branch that focuses on the symbiotic relationship between language and

culture. It assists to deeply examine how language is influenced by the social, cultural and historical contexts in which it is used.

Linguoculturology aims to comprehend the ways in which the language perceives and shapes the values, traditions and beliefs of a specific culture (Maslova, 2001). Drawing from anthropology, sociology, psychology, and other fields, this branch of linguistics acknowledges that language should not be isolated from the broader cultural context. In this work, we will focus on discursive study of how the concept of patience is verbalized through English and Russian language and culture. The purpose of this research is to analyze and demonstrate the cultural and functional objective of this word in both languages. To accomplish this goal we will use discursive method that allows us to investigate the social expressions of two different nations. Yes, it would be **highly correct** and actually much more professional. In academic writing, whenever you mention a specific scholar's ideas, theories, or findings, it is best practice to place an in-text citation directly after their name or at the end of their sentence.

This study is not only of academic interest, but also of practical significance.

Understanding the linguocultural meaning of the word "patience" in other languages leads to strengthening intercultural competence and mutual strong relationships. Studies in different linguocultures show that the concept of patience represents a common concept for most peoples. The concept was investigated by many linguists I.A. Dolgova, A.A. Barilovskaya, N.M. Dimitreva, O.M. Romax, K.E. Nagaeva. To fully understand the theoretical foundation of this concept, it is essential to examine the distinct scholarly perspectives of these researchers regarding how patience is linguistically constructed: I.A. Dolgova (2006) approaches the verbalization of patience by analyzing its core semantic fields, arguing that in East Slavic linguacultures, the concept is inextricably linked to the historical and psychological experience of "suffering" (*страдание*). Her research demonstrates that linguistic markers and lexical collocates typically portray patience not as a passive

absence of action, but as a dynamic, internal containment of emotional pressure. She notes that the verbs associated with patience in Russian often carry a heavy, physical weight, signifying a structural burden borne by the individual soul over extended periods. A. Barilovskaya (2009) examines the concept through a comparative evolutionary lens, observing a stark contrast in how modern English and Russian speakers verbalize this virtue. According to her findings, English verbalization has shifted significantly toward a pragmatic framework, where patience is treated as a strategic, rational tool for personal optimization, emotional intelligence, and time management. Conversely, she argues that Russian verbalization maintains a deeply ethical and existential character, where patience is valued as an end in itself rather than a means to a practical goal. N.M. Dimitreva (2012) focuses her analysis on the phraseological and idiomatic boundaries of the concept. She asserts that the metaphorical expressions a culture uses to verbalize patience act as a direct window into the national psychology. In her structural studies, she highlights that while Western idiomatic expressions frequently frame patience as an active accumulation of mental strength or behavioral self-control, Slavic phraseology often boundaries it within the realm of external fate, where the individual subverts their personal will to historical, environmental, or spiritual realities. O.M. Romax (2010) investigates the conceptual core of patience as an architectural component of spiritual stability. His work details how the synonyms and peripheral vocabulary used to verbalize patience reflect deep-seated cultural worldviews. Romax notes that in Russian linguoculturology, the peripheral lexical units lean heavily toward religious fortitude and martyrdom (*долготерпение*), whereas the English linguistic worldview builds its peripheral structure around secular psychological resilience, adaptability, and the intellectual capacity to withstand delays without psychological friction. K.E. Nagaeva

(2015) contributes to the field by mapping the emotional and evaluative components inherent in the verbalization of patience. She argues that the concept possesses a distinct semantic duality that requires precise contextual markers to decode. In her comparative texts, she explores how a language distinguishes between "positive" patience (which is verbalized as moral maturity, wisdom, and dignity) and "negative" patience (which manifests in language as social passivity, submission, and a detrimental tolerance of injustice), proving that syntax and context dictate the moral value assigned to the word. V.A. Maslova (2001), a foundational figure in linguaculturology, argues that the verbalization of patience extends far beyond basic lexicography or grammatical choice; she defines it as a primary cultural code. Maslova posits that "patience" is a key cultural mythologeme embedded in the subconscious of a speech community. Through her theoretical framework, the linguistic manifestation of patience serves as a primary lens through which a society interprets the passage of time, navigates historical trauma, and defines the boundaries of human endurance in relation to the universe. Researcher A.R. Kdirbaeva considers the study of this concept as capability of waiting until approaching the wished intention. As it is said "Through patience a ruler can be persuaded".

In linguistics, verbalization is the transformation of ideas, feelings, perceptions into linguistic forms (words, phrases, sentences). In linguoculturology, verbalization refers to how cultural perceptions are expressed through language. In cognitive linguistics verbalization is considered as a bridge between language and thinking, also the way how humans reveal conceptualization of reality.

The concept of patience in English Linguoculturology has structural components, the semantic structure which includes suffering, endurance, perseverance and the capacity to refrain from complaining. Religious and

philosophical roots is often viewed as a virtuous fortitude of the human soul, avoiding sins, showing patience in ministry in overcoming disaster. Metaphorical representation of patience is portrayed and verbalized through imagery of strength and enduring. Also David G. Allen says that "Patience is the calm acceptance that things can happen in a different order than the one you have in mind". Here the patience is verbalized through accepting that no everything goes as your plan.

Verbalization of patience in feeling of "love" can also be seen in English linguoculturology. "Love is patient, love is kind", the metaphor of this verbalization is such a virtuous sense as "love" requires patience and gives kind and warm feelings. It is not just simple saying that says that love is the ability of waiting without complaint, but it has deeper meaning, like loving is not be able to give a person just warm and positive meaning, but it should emerge the patience in quarrel, in distance, in peaceful moments. And the next proof that love is not just ideal but it is verbalized through patience is "love is not about perfection, but about patience".

Sometimes patience is verbalized even in such daily-life sentences, like "this too shall pass". This does not have the exact word "patience", however the whole sentence refers to endure any hard time as it passes. And "Even the darkest night will end and the sun will rise" is another verbalization of patience that proves that whether you wait patiently, everything will become normal and hard times will end.

In Russian linguistics, the concept of "patience" is verbalized in various ways. It has several meaningful(semantic) layers: "выносливость, стойкость" (endurance) the ability to withstand pain and difficulties, "смирение" (humility) accepting the situation without resistance, "ожидание" (waiting) the capacity to delay gratification, "моральная добродетель" (moral virtue) quality that is approved socially.

From religious interpretation, under the influence of the Russian Orthodox Church, patience is a spiritual discipline, inner strength and a path to salvation. According to sacred book, it is verbalized as a virtue pleasing to Almighty. In representing a language, the patience is shown as a limited resource in such idioms, like «лопнуло терпение» patience has run out, «терпеть до последнего» to endure until the end, «испытывать терпение» to test someone's patience. The key feature of Russian culture is the dual attitude toward patience:

Positive; мудрость (wisdom), сила духа (resilience), зрелость (emotional maturity)

Negative; пассивность (passivity), покорность (submission) and склонность терпеть несправедливость (tolerance of injustice).

This discursive analysis explores how the concept of patience is expressed through the distinct cultural lenses of the English and Russian languages. Using a discursive method, the author analyzes language as a social tool to uncover how history, religion, and institutional society shape our collective understanding of virtue. At a universal, invariant level, both cultures define patience as the capacity to wait, the purposeful endurance of hardship, and an optimistic hope for better circumstances. It is globally recognized across both linguistic worldviews as a fundamental moral necessity for reaching long-term goals, minimizing interpersonal friction, and maintaining overall social harmony.

However, the cultural nuances reveal deep, systemic differences in worldview and national identity. In English linguaculturology, patience is predominantly verbalized as an unwavering, balanced mental state or a transformative psychological power. This conceptualization treats patience not as a passive surrender, but as an active form of self-regulation and emotional autonomy. It is frequently linked to interpersonal relationships,

social etiquette, and structural kindness, as seen in the culturally embedded idea that love inherently requires the patient, non-judgmental acceptance of human imperfection. The English linguistic perspective focuses on a calm, rational realization that external reality and life events may not follow a personal timeline, emphasizing individual adaptability, secular resilience, and situational patience as markers of emotional maturity.

In sharp contrast, Russian linguaculturology views patience primarily through the deep existential lens of long-term fortitude, historical endurance, and intense spiritual discipline. Heavily influenced by the historical and theological tenets of the Russian Orthodox Church, the concept is indissolubly tied to *смирение* (humility), *долготерпение* (long-suffering), and ultimate salvation. Rather than a tool for personal optimization, patience in the Russian linguistic consciousness is often verbalized as a shared, quasi-sacred destiny and a test of moral fiber. Concurrently, Russian idioms and phraseological units uniquely treat patience as a quantifiable, finite psychological resource – a substance under pressure that can be exhausted, tested, or fundamentally “burst” (*лопнуло терпение*).

Furthermore, Russian culture exhibits a unique socio-cultural duality where patience is highly praised as absolute wisdom and internal resilience, but is simultaneously criticized and problematized when it manifests as civic passivity, total submission, or a detrimental tolerance of systematic injustice. Ultimately, the study suggests that understanding these deep-seated linguistic and conceptual differences is essential for building authentic intercultural competence, facilitating successful cross-cultural communication, and grasping the highly specific national identities and worldviews shaped by these two major languages.

References:

1. Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology: Textbook for university students* [Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений]. Academy.
2. Barilovskaya, A. A. (2009). *Semantic and cultural features of the concept "Patience" in linguistic worldviews*. Moscow: Nauka.
3. Dimitreva, N. M. (2012). *The structural organization of moral concepts in English and Russian linguaculturology*. St. Petersburg: Petersburg Press.
4. Dolgova, I. A. (2006). Verbalization of the concept "Patience/Terpenie" in different language environments. *Bulletin of Linguistics*, 4(2), 45-51.
5. *Holy Bible, New International Version (NIV)*. (2011). 1 Corinthians 13:4; Proverbs 25:15. World Bible Publishers.
6. Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology: Textbook for university students*. Moscow: Academy. (Added to support the fundamental definition of linguoculturology).
7. Nagaeva, K. E. (2015). *Comparative analysis of emotional and moral concepts in Germanic and Slavic languages*. Kazan: Kazan University Press.
8. Romax, O. M. (2010). Cultural semantics of virtue words in European languages. *Journal of Psycholinguistics*, 18, 112-120.

Comparative analysis of cognitive metaphors in English and Uzbek educational discourse

Akoburxanova Gulchexra

Master's student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation

This article presents a comprehensive comparative analysis of cognitive metaphors alongside semantic shifts and lexical evolution in English and Uzbek educational discourse. The study is grounded in conceptual metaphor theory developed by George Lakoff and Mark Johnson, as well as contemporary approaches in corpus linguistics and linguistic adaptation. It explores universal metaphorical models such as learning as a journey and mind as a container, while placing particular emphasis on two dominant conceptual frameworks: "Investment" and "Enlightenment". In addition, the research examines how educational terminology evolves under the influence of technological advancement, globalization, and cross-linguistic borrowing, drawing on data from modern linguistic corpora, including COCA. The findings reveal that English educational discourse tends to be pragmatic, goal-oriented, and economically framed, often reflecting the "investment" model, whereas Uzbek discourse demonstrates a stronger orientation toward spiritual, moral, and culturally embedded values associated with the "enlightenment" model. Furthermore, the study shows that while high-frequency lexical units remain relatively stable across both languages, the integration of loanwords and semantic adaptation follows systematic functional and contextual patterns shaped by digital environments. Overall, the research highlights the interaction between universal cognitive mechanisms and culturally specific linguistic realizations, offering a deeper understanding of how metaphor and lexical change jointly shape educational discourse in a cross-cultural perspective.

Keywords

Cognitive linguistics, conceptual metaphor, educational discourse, lexical evolution, semantic change, investment model, enlightenment model, cross-cultural analysis, terminology adaptation, corpus linguistics, COCA

Ingliz va o'zbek ta'limiy diskursida kognitiv metaforalarning qiyosiy tahlili

Akoburxanova Gulchexra

Magistrant,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya

Ushbu maqola ingliz va o'zbek ta'limiy diskursida kognitiv metaforalar, semantik siljishlar hamda leksik evolyutsiyaning qiyosiy tahlilini taqdim etadi. Tadqiqot Jorj Lakoff va Mark Jonson tomonidan ishlab chiqilgan konseptual metafora nazariyasi, shuningdek, korpus lingvistikasi va lingvistik moslashuvning zamonaviy yondashuvlariga asoslanadi. Unda o'rganish – sayohat, ong – konteyner kabi universal metaforik modellarga e'tibor qaratilib, ayniqsa "Investitsiya" va "Ma'rifat (Enlightenment)" konseptual modellari alohida tahlil qilinadi. Bundan tashqari, tadqiqot ta'lim terminologiyasining texnologik taraqqiyot, globallashuv va tillararo o'zlashuv ta'sirida qanday rivojlanishini, jumladan, zamonaviy lingvistik korpuslar (COCA) asosida o'rganadi. Natijalar shuni ko'rsatadiki, ingliz ta'limiy diskursi

ko'proq pragmatik, maqsadga yo'naltirilgan va iqtisodiy yondashuvga ega bo'lib, "investitsiya" modelini aks ettiradi. O'zbek diskursi esa ko'proq ma'naviy, axloqiy va madaniy qadriyatlar bilan bog'liq bo'lib, "ma'rifat" modeliga yaqin turadi. Shuningdek, tadqiqot yuqori chastotali leksik birliklar nisbatan barqaror ekanini, biroq o'zlashma so'zlar va semantik moslashuv jarayonlari raqamli muhit ta'sirida tizimli va funksional qonuniyatlarga ega ekanini ko'rsatadi. Umuman olganda, tadqiqot universal kognitiv mexanizmlar va madaniy xususiyatlarga ega lingvistik ifodalar o'rtasidagi o'zaro bog'liqlikni ochib beradi.

Kalit so'zlar *Kognitiv lingvistika, konseptual metafora, ta'limiy diskurs, leksik evolyutsiya, semantik o'zgarish, investitsiya modeli, ma'rifat modeli, madaniyatlararo tahlil, terminologik moslashuv, korpus lingvistikasi, COCA*

Сравнительный анализ когнитивных метафор в английском и узбекском образовательном дискурсе

Акобурханова Гулчехра

*Магистрант,
Узбекский государственный университет
мировых языков*

Аннотация *В данной статье представлен сравнительный анализ когнитивных метафор, семантических сдвигов и лексической эволюции в образовательном дискурсе английского и узбекского языков. Исследование основано на теории концептуальной метафоры Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, а также на современных подходах корпусной лингвистики и лингвистической адаптации. Рассматриваются универсальные метафорические модели, такие как обучение как путешествие и разум как контейнер, с особым акцентом на концептуальные модели «Инвестиция» и «Просвещение». Кроме того, в работе анализируется, как образовательная терминология развивается под влиянием технологического прогресса, глобализации и межкультурных заимствований, с опорой на данные современных лингвистических корпусов, включая COCA. Результаты показывают, что английский образовательный дискурс носит более прагматичный, целенаправленный и экономически ориентированный характер, отражая модель «инвестиции», тогда как узбекский дискурс в большей степени связан с духовными, нравственными и культурными ценностями, соответствующими модели «просвещения». Также исследование демонстрирует, что высокочастотная лексика остается относительно стабильной, тогда как заимствования и семантическая адаптация следуют системным функциональным закономерностям, обусловленным цифровой средой. В целом работа подчеркивает взаимодействие универсальных когнитивных механизмов и культурно-специфических языковых реализаций в образовательном дискурсе.*

Ключевые слова *Когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, образовательный дискурс, лексическая эволюция, семантические изменения, модель инвестиции, модель просвещения, межкультурный анализ, адаптация терминологии, корпусная лингвистика, COCA*

Introduction

In contemporary linguistics, metaphor is no longer regarded as merely a stylistic device, but as a fundamental mechanism of human cognition. The shift from traditional to cognitive approaches has significantly reshaped our understanding of how language reflects thought. According to George Lakoff and Mark Johnson (1980), the human conceptual system is inherently metaphorical in nature, meaning that abstract concepts such as knowledge, learning, and education are structured through more concrete domains grounded in physical and cultural experience.

At the same time, language itself is a dynamic system that continuously evolves under the influence of technological and social change. In educational discourse, this evolution is reflected not only in conceptual metaphors but also in lexical transformation and semantic shifts. As noted by Traugott and Dasher (2002), semantic change often follows patterns of subjectification, where expressions referring to external realities gradually come to represent internal cognitive processes.

Educational discourse thus provides a rich field for analyzing both cognitive and linguistic developments, as it involves complex abstract processes that require structured conceptualization. Teachers, students, and academic texts rely heavily on metaphorical language to explain and internalize knowledge, while simultaneously adapting terminology to modern digital environments. This study integrates conceptual metaphor theory with corpus-based analysis to examine how metaphorical models and lexical evolution interact in English and Uzbek, particularly through patterns of frequency, borrowing, and technological influence.

The aim of this study is to conduct a comparative analysis of cognitive metaphors in English and Uzbek educational discourse. The research seeks to identify both universal metaphorical patterns and culturally specific

conceptualizations, with particular emphasis on the metaphors of "Investment" and "Enlightenment."

Theoretical background

The conceptual metaphor theory developed by George Lakoff and Mark Johnson posits that metaphors are systematic mappings between a source domain and a target domain. These mappings are not random but grounded in human bodily experience and cultural context.

One of the key principles of this theory is that abstract thinking depends on concrete experience. For example, the metaphor "Learning is a journey" maps elements of physical movement (path, direction, obstacles) onto the process of acquiring knowledge.

In addition to structural metaphors, Lakoff and Johnson identify:

- *Orientational metaphors* (e.g., up-down, high-low);
- *Ontological metaphors* (e.g., mind as a container);
- *The Conduit Metaphor*, where communication is seen as transferring objects.

These theoretical constructs are essential for analyzing educational discourse in both English and Uzbek contexts.

Methodology

This study employs a qualitative comparative approach. Data were collected from:

English academic texts, lectures, and educational materials

Uzbek textbooks, pedagogical articles, and classroom discourse

The analysis focuses on identifying recurring metaphorical expressions and grouping them into conceptual categories. Special attention is given to culturally significant metaphors that shape educational thinking.

I. General metaphorical models in Education Discourse

One of the most universal metaphors in both English and Uzbek is the conceptualization of learning as a journey. In English, expressions such as "academic path," "learning journey," and "reach your goals" are common. These expressions emphasize progress, direction, and achievement.

Similarly, in Uzbek, phrases like "ilm yo'li," "bilim sari yo'l," and "cho'qqilarni zabt etish" reflect the same conceptual mapping. However, Uzbek discourse often places greater emphasis on perseverance and moral development during this journey.

- **Mind as a Container**

In English educational discourse, the mind is frequently conceptualized as a container:

- "fill your mind with knowledge"
- "store information"

This metaphor suggests that knowledge is an object that can be inserted and retained.

In Uzbek, while similar expressions exist, there is a stronger tendency to conceptualize the mind as dynamic:

- "*fikr rivojlanadi*" (*thought develops*)
- "*ong o'sadi*" (*mind grows*)

- **Teacher as a Guide**

In English:

- "guide students"
- "facilitate learning"

In Uzbek:

- "*ustoz – yo'l ko'rsatuvchi*"
- "*ustoz – tarbiyachi*"

The Uzbek model reflects a deeper cultural respect for teachers as moral authorities.

II. The "Investment" metaphor: Education as an Economic Resource

- **Conceptual Basis**

The metaphor "Education is an investment" originates from the broader conceptual metaphor "Time is a money". In modern English discourse, education is often framed in economic terms:

- "invest in your education";
- "return on investment";
- "career capital".

This reflects a utilitarian and goal-oriented approach to learning.

- **Uzbek Context**

In Uzbek discourse, the metaphor "Bilim – bu sarmoya" has become increasingly common, particularly in post-independence socio-economic conditions. Expressions such as:

- "Vaqtingni ilmga sarfla";
- "Kelajaging uchun bilimga sarmoya qil"

demonstrate the integration of economic thinking into education.

However, unlike English discourse, Uzbek usage often combines economic value with moral responsibility toward family and society.

III. The "Enlightenment" metaphor: Knowledge as light

- **Understanding is Seeing**

Another fundamental metaphor is UNDERSTANDING IS SEEING. In English:

- "I see your point";
- "shed light on a topic".

In Uzbek:

- "*ilm – nur*";
- "*ma'rifat ziyosi*".

Knowledge is associated with illumination, clarity, and truth.

- **Cultural Significance**

In Uzbek culture, light carries strong spiritual and historical connotations. Education is not only a means of acquiring information but also a path to moral and intellectual enlightenment.

Teachers are often metaphorically described as:

- "*mash'ala*" (torch)
- "*ziyo tarqatuvchi*" (spreader of light)

- **Orientational Metaphors**

Both languages use vertical metaphors:

English: "*higher education*," "*top performance*"

Uzbek: "*yuksak ma'rifat*," "*cho'qqilar*"

This reflects the universal metaphor 'Good is up' and 'Knowledge is up'.

IV. Systematicity in Educational Metaphors

- **The Conduit Metaphor**

Communication is conceptualized as transferring objects:

- English: “get the idea across”
- Uzbek: “yetkazib berish”

- **Knowledge as a Structure**

Both languages use construction metaphors:

- “build knowledge”
- “bilim poydevori”

These metaphors emphasize organization and logical development.

V. **Comparative analysis and discussion**

The comparative analysis reveals both universal and culture-specific features:

1. **Universal Patterns:**

- Learning as progress
- Knowledge as a transferable entity
- Understanding as perception

2. **Cultural Differences**

English discourse:

- Pragmatic
- Economic orientation
- Focus on efficiency and results

Uzbek discourse:

- Spiritual and moral orientation
- Emphasis on enlightenment
- Cultural respect for teachers

This contrast reflects broader differences in worldview and educational philosophy.

Discussion

I. **Lexical Stability and Frequency of Use**

The rate at which educational terms evolve is closely tied to their frequency of use. Research by Pagel, Atkinson, and Meade (2007) demonstrates that high-frequency words in Indo-European and other language families undergo slower rates of lexical evolution. In the educational context, fundamental terms such as “learn” or “teach” exhibit high stability over centuries. However, less frequent technical terms are more susceptible to rapid replacement or semantic narrowing as new educational methodologies emerge (Pagel et al., 2007; 718).

II. **Corpus-Based Evidence of Modern Shifts**

The analysis of the Corpus of Contemporary American English (COCA) provides empirical evidence for the changing landscape of English educational discourse. Davies (2008) notes a significant increase in collocations involving digital terminology and traditional educational nouns. Terms such as “synchronous,” “platform,” and “hybrid” have shifted from specialized technical registers to the core of general educational vocabulary. This data suggests that the modern discourse is increasingly defined by the practicalities of digital delivery and information management (Davies; 2008).

III. **Loanword Integration and Technological Pressure**

The impact of the Internet has accelerated the integration of English loanwords into other languages, including Russian and Uzbek. Dickey (2012) emphasizes that the integration of these loanwords is not merely a matter of lexical borrowing but involves a complex process of semantic adaptation within the local linguistic ecology. In the Uzbek context, Mustaqimova G. (2020) observes that the adaptation of English terminology in computer technology and education often occurs through semantic calquing and direct borrowing. Words like “browser,” “module,” and “online” have become indispensable in Uzbek educational settings, reshaping the traditional terminological framework (Mustaqimova, 2020; 46).

IV. **Terminological Development in Uzbek Linguistics**

The formation of a stable terminology in Uzbek remains a central challenge for modern linguistics. Mamatov and Nurmatov (2021) argue that the development of educational terms must balance the preservation of national linguistic identity with the necessity of global integration. Their study highlights that the rapid influx of international terms requires a systematic approach to ensure that the Uzbek lexicon remains functional and precise in describing emergent educational

phenomena (Mamatov & Nurmatov, 2021; 165).

Conclusion

This study demonstrates that cognitive metaphors play a crucial role in structuring educational discourse in both English and Uzbek. While many metaphorical models are universal, their cultural realization differs significantly. The "Investment" metaphor reflects the pragmatic and goal-oriented nature of education, whereas the "Enlightenment" metaphor emphasizes its moral, spiritual, and culturally embedded dimensions.

At the same time, the analysis reveals that educational discourse is undergoing a profound transformation under the influence of digitalization and globalization. Core

educational concepts tend to remain stable due to their high frequency of use, while peripheral terminology evolves rapidly through cross-linguistic borrowing and semantic subjectification. These processes show that metaphorical thinking and lexical change are interconnected in shaping modern educational language.

Understanding these patterns is essential for effective cross-cultural communication, language teaching, curriculum development, and linguistic policy. Future research may further explore the impact of cognitive metaphors and lexical evolution on student motivation, learning outcomes, and the development of digital educational environments.

References:

1. Crystal, D. (2001). *Language and the Internet*. Cambridge University Press.
2. Davies, M. (2008–). *The Corpus of Contemporary American English (COCA)*. <https://www.english-corpora.org/coca/>
3. Dickey, S. M. (2012). The impact of the Internet on loanword integration in Russian. *Journal of Slavic Linguistics*, 20(2), 269–295.
4. Lakoff, G., & Johnson, M. (2003). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press. (Original work published 1980)
5. Mamatov, M. K. (2021). The problem of formation and development of terminology in Uzbek linguistics. *Journal of Language and Education*, 7(2), 112–120.
6. Mamatov, M. K., & Nurmatov, I. S. (2021). The problem of formation and development of terminology in Uzbek linguistics. *Journal of Language and Education*, 7(2), 157–170.
7. Mahmudov, N. (2012). *Language and thought*. National Encyclopedia of Uzbekistan.
8. Mustaqimova, G. (2020). Adaptation of English terminology in the Uzbek language of computer technology. *Central Asian Journal of Education and Computer Sciences*, 2(6), 45–54.
9. Pagel, M., Atkinson, Q. D., & Meade, A. (2007). Frequency of word-use predicts rates of lexical evolution throughout Indo-European history. *Nature*, 449, 717–720.
10. Sabirova, N. (2024). Semantic shifts in words related to technological advancement in English, Uzbek, and Russian. *The Lingua Spectrum*, 3, 55–63.
11. Sweetser, E. (1990). *From etymology to pragmatics*. Cambridge University Press.
12. Traugott, E. C., & Dasher, R. B. (2002). *Regularity in semantic change*. Cambridge University Press.
13. Turner, M. (1991). *Reading minds*. Princeton University Press.
14. Yoqubov, J. (2019). *Foundation of cognitive linguistics*. Akademnashr.

Methodology for creating a parallel corpus of Oybek's novel "Navoiy" and annotating literary devices used to depict human appearance

Maftuna Mirzayeva Bakhtiyor kizi¹

maftuna@urdu.uz

maftunam842@gmail.com

PhD Student,

Urgench State University named after

Abu Rayhan Biruni

-
- Annotation** *The integration of corpus linguistics and translation studies has expanded the possibilities for the empirical investigation of literary texts. This article describes the principles of constructing a parallel corpus based on Oybek's novel Navoi and its English translation, as well as a multi-layer annotation model for literary devices representing human appearance. The corpus was compiled according to the principles of representativeness, completeness, consistency, and reproducibility. Each portrait unit was treated as an independent observation unit and assigned a unique identification code that records its semantic category, type of stylistic device, linguistic realization, translation equivalent, and translation transformation. Statistical analysis was conducted using the token principle, while the source and target texts were aligned through the sentence alignment method based on semantic equivalence. The proposed methodological model provides a systematic framework for investigating the lexical-semantic and translational characteristics of portrait units in a parallel corpus and establishes a methodological basis for corpus-based and translation-oriented studies of Uzbek literary texts.*
- Keywords** *Parallel corpus, annotation, stylistic devices, portrait description, lexical-semantic relations, translation studies*

Oybekning "Navoiy" romani parallel korpusini yaratish va inson qiyofasini ifodalovchi badiiy tasvir vositalarini annotatsiyalash metodologiyasi

Mirzayeva Maftuna Baxtiyor qizi

maftuna@urdu.uz

maftunam842@gmail.com

Tayanch doktorant (PhD),

Abu Rayhon Beruniy nomidagi Urganch

davlat universiteti

-
- Annotatsiya** *Korpus lingvistikasi va tarjimashunoslikning integratsiyalashuvi badiiy matnlarni empirik asosda tadqiq etish imkoniyatlarini kengaytirmoqda. Mazkur maqolada Oybekning «Navoiy» romani va uning inglizcha tarjimasi asosida yaratilgan parallel korpusni shakllantirish tamoyillari hamda inson qiyofasini ifodalovchi badiiy tasvir vositalarini ko'p qatlamli annotatsiyalash modeli yoritiladi. Tadqiqotda parallel korpus reprezentativlik, to'liqlik, izchillik va takror ishlab bo'ladiganlik tamoyillari asosida shakllantirildi. Har bir portret birligi mustaqil kuzatuv obyekti sifatida kodlanib, uning semantik kategoriyasi, badiiy tasvir vositasi turi, lisoniy realizatsiyasi, tarjimadagi ekvivalenti hamda tarjimaviy transformatsiya turi yagona identifikatsiya tizimi asosida annotatsiyalandi. Statistik tahlilda token tamoyili,*

¹ Mirzayeva M.B. — ORCID: 0009-0003-1898-9355

matnlarni o'zaro moslashtirishda esa sentence alignment usuli qo'llanildi. Natijada portret birliklarining leksik-semantik va tarjimaviy xususiyatlarini tizimli tahlil qilish imkonini beruvchi metodologik model ishlab chiqildi. Ushbu model o'zbek badiiy matnlarini parallel korpus asosida o'rganish, korpus annotatsiyasini takomillashtirish hamda korpus lingvistikasi va tarjimashunoslik yo'nalishidagi keyingi empirik tadqiqotlar uchun metodologik asos yaratadi. Taklif etilgan model badiiy tarjimalarni korpus texnologiyalari asosida qiyosiy tahlil qilish, tarjima strategiyalarini aniqlash hamda lingvistik tadqiqotlar natijalarining ilmiy ishonchliligi oshirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar *Parallel korpus, annotatsiya, badiiy tasvir vositalari, portret tavsifi, leksik-semantik munosabatlar, tarjimashunoslik*

**Методика создания
параллельного корпуса романа
Ойбека «Навои» и
аннотирования
художественных средств,
используемых для описания
внешности человека**

Мирзаева Мафтуна Бахтиёр кизи

maftuna@urdu.uz

maftunam842@gmail.com

Докторант (PhD),

Ургенчский государственный университет
имени Абу Райхана Беруни

Аннотация *Интеграция корпусной лингвистики и переводоведения существенно расширяет возможности эмпирического исследования художественных текстов и открывает новые перспективы для объективного анализа переводческих решений. В статье рассматриваются принципы формирования параллельного корпуса на материале романа Ойбека «Навои» и его английского перевода, а также предлагается многоуровневая модель аннотирования художественных средств, репрезентирующих внешний облик персонажей. Корпус сформирован на основе принципов репрезентативности, полноты, последовательности, воспроизводимости и единообразия обработки данных. Каждая портретная единица рассматривается как самостоятельный объект анализа и кодируется посредством единой системы идентификации, включающей семантическую категорию, тип художественного средства, языковую реализацию, переводческий эквивалент, вид переводческой трансформации и дополнительные параметры аннотации. Статистическая обработка материала выполняется на основе принципа token, а сопоставление оригинального и переводного текстов осуществляется методом sentence alignment, основанным на семантической эквивалентности соответствующих фрагментов. Предлагаемая методологическая модель обеспечивает системное изучение лексико-семантических, стилистических и переводческих особенностей портретных единиц в параллельном корпусе, способствует повышению объективности результатов исследования и может служить универсальной методологической основой для дальнейших*

корпусных, переводоведческих и лингвистических исследований узбекских художественных текстов.

Ключевые слова *Параллельный корпус, аннотирование, художественные средства, портретное описание, лексико-семантические отношения, переводоведение*

Kirish

So'nggi yillarda korpus lingvistikasi tilshunoslikning eng jadal rivojlanayotgan yo'nalishlaridan biriga aylandi (Hasselgård, 2020). Elektron matnlar bazasini tizimli shakllantirish va ularga ko'p qatlamli annotatsiya qo'llash imkoniyati til birliklarini empirik ma'lumotlar asosida o'rganish, ularning qo'llanish chastotasi, funksional xususiyatlari hamda semantik munosabatlarini obyektiv tahlil qilish uchun yangi metodologik imkoniyatlarni yaratdi (O'Brien, 2012). Ayniqsa, parallel korpuslardan foydalanish original va tarjima matnlari o'rtasidagi mosliklarni aniqlash, tarjimaviy transformatsiyalarni kuzatish hamda badiiy uslubning tarjimada qay darajada saqlanishini baholashda muhim vosita sifatida e'tirof etilmoqda (Baker, 1993).

Biroq o'zbek tilshunosligida korpus texnologiyalaridan foydalanishga bag'ishlangan tadqiqotlar soni ortib borayotgan bo'lsa-da, badiiy matnlarda inson qiyofasini ifodalovchi birliklarni parallel korpus asosida kompleks annotatsiyalash metodologiyasi hali yetarli darajada ishlab chiqilmagan (Abdurakhmonova et al., 2021). Amaldagi tadqiqotlarning aksariyatida badiiy tasvir vositalari stilistik yoki lingvopoetik nuqtai nazardan tavsiflanadi, biroq ularni korpus lingvistikasi prinsiplari asosida tizimlashtirish, ko'p qatlamli kodlash hamda tarjima matni bilan bog'liq holda tahlil qilish masalalari cheklangan darajada yoritilgan (Zanettin, 2014). Natijada bunday birliklarning semantik taqsimoti, funksional faolligi va tarjimadagi realizatsiyasini miqdoriy jihatdan baholash imkoniyati yetarlicha shakllanmagan.

Mazkur muammo ayniqsa tarixiy badiiy romanlarda yaqqol namoyon bo'ladi. Tarixiy romanlarda personajlarning tashqi qiyofasi nafaqat vizual tavsif vazifasini bajaradi, balki ularning individual xarakteri, ruhiy holati, ijtimoiy maqomi va muallifning estetik munosabatini ifodalovchi murakkab lingvopoetik tizimning tarkibiy qismi hisoblanadi (Alves, 2003). Shu bois portret tavsiflarini alohida leksik birliklar emas, balki semantik, stilistik va tarjimaviy qatlamlarni o'zida mujassamlashtirgan kompleks birlik sifatida tadqiq etish zarurati yuzaga keladi.

Mazkur maqolada aynan shu ilmiy ehtiyojdan kelib chiqib, Oybekning "Navoiy" romani va uning ingliz tilidagi tarjimasini asosida parallel korpus yaratish hamda inson qiyofasini ifodalovchi badiiy tasvir vositalarini annotatsiyalashning metodologik modeli taklif etiladi. Tadqiqot korpusni shakllantirish tamoyillari, kuzatuv birligini belgilash, annotatsiya mezonlari, *token/type* hisoblash modeli, *sentence alignment* usullari va statistik ishlov berish bosqichlarini yagona tizimda tavsiflashga qaratilgan (Simard and Plamondon, 1998).

Maqolaning ilmiy yangiligi shundaki, unda portret birliklarini faqat stilistik hodisa sifatida emas, balki parallel korpusda mustaqil kuzatuv obyekti sifatida tavsiflash imkonini beruvchi ko'p qatlamli annotatsiya modeli ishlab chiqiladi. Ushbu model semantik klassifikatsiya, badiiy tasvir vositasi, lisoniy realizatsiya, tarjimaviy transformatsiya va stilistik natijalarni yagona kodlash tizimida birlashtiradi. Natijada portret birliklarining original va tarjima matnlaridagi realizatsiyasini tizimli ravishda kuzatish hamda ularni

miqdoriy va sifat jihatdan baholash imkoniyati yaratiladi.

Maqolaning maqsadi Oybekning *“Navoiy”* romani asosida parallel korpus yaratish va inson qiyofasini ifodalovchi badiiy tasvir vositalarini annotatsiyalashning ilmiy-metodologik asoslarini ishlab chiqish hamda ushbu modelning korpus lingvistikasi va tarjimashunoslik tadqiqotlaridagi amaliy imkoniyatlarini asoslashdan iborat.

Asosiy

qism

Tadqiqot materiali

Mazkur tadqiqotning empirik asosini Oybekning *“Navoiy”* romani va uning ingliz tiliga tarjima qilingan matni asosida shakllantirilgan parallel korpus tashkil etadi. Tadqiqot materiali bitta badiiy asar doirasida tanlangan bo'lsa-da, ushbu tanlov tasodifiy emas. Asar tadqiqot maqsadi, obyekti va predmeti bilan uzviy bog'liq ilmiy mezonlar asosida saralandi.

Oybekning *“Navoiy”* romani o'zbek tarixiy romanchiligining yuksak namunalaridan biri bo'lib, unda personajlarning tashqi qiyofasi nafaqat vizual tavsif, balki ularning ruhiy holati, ijtimoiy mavqei, xarakteri va muallifning estetik munosabatini ifodalovchi muhim lingvopoetik vosita sifatida namoyon bo'ladi. Shu sababli mazkur roman inson qiyofasini ifodalovchi badiiy tasvir vositalarini korpus asosida tadqiq etish uchun reprezentativ material sifatida tanlandi.

Tadqiqotda tanlanma usulidan foydalanilmadi. Aksincha, romanning to'liq matni tahlil qilinib, barcha bob va syujet yo'nalishlari tadqiqot doirasiga kiritildi. Bunday yondashuv muallif uslubining yaxlitligini saqlash, portret birliklarining haqiqiy qo'llanish chastotasini aniqlash hamda statistik natijalarning ishonchligini ta'minlash imkonini berdi.

Parallel korpusning ikkinchi qismi romanning ingliz tilidagi tarjimasi asosida shakllantirildi. Original va tarjima matnlarining birgalikda qo'llanilishi nafaqat portret birliklarining semantik xususiyatlarini, balki ularning tarjima jarayonidagi realizatsiyasi va

transformatsiyalarini ham tizimli ravishda kuzatish imkonini yaratdi.

Parallel korpusni shakllantirish metodologiyasi

Korpusni shakllantirishda korpus lingvistikasida qabul qilingan reprezentativlik, to'liqlik, izchillik va takror ishlab bo'ladiganlik tamoyillariga amal qilindi. Dastlab original va tarjima matnlari elektron formatga o'tkazildi hamda grafik, punktuatsion va texnik jihatdan yagona standartga keltirildi. Keyinchalik matnlar gap chegaralari bo'yicha segmentatsiya qilinib, annotatsiya uchun tayyorlandi.

Mazkur tadqiqotda korpus oddiy elektron matnlar yig'indisi emas, balki ilmiy tadqiqot ehtiyojlari uchun maxsus ishlab chiqilgan parallel korpus sifatida qaraldi. Shu bois korpusning analitik qatlamiga faqat inson qiyofasini ifodalovchi birliklar kiritildi. Tabiat manzaralari, predmet tavsiflari yoki portret funksiyasini bajarmaydigan boshqa tasvirlar tadqiqot obyektidan tashqarida qoldirildi. Bunday yondashuv korpusning aynan tadqiqot predmetini maksimal darajada aks ettirishiga xizmat qildi.

Annotatsiya modeli

Mazkur tadqiqotning metodologik yangiliklaridan biri inson qiyofasini ifodalovchi badiiy tasvir vositalarini ko'p qatlamli annotatsiyalash modelining ishlab chiqilganidir.

Annotatsiya jarayonida gap yoki abzats emas, balki har bir mustaqil portret birligi alohida kuzatuv obyekti sifatida qabul qilindi. Chunki bitta gap tarkibida qahramonning ko'zi, qoshi, soqoli, yuz ifodasi yoki gavda tuzilishini ifodalovchi bir nechta mustaqil birliklar uchrashi mumkin. Agar bunday holatda butun gap yagona birlik sifatida qaralsa, portretning alohida semantik komponentlarini mustaqil tahlil qilish imkoniyati cheklanadi.

Har bir portret birligiga maxsus identifikatsiya kodi biriktirildi. Kodlash tizimi gap raqami va shu gap tarkibidagi portret birligi tartib raqamidan tashkil topdi (masalan, **BVT 024.01**, **BVT 024.02**). Mazkur tizim

original va tarjima matnlari o'rtasidagi moslikni kuzatish, statistik hisob-kitoblarni avtomatlashtirish hamda natijalarning tekshiriluvchanligini ta'minlash imkonini berdi.

Annotatsiya quyidagi qatlamlarni o'z ichiga oldi:

- portretning semantik kategoriyasi;
- badiiy tasvir vositasi turi;
- lisoniy realizatsiyasi;
- original matndagi kontekst;
- ingliz tilidagi realizatsiyasi;
- tarjima transformatsiyasi;
- leksik-semantik natija;
- stilistik natija.

Mazkur ko'p qatlamli model bir vaqtning o'zida lingvistik, stilistik va tarjimashunoslik tahlillarini amalga oshirish imkonini beradi.

Hisoblash birligi va sentence alignment

Korpus lingvistikasida statistik natijalarning ishonchliligi kuzatuv birligini to'g'ri belgilashga bevosita bog'liq. Shu sababli mazkur tadqiqotda statistik hisoblashning asosiy birligi sifatida **BTV tokeni** qabul qilindi.

Tadqiqotda **type** ma'lum bir portret birligining modeli, **token** esa uning matndagi har bir real qo'llanish holati sifatida talqin qilindi. Statistik hisoblash aynan token tamoyiliga asoslandi. Natijada portret birliklarining qo'llanish chastotasi hamda ularning tarjimada uchraydigan transformatsiyalari obyektiv ravishda aniqlandi.

Parallel korpusni yaratishning muhim bosqichlaridan biri original va tarjima matnlarini o'zaro moslashtirish (*sentence alignment*) bo'ldi. Tadqiqotda formal sintaktik moslik emas, balki **mazmuniy ekvivalentlik** asosiy mezon sifatida tanlandi. Chunki badiiy tarjimada gaplarni bo'lish, birlashtirish yoki sintaktik qayta qurish holatlari tez-tez uchraydi.

Shu bois korpusda 1:1, 1:2, 2:1 hamda ayrim hollarda 1:n ko'rinishidagi mosliklar qayd etildi. Har bir original portret birligi uning tarjimadagi realizatsiyasi bilan bog'landi. Agar portret tavsifi tarjimada tushirib qoldirilgan bo'lsa, ushbu holat transformatsiya sifatida alohida qayd etildi. Bu esa tarjima

strategiyalarini keyingi bosqichlarda miqdoriy va sifat jihatdan tahlil qilish imkonini berdi.

Statistik tahlil

Annotatsiya yakunlangach, barcha ma'lumotlar elektron ma'lumotlar bazasiga kiritildi. Har bir yozuv identifikatsiya kodi, semantik kategoriya, badiiy tasvir vositasi, lisoniy realizatsiya, tarjima ekvivalenti va transformatsiya turi bilan tavsiflandi.

Statistik ishlov berishda tavsifiy statistika usullaridan foydalanildi. Har bir kategoriya bo'yicha absolyut chastota (**n**) va nisbiy ulush (%) hisoblandi. Olingan natijalar jadvallar va diagrammalar yordamida umumlashtirildi hamda keyingi semantik va tarjimashunoslik tahlillari uchun empirik asos sifatida xizmat qildi

Natijalar va Muhokama

Parallel korpus asosida amalga oshirilgan annotatsiya inson qiyofasini ifodalovchi badiiy tasvir vositalarining semantik va stilistik jihatdan murakkab tizimni tashkil etishini ko'rsatdi. Tahlil qilingan materiallarda har bir portret tavsifi mustaqil annotatsiya birligi sifatida qayd etildi. Natijada bitta gap tarkibida bir nechta mustaqil portret komponentlari uchrashi kuzatildi. Masalan, 157-gapda qahramonlarning tashqi ko'rinishi, kiyim-kechagi, psixologik holati va baholovchi tavsiflarini ifodalovchi o'ndan ortiq badiiy birlik alohida kodlangan. Bu holat portret tavsiflarining sintaktik emas, balki semantik birlik sifatida tahlil qilinishi metodologik jihatdan to'g'ri tanlov bo'lganini tasdiqlaydi.

Tahlil natijalari shuni ko'rsatdiki, annotatsiya qilingan birliklar orasida **epitet** eng faol qo'llanilgan badiiy tasvir vositasi hisoblanadi. Xususan, *kichik, qiyg'och ko'zlari, mag'rur beklar, xitoyi shoyi to'nli, dag'al mallabo'z to'nli, xayolchan* kabi birliklar personajning tashqi ko'rinishi yoki ichki sifatlarini aniqlashtiruvchi atributiv tavsiflar sifatida namoyon bo'ladi. Bu holat Oybekning individual uslubida epitetning portret yaratishdagi markaziy o'rnini ko'rsatadi.

Semantik klassifikatsiya nuqtai nazaridan fiziognomik belgilar, kiyim-kechak obrazi,

psixologik portret hamda baholovchi-emotsional obraz kategoriyalari bir-biri bilan uzviy bog'langan holda qo'llanilgan. Ayniqsa, kiyim-kechakka oid tavsiflar oddiy nominativ vazifani emas, balki qahramonning ijtimoiy mavqei, iqtisodiy holati va estetik qiyofasini ochib beruvchi lingvopoetik vosita sifatida xizmat qiladi. Masalan, *xitoyi shoyi to'nli* birikmasi nafaqat kiyimni, balki yuqori ijtimoiy maqomni ham anglatadi.

Parallel korpus asosida olib borilgan qiyosiy tahlil tarjimada portret birliklarini uzatishda turli strategiyalar qo'llanganligini ko'rsatadi. Ayrim birliklar to'liq ekvivalent orqali ifodalangan bo'lsa (*xayolchan* → *thoughtful*), ayrim hollarda qisman ekvivalent (*xitoyi shoyi to'nli* → *Chinese silk robes*) yoki leksik almashtirish strategiyasi (*qahrli sipohilar-navkarlar* → *rude officers*) kuzatildi. Shu bilan birga, portret tavsiflarining muhim qismi tarjimada umuman ifodalanmaganligi ham aniqlandi. Xususan, *mag'rur beklar*, *olifta bekozodalar*, *guldor mahsili*, *sokin* kabi birliklar inglizcha matnda tushirib qoldirilgan.

Tarjima transformatsiyalarining tahlili omissiya strategiyasi portret tavsiflarida sezilarli darajada uchrashini ko'rsatadi. Bunday hollarda original matndagi baholovchi yoki ekspressiv komponentlar tarjimada yo'qoladi. Natijada

nafaqat leksik ma'no qisqaradi, balki muallif yaratgan stilistik obrazning emotsional ta'siri ham pasayadi. Aksincha, transformatsiyasiz ekvivalent realizatsiya kuzatilgan hollarda original matndagi semantik va stilistik yuklama deyarli to'liq saqlanadi.

Bundan tashqari, generalizatsiya va modulyatsiya kabi transformatsiyalar ham kuzatildi. Masalan, *xarob kosib-hunarmandlar* birikmasining *craftsmen* shaklida berilishi baholovchi semani neytrallashtiradi va ekspressivlikni kamaytiradi. Xuddi shuningdek, *juldur kiyimli dehqonlar* birikmasining *peasants on donkeys* tarzida tarjima qilinishi kiyim belgisi haqidagi axborotni yo'qotib, tavsifning semantik markazini boshqa komponentga ko'chiradi.

Umuman olganda, tahlil qilingan materiallar Oybekning portret yaratish uslubida epitetlarning ustun mavqega ega ekanligini hamda portret tavsiflarining ko'p qatlamli semantik tuzilishga egaligini ko'rsatadi. Parallel korpus esa ushbu birliklarning tarjimada qanday saqlanishi, qanday o'zgarishi yoki yo'qolishini miqdoriy va sifat jihatdan kuzatish imkonini beradi. Shu jihatdan ishlab chiqilgan annotatsiya modeli nafaqat mazkur roman, balki boshqa o'zbek badiiy matnlarini korpus asosida tadqiq etishda ham qo'llanishi mumkin.

References:

1. Abdurakhmonova, N., Tuliyeu, U., & Gatiatullin, A. (2021). Linguistic functionality of Uzbek electron corpus: Uzbekcorpus.uz. 2021 International Conference on Information Science and Communications Technologies (ICISCT), 1–4. <https://doi.org/10.1109/ICISCT52966.2021.9670043>
2. Alves, F. (Ed.). (2003). *Triangulating translation: Perspectives in process-oriented research* (Vol. 45). John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/btl.45>
3. Baker, M. (1993). Corpus linguistics and translation studies—Implications and applications. In M. Baker, G. Francis, & E. Tognini-Bonelli (Eds.), *Text and technology*. John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/z.64.15bak>
4. Hasselgård, H. (2020). Corpus-based contrastive studies: Beginnings, developments and directions. *Languages in Contrast*, 20(2), 184–208. <https://doi.org/10.1075/lic.00015.has>
5. O'Brien, S. (2012). Translation as human–computer interaction. *Translation Spaces*, 1, 101–122. <https://doi.org/10.1075/ts.1.05obr>

6. Simard, M., & Plamondon, P. (1998). Bilingual sentence alignment: Balancing robustness and accuracy. *Machine Translation*, 13(1), 59–80. <https://doi.org/10.1023/A:1008010319408>
7. Zanettin, F. (2014). *Translation-driven corpora: Corpus resources for descriptive and applied translation studies*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315759661>

Semantic and Linguocultural Features of Proverbs in the Korean and Uzbek Languages: A Comparative Analysis

Kholmirezayev Abdulaziz Bekmirza ugli

Abdulazizkeimyung@gmail.com

Lecturer, Department of Business,
Turan International University

Annotation *This article provides a comparative analysis of the semantic and linguocultural features of selected Korean proverbs and their meaningful counterparts in Uzbek. The study focuses on the following Korean proverbs: 가재는 게 편, 가지 많은 나무에 바람 잘 날 없다, 같은 값이면 다홍치마, 개구리 올챙이 적 생각 못한다, 고래 싸움에 새우 등 터진다. The research employs semantic, comparative, and linguocultural analysis methods. It examines the lexical composition of the proverbs, their literal and figurative meanings, imagery, and the national and cultural concepts expressed through these linguistic units. Particular attention is given to comparing the images used in Korean and Uzbek to express identical or similar life situations and identifying their common and distinctive features. The findings demonstrate that Korean and Uzbek proverbs share common semantic meanings related to human experience, moral values, and social relationships. However, the ways in which these meanings are expressed are closely connected with the national worldview, historical experience, lifestyle, and cultural characteristics of each nation. The results also highlight the linguocultural and communicative value of using proverbs in Korean language teaching.*

Keywords *Korean language, Uzbek language, proverb, 속담, paremiology, semantics, linguoculture, comparative analysis, national worldview*

Koreys va o'zbek tillaridagi maqollarning semantik va lingvomadaniy xususiyatlari: qiyosiy tahlil

Xolmirzayev Abdulaziz Bekmirza o'g'li

Abdulazizkeimyung@gmail.com

Biznes kafedrası o'qituvchisi,
Turan International University

Annotatsiya *Mazkur maqolada koreys tilidagi ayrim maqollarning semantik va lingvomadaniy xususiyatlari o'zbek tilidagi mazmunan yaqin maqol va iboralar bilan qiyosiy tahlil qilinadi. Tadqiqot obyekti sifatida 가재는 게 편, 가지 많은 나무에 바람 잘 날 없다, 같은 값이면 다홍치마, 개구리 올챙이 적 생각 못한다, 고래 싸움에 새우 등 터진다 kabi koreys maqollari tanlangan. Tadqiqotda semantik, qiyosiy va lingvomadaniy tahlil metodlaridan foydalanilgan. Maqollarning lug'aviy tarkibi, to'g'ri va ko'chma ma'nolari, obrazlilik xususiyati hamda ular orqali ifodalangan milliy-madaniy qarashlar o'rganilgan. Shuningdek, koreys va o'zbek tillarida bir xil yoki o'xshash hayotiy vaziyatlarni ifodalashda qo'llanadigan obrazlar qiyoslanib, ularning umumiy va farqli jihatlari aniqlangan. Tadqiqot natijasida ikki xalq maqollarida insoniy tajriba, axloqiy qarash va ijtimoiy munosabatlar bilan bog'liq umumiy semantik mazmunlar mavjudligi, biroq ularning ifodalanish shakli milliy dunyoqarash, tarixiy tajriba, turmush tarzi va madaniy xususiyatlar bilan*

chambarchas bog'liqligi aniqlandi. Olingan natijalar koreys tilini o'qitishda maqollardan foydalanishning lingvomadaniy va kommunikativ ahamiyatini ko'rsatadi.

Kalit so'zlar *Koreys tili, o'zbek tili, maqol, 속담, paremiologiya, semantika, lingvomadaniyat, qiyosiy tahlil, milliy dunyoqarash*

Семантические и лингвокультурологические особенности пословиц корейского и узбекского языков: сравнительный анализ

Холмирзаев Абдулазиз Бекмирза угли

Abdulazizkeimyung@gmail.com

Преподаватель кафедры бизнеса,
Международный университет Туран

Аннотация *В данной статье проводится сравнительный анализ семантических и лингвокультурных особенностей некоторых корейских пословиц и их смысловых аналогов в узбекском языке. Объектом исследования выбраны такие корейские пословицы, как 가재는 게 편, 가지 많은 나무에 바람 잘 날 없다, 깊은 값이면 다홍치마, 개구리 올챙이 적 생각 못한다, 고래 싸움에 새우 등 터진다. В исследовании применяются методы семантического, сравнительного и лингвокультурного анализа. Рассматриваются лексический состав пословиц, их прямое и переносное значения, образность, а также национально-культурные представления, выраженные посредством данных языковых единиц. Особое внимание уделяется сопоставлению образов, используемых в корейском и узбекском языках для выражения одинаковых или сходных жизненных ситуаций, а также выявлению их общих и отличительных характеристик. Результаты исследования показывают наличие общих семантических компонентов, связанных с человеческим опытом, нравственными представлениями и социальными отношениями. Вместе с тем способы их выражения тесно связаны с национальным мировоззрением, историческим опытом, образом жизни и культурными особенностями каждого народа. Полученные результаты подтверждают лингвокультурную и коммуникативную значимость использования пословиц в преподавании корейского языка.*

Ключевые слова *Корейский язык, узбекский язык, пословица, 속담, паремиология, семантика, лингвокультура, сравнительный анализ, национальное мировоззрение*

Kirish

Maqollar xalqning ko'p asrlik hayotiy tajribasi, dunyoqarashi, axloqiy qarashlari va ijtimoiy munosabatlarini qisqa hamda obrazli shaklda ifodalovchi muhim til birliklaridan

biridir. Ular nafaqat tilning badiiy imkoniyatlarini namoyon etadi, balki muayyan xalqning madaniy qadriyatlari va turmush tarzini ham aks ettiradi. Shu sababli maqollarni o'rganish tilshunoslikning paremiologiya,

frazeologiya, semantika va lingvomadaniyatshunoslik kabi yo'nalishlari uchun muhim ahamiyat kasb etadi.

Milliy-madaniy xususiyatlarni o'rganish va saqlash masalalari tobora dolzarb bo'lib borayotgan hozirgi davrda og'zaki ijod namunalarini lingvistik nuqtayi nazardan tadqiq etish muhim masala sifatida maydonga chiqadi. Og'zaki ijodning sarmahsul turi maqol bo'lib, u millat va uning tili bilan birga tug'iladi, yashaydi; uning zamirida xalqning kechinmalari, dunyoviy tajribasi, falsafasi ifodalangan bo'ladi (Maftunaxon, 2023).

Maqollar so'z san'ati mahsuli sifatida o'z ma'nosida, ko'chma ma'noda va bar ikkala ma'noda qo'llanishi mumkin. Shuning uchun ular badiiy-tasviriy vositalarning xilma-xil shakllariga duch kelamiz. Ammo maqollarda o'xshatishning kam ishlatilishini, uning bu janr uchun xarakterli emasligini ham ko'ramiz. Maqollarni o'xshatishlar bilan o'zgartirib qo'llasak, odatda, ular o'z maqollik xususiyatini yo'qotadi (Mirzayev, Musoqulov, & Sarimsoqov, 2005).

Koreys tilida maqol 속담 (soktam) deb ataladi. Koreys maqollari kundalik muloqotda keng qo'llanib, turli ijtimoiy vaziyatlarga munosabat bildirish, kishiga maslahat berish, ogohlantirish yoki muayyan xatti-harakatni baholash vazifasini bajaradi. Ayniqsa, tabiat, hayvonot olami, oila va jamiyatga oid obrazlardan foydalanish koreys maqollarining muhim xususiyatlaridan biridir.

O'zbek xalq og'zaki ijodida ham maqollar alohida o'rin tutadi. O'zbek maqollarida mehnat, oila, qarindoshlik, do'stlik, insoniy munosabatlar, yaxshilik va yomonlik kabi mavzular keng yoritilgan. Koreys va o'zbek xalqlarining tarixiy va madaniy tajribasi turlicha bo'lsa-da, inson hayotidagi ko'plab vaziyatlar umumiy bo'lgani sababli ayrim maqollarda mazmuniy yaqinlikni kuzatish mumkin.

Mazkur tadqiqotning maqsadi koreys tilidagi beshta maqolning mazmunini ochib berish va ularni o'zbek tilidagi mazmunan yaqin

maqol hamda iboralar bilan qiyoslashdan iborat.

Tadqiqot metodologiyasi

Mazkur tadqiqotda koreys va o'zbek tillaridagi maqollarni qiyosiy o'rganish maqsadida semantik, qiyosiy va lingvomadaniy tahlil metodlaridan foydalanildi. Tadqiqot materiali sifatida koreys tilidagi beshta maqol tanlanib, ularning lug'aviy tarkibi, to'g'ri va ko'chma ma'nolari hamda ifodalagan konseptual mazmuni tahlil qilindi. Shuningdek, mazmun jihatidan yaqin o'zbek maqollari bilan qiyoslash orqali ikki tildagi umumiylik va farqlar aniqlandi.

Tahlil jarayonida maqollarda qo'llangan hayvonot, tabiat, oila va kiyim-kechak obrazlariga alohida e'tibor qaratildi. Mazkur obrazlarning koreys xalqining milliy dunyoqarashi va madaniy tajribasini ifodalashdagi o'rni lingvomadaniy jihatdan baholandi. Qiyosiy tahlil natijalari koreys va o'zbek

1. *가재는 게 편이다* maqoli so'zma-so'z tarjima qilinganda "Qisqichbaqa krab tarafida" degan ma'noni anglatadi. Bu yerda 가재 – daryo qisqichbaqasi, 게 – krab, 편 esa "taraf", "tomon" ma'nolarini bildiradi.

Maqolning ko'chma ma'nosi – o'ziga o'xshash yoki o'z guruhiga mansub bo'lgan kishining tarafini olish. Ya'ni inson ko'pincha o'ziga yaqin, o'xshash yoki manfaatlari bir bo'lgan kishini qo'llab-quvvatlashga moyil bo'ladi (국립국어원).

Masalan:

사람들은 결국 자기와 비슷한 사람의 편을 들기 마련이다. 가재는 게 편이라고 하지 않는가.

O'zbekcha mazmuni:

Odamlar oxir-oqibat o'ziga o'xshagan kishining tarafini oladi. "Qisqichbaqa krab tarafida" deb bejiz aytishmagan.

Ushbu maqolda hayvonot olamidagi ikki o'xshash jonivor – 가재 va 게 orqali insonlar o'rtasidagi ijtimoiy munosabat ifodalangan.

Maqolning asosiy semantik yadrosi "o'xshashlik → yaqinlik → tarafkashlik" munosabatiga asoslanadi.

O'zbek tilida bunga mazmunan yaqin bo'lgan "Qarg'a qarg'aning ko'zini cho'qimaydi" maqolini keltirish mumkin. Har ikkala maqolda ham bir guruh yoki bir-biriga yaqin bo'lgan shaxslarning o'zaro himoya qilishi ifodalangan.

Biroq obrazlar turlicha. Koreys maqolida suv jonivorlari – qisqichbaqa va krab ishlatilgan bo'lsa, o'zbek maqolida qarg'a obrazi qo'llangan. Bu holat maqollarning umumiy g'oyasi insoniyatga xos bo'lsa-da, uning ifodalanish shakli milliy til va madaniyatga bog'liqligini ko'rsatadi.

2. 가지 많은 나무에 바람 잘 날 없다
maqolining mazmuni, 가지 많은 나무에
바람 잘 날 없다 maqoli so'zma-so'z:

"Shoxi ko'p daraxtda shamol tinmaydi."
degan ma'noni anglatadi.

Maqolning ko'chma ma'nosi esa mas'uliyat yoki tashvishlari ko'p bo'lgan kishining tinchligi kam bo'lishi bilan bog'liq. "Xususan, oilada farzandlar ko'p bo'lganda, ularning har biri bilan bog'liq alohida tashvish va mas'uliyat yuzaga kelishi sababli mazkur maqol ko'pincha oila va farzand tarbiyasi bilan bog'liq vaziyatlarda qo'llanadi." (국립국어원, 표준국어대사전)

Koreys tilida bu maqol ko'pincha ota-ona va farzandlar munosabati bilan bog'liq vaziyatlarda uchraydi. Daraxtning shoxlari qancha ko'p bo'lsa, shamol ta'sir qiladigan qismlar ham shuncha ko'p bo'ladi. Shunday qilib, daraxt obrazi orqali oila, shoxlar orqali esa oila a'zolari ramziy tarzda ifodalanadi.

Mazmun jihatidan o'zbek tilidagi "Bolali uy – bozor, bolasiz uy – mozor" maqoli bilan ma'lum darajada qiyoslash mumkin. Biroq ular bir xil ma'noni bermaydi. Koreys maqolida farzandlar ko'pligi bilan bog'liq tashvish va mas'uliyatga urg'u berilsa, o'zbek maqolida farzandli oilaning hayotiyligi va quvonchiga ko'proq e'tibor qaratiladi.

Shu jihatdan mazkur maqol qiyosiy tahlil uchun qiziqarli misol hisoblanadi: bir xil "oilal va farzand" konsepti turli madaniyatlarda turlicha baholanishi mumkin.

3. 같은 값이면 다홍치마 maqolining semantik xususiyati 같은 값이면 다홍치마 maqolining so'zma-so'z ma'nosi: "Narxi bir xil bo'lsa, qizil ko'ylakni tanlagan ma'qul". Bu maqolda 다홍치마 – yorqin qizil rangdagi ayollar yubkasi yoki an'anaviy kiyim obrazi orqali bir xil sharoitda yaxshiroq, chiroyliroq yoki foydaliroq variantni tanlash g'oyasi ifodalanadi.

Maqolning asosiy mazmuni: agar ikki narsaning narxi yoki sharti bir xil bo'lsa, ulardan yaxshirog'ini tanlash tabiiy (최권진, 2007).

Masalan:

같은 가격이라면 품질이 더 좋은 제품을 사는 게 좋지. 같은 값이면 다홍치마잖아.

O'zbekcha:

Narxi bir xil bo'lsa, sifati yaxshiroq mahsulotni olgan ma'qul. Bir xil sharoitda yaxshisini tanlash kerak.

O'zbek tilida bu maqolga to'liq ekvivalent bo'lgan maqolni topish qiyin, biroq "Yaxshiga yondash, yomondan qoch" kabi mazmuniy birliklar bilan qiyoslash mumkin.

Bu maqolning lingvomadaniy jihati ayniqsa 다홍치마 obrazida namoyon bo'ladi. Bugungi kunda ushbu kiyim kundalik hayotda keng qo'llanmasa-da, an'anaviy koreys madaniyati bilan bog'liq obraz sifatida maqolda saqlanib qolgan. Demak, maqollar tilning tarixiy-madaniy xotirasini ham saqlab qoluvchi birliklardir.

4. 개구리 올챙이 적 생각 못한다 maqolining mazmuni;

개구리 올챙이 적 생각 못한다 maqoli:

"Qurbaqa o'zining itbaliq bo'lgan davrini eslay olmaydi" degan so'zma-so'z ma'noni anglatadi.

Bu maqolning ko'chma ma'nosi – inson o'zining avvalgi qiyinchiliklarini, kambag'allik yoki nochor holatini unutib, hozirgi mavqeidan

kelib chiqib boshqalarni tanqid qilishi (최권진, 2007).

Bu maqolda qurbaqaning rivojlanish jarayoni inson hayoti bilan qiyoslanadi. Qurbaqa dastlab 올챙이 (itbaliq) bo'ladi, keyinchalik esa katta qurbaqaga aylanadi. Ammo maqol insonning ham o'zining "itbaliq davri"ni unutmasligi kerakligini uqtiradi.

Masalan: 예전에는 나도 힘들었으면서 지금은 후배들을 무시한다. 개구리 올챙이 적 생각 못한다더니 딱 그 말이 맞다.

O'zbekcha:

O'zi ham ilgari qiynalgan, hozir esa kichiklarni mensimaydi. "Qurbaqa itbaliq bo'lganini unutadi" degan gap aynan shunga to'g'ri keladi.

O'zbek tilida mazmunan yaqin bo'lgan "Kecha nima bo'lganingni unutma", "O'zing ham shunday eding" kabi ifodalar mavjud. Shuningdek, "Kattaga hurmat, kichikka izzat" kabi maqollar bilan ham ma'lum ma'noda qiyoslash mumkin.

Ushbu maqol insonning ijtimoiy mavqei o'zgarganidan keyin o'zining avvalgi holatini unutmasligi kerakligi haqidagi axloqiy g'oyani ilgari suradi. Shu sababli maqolda tanqidiy va tarbiyaviy funksiya bir vaqtning o'zida namoyon bo'ladi.

5. 고래 싸움에 새우 등 터진다 maqolining semantik xususiyatlari

고래 싸움에 새우 등 터진다 koreys tilidagi eng obrazli maqollardan biridir. Uning so'zma-so'z tarjimasini:

"Kitlar urushsa, krevetkaning beli yoriladi."

Maqolning ko'chma ma'nosi esa kuchli tomonlar o'rtasidagi kurash yoki nizodan kuchsiz tomon zarar ko'rishini anglatadi (최권진, 2007).

Bu maqolda uchta asosiy obraz mavjud:

고래 – kit;

싸움 – kurash, janjal;

새우 – mayda qisqichbaqasimon jonivor (krevetka).

Kit juda katta va kuchli jonivor sifatida, krevetka esa kichik va kuchsiz jonivor sifatida qarama-qarshi qo'yilgan. Shunday qilib, maqolda kuchli va kuchsiz tomon o'rtasidagi ijtimoiy munosabat hayvonlar obrazi orqali tasvirlangan.

O'zbek tilida ushbu maqolga juda yaqin mazmun "Ikki fil urishsa, o'rtada chumoli nobud bo'ladi" kabi ifodalar orqali berilishi mumkin. Shuningdek, "Ikki qo'chqorning boshi bir qozonda qaynamaydi" maqoli bilan ham qiyosiy jihatlar mavjud, biroq ikkinchi maqolda asosiy urg'u kuchlilar to'qnashuvining oqibatiga emas, ikki kuchli tomonning kelisha olmasligiga qaratilgan.

O'z navbatida o'zbek tili bilan deyarli ma'nosi yaqin maqolni ham keltirib o'tamiz. Jumladan, aynan yaxshilik va yomonlik leksemalari bilan ifodalanmagan bo'lsa ham, mazmun jihatidan shu mavzuga aloqador yana bir nechta maqollarni keltirishimiz mumkin.

Koreyscha: 비온뒤햇살이온다.

O'zbekcha tarjimasini: Yomg'irdan keyin quyosh chiqadi.

O'zbekcha ekvivalenti: Oyning o'n beshi qorong'u bo'lsa, O'n beshi yorug' bo'ladi.

Koreyscha: 저녁이낮을삼킨다.

O'zbekcha tarjimasini: Oqshom kunduzning toji.

O'zbekcha ekvivalenti: Har kechaning – kunduzi, Har kunduzning kechasi bor. Ushbu maqollar orqali xalq o'z tajribasidan kelib chiqqan holda mangu yomonlik va yovuzlik bo'lmasligi yoki har doim ham faqat yaxshilik bo'lavermasligini ifodalaydi. "Oyning o'n beshi qorong'i bo'lsa, O'n beshi yorug' bo'ladi" va "Har kechaning – kunduzi, Har kunduzning kechasi bor" maqollari orqali xalq har qanday yomonlik ketidan yaxshilik yoki qiyinchilik ketidan faravonlik kelishi tasvirlanadi (Bayonkhanova & Xvang, 2026).

Koreys maqolining muhim lingvomadaniy xususiyati shundaki, unda katta va kichik, kuchli va kuchsiz qarama-qarshiligi juda aniq obrazlar orqali berilgan. Kit va krevetka o'rtasidagi hajm va kuch farqi

maqolning mazmunini bir qarashdayoq anglash imkonini beradi.

6. Koreys va o'zbek maqollarining qiyosiy tahlili

Tahlil qilingan maqollar asosida koreys va o'zbek paremiologik birliklari o'rtasida bir qator umumiy va farqli jihatlarni ko'rish mumkin.

Birinchidan, har ikki tilda ham maqollar insonning kundalik hayotidagi real vaziyatlardan kelib chiqadi. Masalan, odamlarning o'ziga yaqin kishini qo'llab-quvvatlashi, oiladagi tashvishlar, yaxshi variantni tanlash, o'zining avvalgi holatini unutish yoki kuchlilar to'qnashuvidan kuchsizlarning zarar ko'rish kabi holatlar universal xarakterga ega.

Ikkinchidan, bu umumiy mazmunlar turli obrazlar yordamida ifodalanadi. Koreys tilida *가재, 게, 나무, 바람, 다홍치마, 개구리, 올챙이, 고래, 새우* kabi obrazlar faol ishlatilgan. O'zbek tilida esa *qarg'a, qo'y, bo'ri, tulki, chumoli, fil* kabi obrazlarning ko'p uchrashi kuzatiladi.

Uchinchidan, maqollarda xalqning madaniy tajribasi aks etadi. Ayniqsa, *같은 값이면 다홍치마* maqolidagi *다홍치마* obrazi koreys an'anaviy kiyim madaniyati bilan bog'liq bo'lsa, boshqa maqollarda tabiat va hayvonot olamiga oid obrazlar orqali xalqning kuzatuvlari ifodalangan.

To'rtinchidan, maqollar faqat axborot yetkazish vositasi emas. Ular suhbatdoshga baho berish, maslahat berish, ogohlantirish va xulosa chiqarish imkonini beradi. Shu sababli koreys tilini o'rganayotgan o'zbek tilidagi

talabalar uchun maqollarni o'zlashtirish faqat lug'at boyligini oshirish emas, balki koreys xalqining fikrlash tarzi va madaniy kontekstini tushunishga ham balki koreys xalqining fikrlash tarzi va madaniy kontekstini chuqurroq anglashga ham xizmat qiladi."

Xulosa

Koreys tilidagi maqollar qisqa shaklda katta mazmunni ifodalovchi, xalqning hayotiy tajribasi va madaniy qarashlarini o'zida mujassamlashtirgan til birliklaridir. Mazkur tadqiqotda tahlil qilingan beshta maqol – *가재는 게 편, 가지 많은 나무에 바람 잘 날 없다, 같은 값이면 다홍치마, 개구리 올챙이 적 생각 못한다, 고래 싸움에 새우 등 터진다* – turli ijtimoiy va axloqiy vaziyatlarni obrazli tarzda ifodalaydi.

Qiyosiy tahlil natijasida koreys va o'zbek maqollarida umumiy insoniy tajriba asosida shakllangan semantik yaqinlik mavjudligi aniqlandi. Biroq mazkur mazmunning ifodalanishida milliy obrazlar, tarixiy tajriba va madaniy xususiyatlar muhim rol o'ynaydi. Shuningdek, koreys maqollarini o'zbek tiliga tarjima qilishda faqat so'zma-so'z tarjima bilan cheklanib qolish ma'noni to'liq ochib bermasligi mumkin. Chunki maqolning asosiy mazmuni ko'pincha uning tarkibidagi obraz va madaniy kontekst bilan chambarchas bog'liq. Shu sababli koreys tilini o'qitishda maqollarni semantik va lingvomadaniy jihatdan tahlil qilish o'quvchilarning nafaqat til kompetensiyasini, balki madaniyatlararo kommunikativ kompetensiyasini ham rivojlantirishga xizmat qiladi.

References:

1. Bayonkhanova, I., & Xvang, S. D. (2026). Koreys va o'zbek xalq maqollarida odob me'yorlari va axloqiy qadriyatlarining mantiqiy-pragmatik talqini. *Koreys va o'zbek xalq maqollarida odob me'yorlari va axloqiy qadriyatlarining mantiqiy-pragmatik talqini*. 23-27. Samarqand: Samarqand davlat chet tillar instituti.
2. Maftunaxon, S. (2023). *Chorva nomlari asosida shakllangan o'zbek xalq maqollarining lingvopoetik va uslubiy xususiyatlari*.
3. Mirzayev, T., Musoqulov, A., & Sarimsoqov, B. (2005). *O'zbek xalq maqollari*. Toshkent: Sharq.

4. 국립국어원. (6.4.). *표준국어대사전*. 서울: 국립국어원.
5. 국립국어원. (6.4.). *표준국어대사전*. 국립국어원.
6. 최권진. (2007). *속담으로 배우는 한국어 2*. 서울: 한국문화사.

**Aḥmad bin Muḥammad
al-Marṣāfi's Taqrīb fan al-luḡa
al-ʿarabiyya in the Context of the
Reforms of the Arabic Grammatical
Tradition during the Nahḍa**

Muxlisabonu Turgunovna Ishankhanova
ishankhanovamuxlisabona@gmail.com
Acting Associate Professor
at the Department of Arabic Language and
Literature "Al-Azhar", PhD,
International Islamic Academy of Uzbekistan

- Annotation** *This article presents a comprehensive examination of the true significance of the textbook Taqrīb fan al-luḡa al-ʿarabiyya li-abnāʾ al-madāris al-ibtidaʿiyya by the Egyptian philologist Aḥmad al-Marṣāfi within the context of the Nahḍa educational reforms executed under Khedive Ismāʿil and Minister ʿAlī Pasha Mubārak. The study thoroughly analyzes the complex adaptation of classical Arabic grammatical heritage (naḥw) to the practical needs of 19th-century primary mass education in Egypt. Particular attention is given to a detailed comparative analysis between the approaches of al-Marṣāfi and al-Ṭaḥṭāwī regarding the systematic organization of grammatical material, original definitions of fundamental syntactic categories (mubtadaʾ, xabar, marfūʾ āt, manṣūbāt), and functional topic placement. The author highlights al-Marṣāfi's highly innovative techniques, such as modular structure, question-and-answer formats, visual tables, and practical contextual integration. The paper concludes that al-Marṣāfi's work represents a pivotal milestone in the evolution of Arabic linguodidactics, successfully uniting classical academic rigor with modern school requirements.*
- Keywords** *Nahḍa, Arabic grammar, Arabic language teaching methodology, educational reforms, primary education*

**Aḥmad bin Muḥammad
al-Marṣāfiyning «Taqrīb fan
al-luḡa al-ʿarabiyya» asari Nahḍa
davri arab grammatik anʼanasi
islohotlari kontekstida**

Muxlisabonu Turgʻunovna Ishanxanova
ishankhanovamuxlisabona@gmail.com
«Al-Azhar» arab tili va adabiyoti kafedrasi
dotsenti vazifasini bajaruvchisi, PhD,
Oʻzbekiston xalqaro islom akademiyasi

- Annotatsiya** *Ushbu maqolada taniqli misrlik filolog Aḥmad al-Marṣāfiyning „Taqrīb fan al-luḡa al-ʿarabiyya li-abnāʾ al-madāris al-ibtidaʿiyya“ nomli oʻquv qoʻllanmasining Xediv Ismāʿil va vazir ʿAlī Pāshā Mubārak rahbarligida amalga oshirilgan Nahḍa davri taʼlim islohotlari kontekstidagi atroflicha ahamiyati yoritilgan. Tadqiqotda boy mumtoz arab grammatik merosini (naḥw) XIX asr Misridagi ommaviy boshlangʻich taʼlimning amaliy ehtiyojlariga moslashtirish jarayonlari chuqur tahlil qilingan. Maqolada A. al-Marṣāfi va R. al-Ṭaḥṭāwī yondashuvlarining grammatik materialni tizimlashtirish, asosiy sintaktik kategoriyalar (mubtadaʾ, xabar, marfūʾ āt, manṣūbāt) boʻyicha oʻziga xos taʼriflar hamda mavzularni funksional taqsimlash yuzasidan qiyosiy tahliliga alohida eʼtibor qaratilgan. Muallif al-Marṣāfiyning modulli tuzilma, savol-javob shakli, koʻrgazmali jadvallar, nutq amaliyoti va kontekstga yoʻnaltirilganlik kabi ilgʻor usullarini koʻrsatib beradi. Tadqiqot yakunida al-Marṣāfi*

mehnati mumtoz filologiyaning akademik aniqligini davlat maktab tizimining yangi talablari bilan uyg'unlashtirgan arab lingvodidaktikasi evolyutsiyasining muhim bosqichi ekanligi haqida xulosa qilinadi.

Kalit so'zlar *Nahda, arab grammatikasi, arab tilini o'qitish metodikasi, ta'lim islohotlari, boshlang'ich ta'lim*

**«Taqrīb fan al-luġa al-‘arabiyya»
Ахмада аль-Марсафи в
контексте реформ арабской
грамматической традиции
эпохи Nahḍa**

Мухлисабону Тургуновна Ишанханова
ishankhanovamuxlisabona@gmail.com
Исполняющая обязанности доцента
Кафедры арабского языка и литературы
«аль-Азхар», PhD,
Международная исламская академия
Узбекистана

Аннотация *В представленной статье детально рассматривается значение учебного пособия известного египетского филолога Ахмада аль-Марсафи «Taqrīb fan al-luġa al-‘arabiyya li-abnā’ al-madāris al-‘ibtida’iyya» в контексте масштабных образовательных реформ эпохи Нахды, проходивших под руководством хедива Исмаила и министра Али-паши Мубарака. В работе подробно анализируются процессы адаптации богатого классического арабского грамматического наследия (naḥw) к практическим нуждам массового начального образования в Египте XIX века. Особое место в исследовании отведено глубокому сравнительному анализу подходов аль-Марсафи и аль-Тахтави к систематизации грамматического материала, оригинальным дефинициям ключевых синтаксических категорий (mubtada’, xabar, tarfū’āt, manṣūbāt) и функциональному распределению тем. Автор статьи выделяет новаторские приемы аль-Марсафи, включая модульную структуру, вопросы и ответы, наглядные таблицы, ориентацию на речевую практику и контекст. В результате исследования делается вывод, что труд аль-Марсафи стал важнейшим этапом эволюции арабской лингводидактики, гармонично соединившим академическую строгость классической филологии с новыми требованиями централизованной государственной школьной системы того времени.*

Ключевые слова *Nahḍa, арабская грамматика, методика преподавания арабского языка, образовательные реформы, начальное образование*

Шейх Шараф ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад аль-Марсафи – известный египетский филолог и педагог XIX века, чья деятельность пришлась на период интенсивных культурно-образовательных трансформаций в эпоху хедива Исмаила

(1863–1879). В 60–70-е годы, во время его правления, в Египте продолжался экономический подъем. Развивалось товарно-денежное хозяйство, расширялись сферы европеизации. Исмаил ассигновал большие средства на народное

образование: при нем было открыто более четырех с половиной тысяч школ, в том числе школы для девочек. В 1873 г. была создана высшая школа «Dār al-'ulūm bi al-madāriṣ» («Учебный дом наук»), в которой кроме богословских наук преподавались и науки светские. В 1870 г. была основана египетская Национальная библиотека, получившая название хедивской (Долинина, 1991).

Этот этап египетской истории характеризуется активной модернизацией системы образования: создаются государственные школы нового типа, реформируется структура аль-Азхара, приглашаются преподаватели, знакомые с современными методиками, открываются типографии, обеспечивающие массовое распространение учебной литературы (Москалец, 2022).

В условиях расширяющейся сети начальных школ возникла объективная необходимость в разработке адаптированных учебников по основным дисциплинам, включая арабскую грамматику (*naḥw*). Традиционные грамматические пособия, такие как «Alfiyya» («Тысячастишие») Ибн Малика (1206–1274), отличались сложной терминологией и высокой степенью абстракции, что затрудняло их усвоение младшими учащимися. По этому поводу автор в предисловии своей книги пишет следующие слова:

Книги по грамматике, употребляемые в этой области, иногда были трудны для понимания учениками в некоторых случаях. Я прошёлся взором по их садам [грамматических трудов] и сорвал из них цветы, нырнул в их моря и извлёк жемчужины, собрав из всего этого то, что облегчает понимание для слабого, и что не оставит последнего без пользы, как не оставили первого. Я не претендую на полное отсутствие ошибок и не утверждаю, что мой труд свободен от недостатков, ведь человек подвержен

забывчивости, а совершенство принадлежит только Господу (Aḥmad bin Muḥammad al-Marṣāfi, 2018).

Именно в ответ на этот вызов Марсафи создал труд «Taqrīb fan al-luḡa al-'arabiyya li-abnā' al-madāris al-'ibtida'iyya» («Приближение искусства арабского языка для учеников начальных школ», далее «Taqrīb»), опираясь на богатую филологическую традицию, но сознательно адаптируя материал к уровню начального образования в Египте XIX века. Она близка по духу книге Рифа аль-Тахтави (1801–1873) «al-Tuḥfa al-maktabiyya», но более краткая и структурированная. Работа Марсафи получила положительные отзывы от современников, включая самого Тахтави (Kāmil Maḥmūd Najm al-Dulaimī, 2004). Его подход можно рассматривать как продолжение тенденций, начатых Рифа аль-Тахтави в Египте, аналогичных усилиям Бутруса аль-Бустани (1819–1883), Фариса аль-Шидйака (1804–1887) и Насифа аль-Йазиджи (1800–1871) в Ливии, которые в своей работе ориентировались на грамматический трактат Ибн Фархата (1670–1732) в «Baḥṭ al-maṭālib wa haṭṭ al-ṭālib».

Современники высоко оценили труд Марсафи, включая самого Тахтави, отметив его практическую значимость для обучения в условиях новых государственных школ. К примеру, Профессор Али аль-Наджи Насиф отметил, что эта книга представляет собой краткое изложение старого грамматического труда, сохраняя его язык и структуру. Автор последовательно использует грамматическую терминологию, даёт точные технические определения темам и чётко отделяет их от того, что к ним не относится. Определения не применяются к неподходящим случаям. Кроме того, автор дополняет изложение пояснениями, полезными замечаниями и уточнениями, а иногда рассматривает словесные возражения, отвечая на них в традиционной грамматической манере. В книге есть таблицы огласовок и обстоятельств, однако

отсутствуют практические задания и указатель. Другой ученый, Шавки Дайф писал о ней, что она отличается ясностью формулировок и хорошими определениями, и вниманием в выборе примеров (Şawqī Dayf, 1993).

С точки зрения истории арабской педагогики, "Taqrīb" можно рассматривать как ранний образец учебника нового типа – пособия, в котором соединяются традиционная грамматическая наука и адаптированная методика, ориентированная на потребности массового школьного образования.

Таким образом, деятельность Марсафи отражает сложное взаимодействие традиционного арабского филологического наследия и модернизаторских устремлений эпохи Nahḍa, в рамках которых грамматика рассматривалась не только как предмет научного изучения, но и как инструмент формирования культурной и языковой компетенции широких слоёв населения.

Значение книги и её место в истории египетского образования

Труд Ахмада аль-Марсафи "Taqrīb" следует рассматривать как одну из первых систематических попыток модернизировать преподавание арабской грамматики в условиях перехода Египта от традиционной мадрасной модели образования к централизованной государственной школьной системе. Созданный в эпоху реформ хедива Исмаила, этот учебник отвечал прямому запросу Министерства просвещения на разработку дидактических материалов, способных эффективно функционировать в условиях массового

начального обучения. Свидетельством этому может послужить следующая цитата:

Затем я представил то, что собрал господину директору школ Али-паша Мубарак.² Ему понравилось хорошее расположение и расстановка, и он приказал напечатать и опубликовать это. Я назвал это: «Упрощение арабского языка для учеников начальных школ» (Aḥmad bin Muḥammad al-Marṣāfi, 2018).

Следует отметить, что В 1868 году Али Мубарак (1823–1893), видный государственный деятель и выпускник «учебной миссии» 1849 года во Франции, возглавил Департамент образования. Он стал ключевой фигурой в формировании образовательной политики при хедиве Исмаиле. В 1867–1868 годах Али Мубарак инициировал масштабную реформу, положения которой были закреплены в «Основном законе всеобщего образования Египта» («Закон 10 Раджаба»). Основной задачей этого закона было стимулирование развития народного образования и создание государственных школ. Система образования была структурирована как единое целое, где каждый уровень обучения являлся логическим продолжением предыдущего. Среди ключевых пунктов закона – расширение сети современных начальных школ и повышение качества образования в традиционных школах, которые должны были перейти под государственный контроль в сфере образования и здравоохранения (Москалец, 2022).

Безусловно, в созданные начальные школы требовались учебники нового

² Али-паша Мубарак – египетский министр общественных работ и образования второй половины XIX века. Его часто считают одним из самых влиятельных и талантливых египетских реформаторов XIX века. Али Мубарак известен своим вкладом в реконструкцию Каира и созданием современной системы образования Египта. Его самая известная работа называется «Аль-Хитат аль-Тауфикийя аль-Джадида» (араб. الخطط التوفيقية الجديدة; «Новые планы

Тауфика», имеется в виду правитель Египта того времени), где представлено подробное, постраничное описание крупных городов и деревень Египта. Он также внес вклад в создание Египетской национальной библиотеки и архивов около 1870 года, одной из крупнейших и старейших правительственных библиотек. Более подробно об этом см.: (Крымский, 2022).

формата. В отличие от классических грамматических трактатов, ориентированных на узкий круг подготовленных студентов, книга Марсафи была адресована учащимся, только начинающим освоение языка в письменной и устной форме. При этом автор сохранил научную достоверность материала, избежав упрощений, способных исказить грамматическую систему арабского языка. Он упоминает местами некоторые тонкости, о которых другие авторы умалчивают. К примеру, следующий отрывок, где говорится об «абсолютном *maṣḍar*» (*maṣḍar muṭlaq*):

И то, что соответствует своей формулировкой формулировке своего глагола, называется «словесный maṣḍar», как в твоих словах: «qumtu qiyāman» и «wa-waqaftu wuqūfan». И то, что не соответствует своей формулировкой формулировке своего глагола, называется «смысловой maṣḍar»; из-за его соответствия ему по смыслу, но не по формулировке, как если бы ты сказал: «qumtu wuqūfan» и «waqaftu qiyāman» (Aḥmad bin Muḥammad al-Marṣāfi, 2018).

Такое сочетание академической строгости и педагогической адаптации стало определяющим фактором успешного внедрения книги в школьную практику.

Значение данного пособия проявляется в нескольких аспектах:

- **Методологическом** – Марсафи предложил дидактическую модель, в которой грамматические категории изучаются в функциональном контексте, что позволяло избежать фрагментарности знаний.
- **Историко-педагогическом** – труд стал важным этапом в формировании национальной школьной программы по арабскому языку, закрепив новые стандарты систематизации и подачи материала.
- **Культурно-лингвистическом** – учебник способствовал укреплению

роли литературного арабского языка как основного инструмента письменной и устной коммуникации в условиях усиливающейся культурной модернизации Египта.

Благодаря этим особенностям “*taqrīb*” можно рассматривать как ключевое звено в процессе адаптации классической арабской филологии к потребностям массового образования в XIX веке. Его влияние прослеживается в методических подходах, принятых в египетских учебниках по грамматике на протяжении последующих десятилетий, а сама книга занимает достойное место в ряду педагогических трудов, сыгравших значимую роль в эпоху арабского Возрождения. В рамках научного дискурса, посвящённого историческому развитию арабской грамматики, отмечается, что, несмотря на широкое признание и распространённость, данное исследование и его автор, как правило, не становились предметом углублённого анализа. Их роль сводилась к номинальному включению в перечень работ XIX века, направленных на методологическую оптимизацию преподавания грамматических правил в образовательных учреждениях различных уровней. Таким образом, вклад автора и его труд упомянуты, но не были детально изучены в контексте их реального влияния на процесс упрощения и реформирования арабской грамматической системы (Kāmil Maḥmūd Najm al-Dulaimī, 2004; Ṣawqī Dayf, 1993).

Сравнительный анализ подходов А. аль-Марсафи и Р. аль-Тахтави

Бадравий Захран утверждает, что сочинение Ахмада аль-Марсафи было создано под непосредственным влиянием работы Рифа аль-Тахтави, о чём свидетельствуют общие концепции и структура изложения (Aḥmad bin Muḥammad al-Marṣāfi, 2018). Однако, сопоставление грамматического пособия Ахмада аль-Марсафи “*Taqrīb*” с трудом Рифа аль-Тахтави «*al-Tuḥfa*» выявляет как общие

методологические ориентиры, так и значимые различия в структуре и подаче материала. Оба автора ставили целью упрощение традиционного грамматического корпуса и его адаптацию для начальной школы, однако средства реализации этой задачи заметно различались.

Во-первых, в определениях ключевых грамматических понятий у Марсафи наблюдается стремление к авторской формулировке, в то время как Тахтави чаще опирается на дефиниции, восходящие к ранней грамматической традиции. Например, Тахтави определяет предложение как «совокупность слов», тогда как Марсафи уточняет, что «предложение имеет законченный смысл и его частями являются слова» (Aḥmad bin Muḥammad al-Marṣāfī, 2018), акцентируя семантический аспект структуры высказывания. Аналогично, в определении имени Марсафи формулирует: «Имя – слово, самодостаточное по смыслу, о котором можно что-либо сообщить» (Aḥmad bin Muḥammad al-Marṣāfī, 2018), тогда как у Тахтави акцент делается на отсутствие временной привязки.

Во-вторых, в организации материала Марсафи демонстрирует более строгую систематичность: сведения об имени, его классификации, признаках флексии и прочих характеристиках собраны в одном тематическом блоке. У Тахтави аналогичные сведения рассредоточены по различным разделам, что может затруднять целостное восприятие темы.

В-третьих, Марсафи применяет иной порядок изложения, отклоняясь от устоявшейся арабской грамматической традиции. Так, при рассмотрении числа в именах он начинает с единственного числа, переходит к множественному, и лишь затем – к двойственному, тогда как традиционный порядок несколько иначе, где двойственное число предшествует множественному. При анализе множественных форм он также

изменяет последовательность, обсуждая сперва «сломанное» множественное число, а затем правильные формы.

В-четвёртых, в области синтаксической классификации автор ограничивает перечень *marfū'āt* (слов в именительном падеже) и *manṣūbāt* (слов в винительном падеже) в сравнении с Тахтави. Так, в категорию *marfū'āt* Марсафи включает только *fā'il* (подлежащее глагольного предложения), *nā'ib al-fā'il* (подлежащее при страдательном глаголе), *mubtada'* (подлежащее именного предложения), *ḫabar* (сказуемое именного предложения), *iṣm kāna wa 'aḫawātuxā* (имя глаголов «kāna и ему подобных»), *ḫabar 'inna wa 'aḫawātuxā* (сказуемое частиц «'inna и и ему подобных»), а также *tawābi'* (подчиненные слова), исключая, например, настоящее-будущее время, упомянутое у Тахтави. Аналогично, перечень *manṣūbāt* у Марсафи включает 14 позиций, среди которых *maf'ul bihi* (дополнение), *munādā* (призываемое лицо при обращении), *maf'ul muṭlaq* (абсолютный *maṣdar*), *maf'ul lah* (винительный падеж причины действия), *ḥāl* (обстоятельство), *tamyīz* (винительный падеж выделения) и др., но отсутствует сослагательное наклонение, зафиксированное у Тахтави.

В-пятых, Марсафи демонстрирует тенденцию к лаконизму, избегая чрезмерного количества примеров и синтаксических разборов, но при этом сохраняет информативность. Лаконизм автора проявляется и в его подходе к повторам: он сознательно отсылает читателя к ранее изложенному материалу вместо избыточного дублирования, что отражает продуманную экономию учебного пространства.

К примеру, эта цитата:

o kāna wa aḫawātuxā, 'inna wa aḫawātuxā говорилось в разделе о *marfū'āt*, поэтому нет надобности их снова повторять (Aḥmad bin Muḥammad al-Marṣāfī, 2018).

Таким образом, методическая модель Марсафи демонстрирует синтез традиционных лингвистических знаний и реформаторских дидактических принципов, что делает его труд не просто учебником, но и значимым этапом в истории модернизации арабского языкового образования XIX века.

Наконец, отличительной особенностью подхода Марсафи является интеграция грамматических тем в тот момент, когда они необходимы для понимания текущего материала. Например, личные местоимения в именительном падеже рассматриваются в контексте подлежащего, а в косвенных падежах – в разделе о дополнениях. Такой приём отсутствует у Ибн Фархата и Тахтави, которые излагают соответствующие сведения в едином блоке.

Исследование сравнительного анализа лингвограмматических концепций в трудах Ахмада аль-Марсафи и Рифа аль-Тахтави выявляет методологические расхождения, особенно в типологизации ключевых синтаксических единиц арабского языка.

Примечательно, что в своей классификации *mubtada'* (подлежащего) аль-Марсафи демонстрирует более детализированный подход. В то время как аль-Тахтави ограничивается двумя категориями, Марсафи вводит четырёхкомпонентную систему, дифференцируя *mubtada'* на следующие типы:

1. Эксплицитное существительное (*'ism dāhir*).
2. Местоимение (*damīr*).
3. Простая, открыто выраженная номинативная единица, включающая в себя как существительные, так и местоимения, не требующие реконструкции или имплицитного понимания.
4. Конструкция, образуемая с помощью масдарийного предлога "'an" (*'an al-maṣḍariyya*).

С другой стороны, в классификации *habar* Марсафи применяет иной принцип, объединяя в одну категорию то, что у Тахтави разделено на четыре. Согласно Марсафи, *habar* может быть выражен тремя способами:

1. Лексемой в единственном числе (*mufrad*).
2. Именным или глагольным предложением (*ḡumla 'iṣmiyya wa fi'liyya*).
3. Предложным или адverbиальным оборотом (*ṣibh al-ḡumla*).

Таким образом, Марсафи, в отличие от Тахтави, в одном случае (в типологии *mubtada'*) прибегает к более глубокой дифференциации, а в другом (в типологии *habar*) – к более широкой интеграции. Это указывает на оригинальность его синтаксического анализа и отличную от предшественника структурно-семантическую интерпретацию грамматических явлений.

В совокупности указанные различия свидетельствуют о том, что метод Марсафи был более адаптирован к учебным нуждам начальной школы, обеспечивая одновременно структурную чёткость, экономию учебного времени и упрощение сложных аспектов арабской грамматики без ущерба для её логической целостности.

Методическая концепция Ахмада Марсафи в книге «*Taqīb*» сочетает элементы классической арабской грамматической традиции с приёмами, ориентированными на потребности начальной школы XIX века. При этом автор демонстрирует стремление к педагогической адаптации материала, сохраняя при этом научную точность изложения.

Во-первых, Марсафи целенаправленно исключает из текста излишне сложные филологические дискуссии, характерные для традиционных комментариев к «*Alfiyya*» Ибн Малика. Вместо этого он ограничивается краткими пояснениями по спорным вопросам, если

они необходимы для понимания правила, избегая перегрузки учеников абстрактными аргументами.

Во-вторых, автор активно использует графические средства – сравнительные таблицы, схемы и перечни, – которые способствуют визуализации материала и формированию у учащихся устойчивых ассоциативных связей. В таких таблицах представляются, например, формы местоимений, падежные признаки и классификации обстоятельств. Автор следовал Тахтави в использовании таблиц, однако в меньшей степени, чем последний. У Тахтави их число составляет 46, в то время как у Марсафи всего лишь 7.

В-третьих, Марсафи применяет модульный принцип организации материала: каждая грамматическая тема излагается в пределах отдельного раздела, снабжённого заголовком, и включает определение понятия, классификацию, перечень признаков, а также примеры и исключения.

В-четвёртых, в ряде разделов используется вопросно-ответная форма подачи, направленная на активизацию мыслительной деятельности учащихся и закрепление знаний посредством диалога между учителем и учеником.

В-пятых, значительное внимание уделяется повторению ключевых правил: в конце тематических блоков приводятся итоговые резюме, позволяющие учащимся систематизировать усвоенный материал и облегчить его воспроизведение.

Наконец, автор интегрирует изучение отдельных грамматических элементов в те разделы, где они функционально необходимы. Так, разбор личных местоимений в именительном падеже включён в тему подлежащего, а анализ личных местоимений в косвенном падеже – в раздел о дополнениях. Такой приём демонстрирует высокий уровень методической продуманности, обеспечивая последовательное формирование у

учащихся целостного представления о синтаксических функциях словоформ.

Таким образом, метод подачи материала в пособии Марсафи характеризуется сочетанием научной достоверности, лаконизма и дидактической целесообразности, что позволяет рассматривать его как одну из ранних и успешных попыток систематической адаптации арабской грамматики для начального образования в Египте.

Исследование труда «Taqrīb» аль-Марсафи позволяет сделать несколько ключевых выводов о его роли в истории египетской педагогики и арабской филологии. Эта работа, созданная в эпоху Nahḍa и реформ хедива Исмaила, представляет собой важный этап в переходе от традиционной, ориентированной на элиту системы образования к массовой государственной школе.

Книга Марсафи стала ответом на насущную потребность в доступных учебниках по арабской грамматике для начального уровня. В отличие от сложных классических трактатов, таких как «Alfiyya» Ибн Малика, «Taqrīb» адаптирует материал, делая его понятным для младших школьников. При этом автор сохраняет академическую строгость, избегая чрезмерного упрощения, что делает его труд уникальным образцом сочетания традиционного научного наследия и новаторской дидактической методики.

Сравнительный анализ с трудом Рифа аль-Тахтави «al-Tuḥfa» выявляет как общие черты, так и существенные различия. В то время как оба автора стремились к упрощению грамматики, Марсафи продемонстрировал более систематизированный подход, авторские формулировки определений и оригинальный порядок изложения материала. Его метод характеризуется лаконизмом, продуманной экономией учебного пространства, а также интеграцией грамматических тем в функциональный

контекст, что отличает его от Тахтави и других современников.

Методическая концепция Марсафи включает в себя ряд новаторских для своего времени приёмов:

- Использование графических средств (таблиц и схем) для визуализации материала.
- Модульный принцип организации тем.
- Вопросно-ответная форма изложения для активации учебного процесса.
- Систематические повторения и итоговые резюме.

В конечном счёте, «*Taqrīb*» можно рассматривать не просто как учебник, а как ключевое звено в процессе модернизации арабского языкового образования. Деятельность Марсафи способствовала укреплению роли литературного арабского языка и стала частью масштабных культурных преобразований, заложив основы для будущих поколений египетских педагогов и филологов.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что труд Ахмада аль-Марсафи «*Taqrīb fan al-luġa al-‘arabiyya li-abnā’ al-madāris al-‘ibtida’iyya*» занимает особое место в истории арабской грамматической традиции эпохи *Nahḍa*, отражая переход от

классической модели преподавания *naḥw* к новой педагогической парадигме, ориентированной на потребности массового школьного образования. Сохраняя фундаментальные принципы классической арабской грамматики, автор одновременно осуществляет её глубокую методическую переработку посредством систематизации материала, функционального распределения грамматических тем, лаконичного изложения, использования таблиц, схем и диалогической формы обучения. Сравнительный анализ с трудами Рифа аль-Тахтави показал, что аль-Марсафи не ограничивался упрощением традиционного материала, а предложил собственную модель его структурирования, основанную на педагогической целесообразности и когнитивной доступности. Тем самым «*Taqrīb*» следует рассматривать не только как учебное пособие для начальной школы, но и как значимый этап эволюции арабской грамматической мысли XIX века, свидетельствующий о трансформации классического филологического наследия в условиях образовательных реформ *Nahḍa* и формировании новой методологии преподавания арабского языка.

References:

1. Aḥmad bin Muḥammad al-Marṣāfī. (2018). *Taqrīb fan al-luġa al-‘arabiyya li-abnā’ al-madāris al-‘ibtida’iyya*. al-Kuweyt.
2. Kāmil Maḥmūd Najm al-Dulaimī, D. Ṭāhā ‘Alī Ḥusayn al-Dulaimī. (2004). *Asālib ḥadīthah fī tadrīs qawā’id al-luġah al-‘arabiyyah*. Dār al-Shurūq li-l-Nashr wa-al-Tawzī’.
3. Ṣawqī Ḍayf. (1993). *Taysīr al-naḥw al-ta’līmī qadīman wa-ḥadīthan ma’a nahj tajdīdih*. Dār al-Ma’ārif.
4. Долинина, А. А. (1991). *Египетская и сирийская литературы (второй половины XIX в.)*. В История всемирной литературы (Т. 7, с. 609–613). Наука.
5. Крымский, А. Е. (2022). *История новой арабской литературы (XIX — начало XX века)* (2-е изд., Ч. 1). Юрайт.
6. Москалец, О. В. (2022). Система образования в Египте во время правления хедива Исмаила (1863–1879). *Ислам в современном мире*, 18(4), 101–112.

A comparative analysis of communicative strategies in English and Uzbek internet discourse

Mislimbekova Malika Mislimbek kizi

mmislimbekova@gmail.com

English language teacher, Department of
Foreign Language Philology,
Tashkent International University of Financial
Management and Technologies

Annotation

This article examines communicative strategies in English and Uzbek internet discourse from a comparative linguopragmatic perspective. The study focuses on how participants organize interaction, express evaluation, establish solidarity, disagree, mitigate or intensify statements, and manage interpersonal relations in digitally mediated communication. English and Uzbek discourse samples are analysed through comparative, contextual, pragmatic, and discourse-analytical procedures, with attention to the linguistic markers through which particular communicative intentions are realized. The analysis considers both convergent and language-specific patterns in the choice, distribution, and pragmatic functioning of communicative strategies. Particular attention is paid to the influence of social distance, communicative purpose, evaluative stance, and culturally conditioned norms on online language use. The study argues that similarities between the two discourses are largely related to the interactive affordances of digital communication, whereas differences become more visible in forms of address, politeness, mitigation, emotional evaluation, and solidarity-building. The findings contribute to contrastive linguistics, pragmatics, and internet discourse studies.

Keywords

Communicative strategies, internet discourse, English language, Uzbek language, contrastive linguistics, linguopragmatics, digital communication

Ingliz va o'zbek internet diskursidagi kommunikativ strategiyalarning qiyosiy tahlili

Mislimbekova Malika Mislimbek qizi

mmislimbekova@gmail.com

Xorijiy til filologiyasi kafedrasida ingliz tili fani
o'qituvchisi,
Toshkent Xalqaro Moliya boshqaruvi va
Texnologiyalari Universiteti

Annotatsiya

Maqolada ingliz va o'zbek internet diskursidagi kommunikativ strategiyalar qiyosiy lingvopragmatik nuqtayi nazardan tadqiq etiladi. Asosiy e'tibor raqamli muloqot ishtirokchilarining o'zaro munosabatni tashkil etishi, baholashni ifodalashi, birdamlikni namoyon qilishi, norozilik bildirish, fikrni yumshatish yoki kuchaytirish hamda shaxslararo munosabatlarni boshqarish usullariga qaratiladi. Ingliz va o'zbek internet diskursi namunalari muayyan kommunikativ niyatlarni yuzaga chiqaruvchi lisoniy markerlarni hisobga olgan holda qiyosiy, kontekstual, pragmatik va diskursiv tahlil asosida o'rganiladi. Tadqiqotda kommunikativ strategiyalarni tanlash, ularning funksional xususiyatlari va pragmatik yo'nalishida kuzatiladigan mushtarak hamda tilga xos belgilar aniqlanadi. Ijtimoiy masofa, kommunikativ maqsad, baholovchi pozitsiya va madaniy me'yorlarning onlayn nutqiy xulqqa ta'siriga alohida e'tibor beriladi. Qiyosiy tahlil ikki diskursdagi umumiyliklar raqamli

kommunikatsiyaning interaktiv xususiyatlari bilan bog'liqligini, farqlar esa murojaat shakllari, xushmuomalalik, yumshatish, emotsional baholash va birdamlikni ifodalash vositalarida yaqqolroq namoyon bo'lishini ko'rsatadi. Tadqiqot natijalari chog'ishtirma tilshunoslik, pragmatika va internet diskursi tadqiqotlari uchun nazariy ahamiyat kasb etadi. Bunday yondashuv raqamli nutqiy xulqni til, kontekst va madaniyat bilan bog'liq strategik tanlovlar tizimi sifatida izohlash imkonini beradi.

Kalit so'zlar *Kommunikativ strategiyalar, internet diskursi, ingliz tili, o'zbek tili, chog'ishtirma tilshunoslik, lingvopragmatika, raqamli kommunikatsiya*

Сопоставительный анализ коммуникативных стратегий в английском и узбекском интернет-дискурсе

Мислимбекова Малика Мислимбек кизи

mmislimbekova@gmail.com

*Преподаватель английского языка кафедры
филологии иностранных языков,
Ташкентский международный университет
финансового управления и технологий*

Аннотация *В статье рассматриваются коммуникативные стратегии в англоязычном и узбекоязычном интернет-дискурсе с позиций сопоставительной лингвопрагматики. Основное внимание уделяется тому, каким образом участники цифрового общения организуют взаимодействие, выражают оценку, демонстрируют солидарность, несогласие, смягчают или усиливают высказывание и регулируют межличностные отношения. Материал английского и узбекского интернет-дискурса анализируется с применением сопоставительного, контекстуального, прагматического и дискурсивного подходов с учетом языковых маркеров, посредством которых реализуются конкретные коммуникативные намерения. В исследовании выявляются общие и языково-специфические особенности выбора, функционирования и прагматической направленности коммуникативных стратегий. Особое внимание уделяется влиянию социальной дистанции, коммуникативной цели, оценочной позиции и культурно обусловленных норм на речевое поведение пользователей. Сопоставительный анализ показывает, что общие черты во многом связаны с интерактивной природой цифровой коммуникации, тогда как различия отчетливее проявляются в формах обращения, вежливости, смягчении высказывания, эмоциональной оценке и способах выражения солидарности. Полученные положения расширяют возможности сопоставительной лингвистики, прагматики и исследований интернет-дискурса. Такой подход позволяет рассматривать цифровое речевое поведение не изолированно, а как систему стратегических решений, обусловленных языком, контекстом и культурой.*

Ключевые слова *Коммуникативные стратегии, интернет-дискурс, английский язык, узбекский язык, сопоставительная лингвистика, лингвопрагматика, цифровая коммуникация*

Introduction

Digital communication has transformed not only the channels through which interaction takes place but also the linguistic and pragmatic mechanisms by which speakers construct meaning, negotiate interpersonal relations, and express communicative intentions. Internet discourse combines characteristics traditionally associated with written and spoken communication while simultaneously developing its own conventions shaped by immediacy, interactivity, multimodality, anonymity, and technological affordances. Consequently, online interaction cannot be adequately described through grammatical and lexical features alone; it requires attention to the strategic choices through which users organize discourse and achieve particular pragmatic effects. Crystal emphasizes that Internet-mediated communication has generated distinctive patterns of linguistic creativity and variation across digital genres (Crystal, 2006), while Herring conceptualizes online interaction as computer-mediated discourse that can be systematically investigated through linguistic and discourse-analytical categories (Herring, 2004).

From a sociolinguistic perspective, digital discourse is not a homogeneous variety of language. Its forms are conditioned by communicative setting, participant relations, technological environment, discourse community, and the social meanings attached to linguistic choices. Androutsopoulos argues for moving beyond the notion of a uniform "language of computer-mediated communication" toward the analysis of socially situated online discourse (Androutsopoulos, 2006). This perspective is especially relevant to contrastive research because communicative strategies may fulfil comparable pragmatic functions across languages while differing substantially in their verbal realization, degree of explicitness,

interpersonal orientation, and culturally conditioned conventions.

In the present study, communicative strategies are understood as goal-oriented choices of linguistic and discourse resources employed by participants to manage interaction and accomplish particular communicative intentions. Such strategies may involve expressing agreement or disagreement, establishing solidarity, strengthening or mitigating evaluation, persuading other participants, positioning oneself toward an issue, managing interpersonal distance, and signalling emotional involvement. Their realization in internet discourse may include lexical choices, discourse markers, forms of address, intensifiers, hedges, repetition, graphic devices, emojis, and other context-dependent resources.

Recent research on Uzbek internet discourse has addressed its terminology, structural development, cyberlexicon, multimodal features, and selected pragmatic phenomena (Ismoilov, 2025; Ismailova, 2026). Comparative studies have also begun to identify broader linguistic and cultural tendencies in English and Uzbek social-media communication (Turabekova, 2026). Nevertheless, the strategic organization of communicative behaviour in the two languages remains insufficiently systematized within a unified contrastive framework. In particular, greater attention is required to the relationship between communicative intention, linguistic realization, pragmatic function, and language-specific patterns.

Accordingly, the aim of this study is to identify and comparatively analyse communicative strategies in English and Uzbek internet discourse, determine the linguistic and pragmatic resources through which they are realized, and establish their convergent and divergent features. The comparison seeks to reveal not merely formal differences between the two languages but the ways in which

comparable communicative purposes are strategically encoded within different linguistic and sociocultural systems.

Literature review

The linguistic study of internet communication has developed from early descriptions of "Internet language" toward approaches that treat digital interaction as a context-dependent form of discourse. Crystal (2006) demonstrates that online communication combines features of written and spoken language while generating new conventions associated with speed, interaction, graphic representation, and technological mediation. Herring (2004) advances this perspective through computer-mediated discourse analysis, arguing that online linguistic behaviour can be investigated systematically at structural, interactional, pragmatic, and social levels. Rather than regarding internet discourse as a uniform variety, Androutsopoulos (2006) emphasizes its socially situated nature and the influence of participants, communities, genres, and technological environments on linguistic choice. These approaches establish an important premise for contrastive analysis: digital discourse provides shared technological conditions, but the linguistic realization of interaction remains sensitive to language-specific and sociocultural conventions.

Within pragmatic research, communicative behaviour is frequently explained through strategies used to regulate interpersonal relations and achieve discourse goals. Politeness theory demonstrates that speakers strategically modify utterances according to social distance, power relations, and the potential interpersonal effect of communicative acts (Brown & Levinson, 1987). Subsequent research has shown that digital environments complicate conventional distinctions between politeness and impoliteness because users negotiate relational meanings through directness, humour, irony, evaluation, intensification, and other context-sensitive resources (Culpeper, 2011; Locher & Graham, 2010). Consequently, a

communicative strategy in online discourse cannot be identified solely through a particular lexical or grammatical form. Its interpretation depends on the relationship between linguistic realization, communicative intention, sequential context, and expected pragmatic effect.

Research on Uzbek digital discourse has expanded in recent years. Ismoilov (2025) draws attention to the terminological and structural characteristics of Uzbek internet discourse and its position between traditional written and spoken communication. Abdullazoda (2025) shows that politeness in Uzbek social media interaction remains sensitive to social status, age, forms of address, indirectness, and culturally established interactional norms. Comparative studies have also begun to examine English and Uzbek digital communication. Turabekova (2026), for example, identifies differences in linguistic economy, pragmatic markers, emotional expression, speech etiquette, and code-switching in English and Uzbek social-media discourse. Ismailova (2026) further demonstrates that cyberlexical and multimodal resources such as borrowings, emojis, hashtags, and code-mixing perform pragmatic as well as lexical functions in the two languages. Recent contrastive research on politeness additionally suggests that comparable interpersonal goals may be realized through different structural resources in English and Uzbek online interaction (Ziyayeva & Abdullazoda, 2026).

Despite these developments, existing studies tend to concentrate on individual phenomena such as politeness, lexical innovation, code-switching, multimodality, or general characteristics of social-media language. Communicative strategies themselves have rarely been examined as an integrated contrastive system in which function, linguistic realization, frequency, and contextual distribution are analysed according to the same criteria in both languages. The present study addresses this gap by treating

communicative strategy as the common basis of comparison and by examining how similar interactional purposes are encoded, modified, and pragmatically differentiated in English and Uzbek internet discourse.

Methodology

The study employs a comparative linguopragmatic research design combining discourse analysis with corpus-assisted qualitative and quantitative procedures. The methodological focus is placed on the ways in which communicative intentions are strategically realized in English and Uzbek internet discourse. Rather than comparing isolated linguistic forms, the analysis examines the functional relationship between communicative purpose, linguistic realization, contextual conditions, and pragmatic effect.

The comparison is organized according to the principle of tertium comparationis, which requires the two datasets to be examined through a common analytical basis. In the present study, communicative function serves as the principal basis of comparison. Accordingly, English and Uzbek discourse units are compared only when they perform comparable interactional functions, such as expressing agreement or disagreement, establishing solidarity, mitigating a position, intensifying evaluation, persuading another participant, displaying stance, or managing interpersonal relations. This principle prevents formal differences between the two languages from being interpreted as pragmatic differences without sufficient contextual evidence.

To ensure comparability, the English and Uzbek materials are selected from equivalent digital environments and matched according to discourse genre, communicative topic, period of publication, and interactional format. Publicly accessible user-generated content constitutes the primary empirical material. Commercial advertisements, automated messages, duplicated content, and posts lacking sufficient verbal material for pragmatic interpretation are excluded from the analytical

corpus. Where emojis, punctuation, graphic repetition, hashtags, or other multimodal elements contribute directly to the interpretation of a communicative strategy, they are analysed together with the verbal component rather than treated as independent units.

The basic unit of analysis is the communicative move: a discourse segment in which a recognizable interactional intention is realized. A communicative move may correspond to a complete comment, a sentence, or a shorter utterance when it performs an identifiable pragmatic function. This choice is consistent with the view that computer-mediated discourse should be analysed in relation to interactional organization and contextual meaning rather than exclusively at the sentence level (Herring, 2004).

The analytical framework combines function-based categorization with contextual interpretation. Initial categories are derived from established research on interactional strategy, politeness, stance, mitigation, intensification, and online discourse (Brown & Levinson, 1987; Culpeper, 2011; Androutsopoulos, 2006). At the same time, the framework remains open to language-specific patterns emerging from the data. Each identified strategy is examined according to four parameters: communicative function, linguistic markers, pragmatic effect, and contextual distribution.

The methodology therefore allows similarities and differences between English and Uzbek internet discourse to be established at both functional and formal levels. Such an approach makes it possible to determine not only whether comparable strategies occur in the two languages, but also how their linguistic realization and pragmatic organization vary across the two discourse systems.

Data collection and Analysis

The empirical material for the study is constructed from publicly accessible English-

and Uzbek-language internet discourse selected from comparable digital environments. To maintain analytical equivalence, the two datasets are formed according to the same selection parameters, including platform type, discourse genre, thematic orientation, publication period, and interactional structure. The principle of comparability is particularly important in contrastive digital discourse research because differences resulting from platform conventions or genre characteristics may otherwise be incorrectly interpreted as language-specific features (Androutsopoulos, 2006).

The corpus includes user-generated discourse units containing sufficient verbal material for pragmatic interpretation. Repeated messages, automatically generated content, commercial advertising, unrelated promotional material, and units consisting exclusively of non-verbal symbols are excluded. Short forms, emojis, graphic repetition, unconventional punctuation, capitalization, hashtags, and other digitally specific elements are retained when they contribute to the pragmatic interpretation of the utterance. This procedure reflects the multimodal and interactional character of computer-mediated discourse, in which meaning may be distributed across verbal and graphically represented resources (Herring, 2004).

The analytical procedure begins with the identification of the dominant communicative intention of each discourse unit. The unit is then coded according to the strategy through which that intention is realized. Strategy identification is based on the interactional function of the utterance rather than on the presence of an isolated lexical marker. Thus, the same linguistic form may receive different interpretations depending on its sequential position, relationship to preceding discourse, evaluative orientation, and response from other participants.

The coding process distinguishes recurrent strategic functions such as

agreement and alignment, disagreement and opposition, mitigation, intensification, persuasion, solidarity-building, evaluative positioning, humour or irony, and interpersonal engagement. These categories are treated as functional analytical domains rather than rigid universal classes. Additional categories may be introduced when recurrent patterns in either language cannot be adequately represented within the initial framework. This combination of theory-informed and data-sensitive categorization reduces the risk of imposing one language's pragmatic organization directly on the other.

Each identified strategy is subsequently analysed at three interconnected levels. At the linguistic level, attention is given to lexical choices, discourse markers, modal forms, forms of address, evaluative expressions, intensifiers, hedges, repetition, and graphological features. At the pragmatic level, the analysis determines the interactional purpose and interpersonal effect of these resources. At the contrastive level, English and Uzbek realizations are compared in terms of functional correspondence, preferred linguistic means, degree of explicitness, and contextual distribution.

Quantitative observations are used to establish the relative distribution of the identified strategies, while qualitative analysis explains how and why comparable communicative purposes are realized differently. Frequency is therefore treated as supporting evidence rather than as an independent explanation. The final interpretation is based on the interaction between distributional patterns and contextualized discourse analysis, allowing the study to distinguish shared tendencies from language-specific pragmatic preferences.

Results and Discussion

The comparative analysis reveals that communicative strategies in English and Uzbek internet discourse are functionally comparable but differ in the linguistic resources through which particular interactional goals are

achieved. In both datasets, users employ strategies of agreement, disagreement, evaluation, mitigation, intensification, solidarity-building, persuasion, humour, and interpersonal engagement. The most significant contrast, however, lies not in the presence or absence of these strategies but in their preferred linguistic realization and degree of explicitness.

Agreement and solidarity strategies in English discourse are commonly realized through concise evaluative expressions, supportive stance markers, direct alignment with a previous comment, and informal interpersonal signals. Uzbek discourse demonstrates the same general function, but solidarity is more frequently associated with relational expressions, forms of address, culturally recognizable evaluative formulas, and emotionally intensified support. This difference suggests that the interpersonal dimension of online agreement may be encoded more overtly in Uzbek interaction, whereas English discourse often relies on compact stance expressions and minimal affiliative responses.

Disagreement strategies reveal another important contrast. English users tend to combine disagreement with hedging, qualification, partial agreement, or epistemic stance markers that reduce categorical opposition. Such forms allow speakers to contest a previous position while maintaining a degree of interpersonal distance. Uzbek disagreement may also be mitigated, but its realization is more sensitive to the perceived relationship between participants and the level of emotional involvement in the discussion. Direct disagreement becomes more acceptable in highly evaluative or conflict-oriented exchanges, while indirectness is more noticeable when social respect or interpersonal sensitivity is foregrounded. These tendencies correspond to broader pragmatic observations concerning the interaction between politeness, social distance, and communicative intention (Brown & Levinson, 1987; Culpeper, 2011).

Mitigation and intensification function as particularly productive strategies in both languages. English mitigation is frequently associated with modal expressions, epistemic markers, hedges, and partial commitment, whereas Uzbek mitigation may additionally involve lexicalized politeness formulas, relational markers, and indirect evaluative constructions. Intensification in both languages is realized through repetition, emphatic vocabulary, capitalization, punctuation, and graphological devices. However, Uzbek digital discourse appears to permit a broader combination of verbal intensification and emotionally marked graphic resources, especially in evaluative and solidarity-oriented contexts.

The analysis of humour and irony shows that pragmatic interpretation depends heavily on shared contextual knowledge. Irony is rarely recoverable from lexical form alone; it is constructed through contrast between literal meaning, preceding discourse, evaluative stance, and graphic signals. Emojis, quotation marks, exaggerated punctuation, and deliberate repetition can therefore function as contextualization cues rather than decorative elements. This confirms the importance of analysing digital discourse as an interaction between verbal and graphological resources rather than as conventional written text (Herring, 2004).

A further contrast concerns forms of address and interpersonal engagement. English online discourse often minimizes explicit status marking, particularly in informal interaction, while Uzbek users may retain socially meaningful address forms even in digitally mediated contexts. Such forms can simultaneously express respect, familiarity, irony, or solidarity depending on the surrounding discourse. This demonstrates that technological mediation does not eliminate culturally embedded interactional conventions; instead, these conventions are reorganized within the affordances of online communication.

The comparative findings therefore suggest that English and Uzbek internet discourse share a substantial repertoire of communicative functions while differing in the preferred means of their pragmatic realization. The most pronounced contrasts are observed in the management of interpersonal distance, degree of explicitness, use of address forms, emotional intensification, mitigation, and solidarity-building. These differences should not be interpreted as fixed cultural oppositions. They represent tendencies emerging from the interaction of linguistic structure, communicative context, discourse genre, participant relations, and culturally available pragmatic resources.

From a contrastive perspective, the findings support the view that communicative strategy provides a productive tertium comparationis for the analysis of digital discourse. Comparable pragmatic intentions can be identified across the two languages, while their linguistic realization reveals both shared digital conventions and language-specific interactional preferences. This distinction makes it possible to move beyond a simple comparison of lexical or grammatical forms and to explain how English and Uzbek users strategically organize meaning and interpersonal relations in online communication.

Conclusion

The comparative examination of English and Uzbek internet discourse demonstrates that communicative strategies constitute an important mechanism through which users organize interaction, express stance, regulate interpersonal relations, and adapt their linguistic behaviour to the conditions of digital communication. The two discourse systems display a number of functionally comparable strategies, including agreement, disagreement, mitigation, intensification, solidarity-building, persuasion, evaluation, humour, and

interpersonal engagement. Their similarity at the functional level, however, does not imply identical linguistic or pragmatic realization.

The analysis indicates that the most relevant contrasts emerge in the degree of explicitness, forms of interpersonal alignment, use of address forms, mitigation of disagreement, emotional intensification, and the linguistic construction of solidarity. English internet discourse tends to make extensive use of concise stance expressions, hedging devices, epistemic markers, and relatively reduced status marking. Uzbek internet discourse, by comparison, demonstrates a stronger interaction between verbal strategy and relationally meaningful resources, including forms of address, culturally conventional expressions, evaluative formulas, and emotionally marked linguistic or graphic devices. These tendencies should be interpreted as context-dependent pragmatic preferences rather than fixed properties of either language.

An important theoretical outcome of the study is the use of communicative function as a common basis for contrastive analysis. Such an approach allows formally different linguistic units to be compared when they fulfil equivalent pragmatic purposes. It consequently shifts contrastive analysis from the direct comparison of individual lexical and grammatical forms toward the investigation of how communicative intentions are strategically encoded within different linguistic systems.

The study also confirms the importance of treating internet discourse as a complex interaction between verbal, pragmatic, contextual, and graphological resources. Emojis, punctuation, repetition, capitalization, and other digitally conditioned elements may participate directly in the realization or interpretation of communicative strategies and therefore cannot always be separated from the verbal message.

References:

1. Abdullazoda, M. (2025). Sociolinguistic features of politeness in Uzbek social media discourse. *American Journal of Philological Sciences*, 5(5), 21–23. <https://doi.org/10.37547/ajps/Volume05Issue05-07>
2. Androutsopoulos, J. (2006). Introduction: Sociolinguistics and computer-mediated communication. *Journal of Sociolinguistics*, 10(4), 419–438. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9841.2006.00286.x>
3. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
4. Crystal, D. (2006). *Language and the Internet* (2nd ed.). Cambridge University Press.
5. Culpeper, J. (2011). *Impoliteness: Using language to cause offence*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975752>
6. Herring, S. C. (2004). *Computer-mediated discourse analysis: An approach to researching online behavior*. In S. A. Barab, R. Kling, & J. H. Gray (Eds.), *Designing for virtual communities in the service of learning*. 338–376. Cambridge University Press.
7. Ismailova, R. B. (2026). Cognitive-semiotic and pragmatic features of cyber lexicon in internet discourse (based on English and Uzbek languages). *Qo'qon DPI. Ilmiy xabarlar jurnali*, 8(5), 1107–1111. <https://doi.org/10.70728/b.series.fil.v08.i05.161>
8. Ismoilov, K. (2025). On the issues of studying Uzbek internet discourse. *Oriental Journal of Philology*, 5(4), 145–152. <https://doi.org/10.37547/supsci-ojp-05-04-19>
9. Locher, M. A., & Graham, S. L. (Eds.). (2010). *Interpersonal pragmatics*. De Gruyter Mouton.
10. Turabekova, N. (2026). English and Uzbek discourse in social media. *Alfraganus University Conference Proceedings*, 2(1), 345–351. <https://doi.org/10.63294/afucon/vol2iss1/521>
11. Ziyayeva, S. A., & Abdullazoda, M. (2026). Interpersonal closeness as a sociopragmatic factor in politeness strategy selection in English and Uzbek social media discourse. *Oriental Journal of Philology*, 6(4), 14–23. <https://doi.org/10.37547/supsci-ojp-06-04-02>

Sociolinguistic competence: its content, structural components, and factors influencing its development

Baxramova Diyora Sanjar qizi
diyorabahramova7@gmail.com

English teacher,
Qorako'l School

Annotation *This article examines sociolinguistic competence as an essential component of communicative competence and clarifies its content, structural components, and the principal factors influencing its development in foreign language learning. Sociolinguistic competence is interpreted as the learner's ability to select and use linguistic forms appropriately in accordance with social context, interlocutors' status and roles, communicative purpose, degree of formality, cultural norms, and accepted patterns of interaction. The study synthesizes major theoretical approaches in sociolinguistics, communicative competence, pragmatics, and foreign language methodology. Particular attention is paid to social-contextual awareness, register and style selection, politeness and speech etiquette, sociocultural knowledge, interpretation of social meanings, and sensitivity to language variation. The article also considers linguistic, sociocultural, educational, interactional, and psychological factors that shape the development of this competence. The findings emphasize the importance of contextualized communication, intercultural comparison, authentic language input, reflective activities, and systematic practice in English language education in diverse real-life communication settings.*

Keywords *Sociolinguistic competence, communicative competence, social context, sociocultural norms, language variation, foreign language learning*

Sotsiolingvistik kompetensiya: mazmuni, tarkibiy komponentlari va uni rivojlantirish omillari

Baxramova Diyora Sanjar qizi
diyorabahramova7@gmail.com

Ingliz tili o'qituvchisi,
Qorako'l maktabi

Annotatsiya *Ushbu maqolada sotsiolingvistik kompetensiya kommunikativ kompetensiyaning muhim tarkibiy qismi sifatida tahlil qilinib, uning mazmuni, tarkibiy komponentlari hamda chet tilini o'rganish jarayonida rivojlanishiga ta'sir etuvchi asosiy omillar yoritiladi. Sotsiolingvistik kompetensiya til o'rganuvchining ijtimoiy kontekst, suhbatdoshlarning maqomi va rollari, kommunikativ maqsad, rasmiylik darajasi, madaniy me'yorlar hamda muloqotda qabul qilingan nutqiy xulq shakllariga muvofiq til vositalarini tanlash va qo'llash qobiliyati sifatida talqin etiladi. Tadqiqotda sotsiolingvistika, kommunikativ kompetensiya, pragmatika va chet til o'qitish metodikasiga oid nazariy qarashlar umumlashtiriladi. Ijtimoiy kontekstni anglash, registr va uslubni tanlash, xushmuomalalik va nutq etiketi, sotsiomadaniy bilim, ijtimoiy ma'nolarni talqin qilish hamda til variativligini sezish masalalariga alohida e'tibor qaratiladi. Shuningdek, ushbu kompetensiyaning rivojlanishiga ta'sir qiluvchi lingvistik, sotsiomadaniy, ta'limiy, interaktiv va psixologik omillar ko'rib chiqiladi. Natijalar ingliz tilini o'qitishda kontekstual muloqot, madaniyatlararo qiyoslash, autentik til materiallari, reflektiv faoliyat va tizimli amaliyotning ahamiyatini*

asoslaydi. Bunday yondashuv o'quvchilarning nafaqat grammatik jihatdan to'g'ri, balki turli ijtimoiy vaziyatlarga mos, madaniy jihatdan sezgir va kommunikativ maqsadga muvofiq nutq yaratish qobiliyatini rivojlantirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar *Sotsiolingvistik kompetensiya, kommunikativ kompetensiya, ijtimoiy kontekst, sotsiomadaniy me'yorlar, til variativligi, chet tilini o'rganish*

Социолингвистическая компетенция: её содержание, структурные компоненты и факторы развития

Бахрамова Диёра Санжар кизи
diyorabahramova7@gmail.com
Преподаватель английского языка,
Qorako'l School

Аннотация *В статье социолингвистическая компетенция рассматривается как важный компонент коммуникативной компетенции, раскрываются её содержание, структурные компоненты и основные факторы, влияющие на её развитие в процессе изучения иностранного языка. Социолингвистическая компетенция понимается как способность обучающегося выбирать и использовать языковые средства в соответствии с социальным контекстом, статусом и ролями собеседников, коммуникативной целью, степенью официальности, культурными нормами и принятыми моделями речевого поведения. В исследовании обобщаются теоретические подходы в области социолингвистики, коммуникативной компетенции, прагматики и методики преподавания иностранных языков. Особое внимание уделяется пониманию социального контекста, выбору регистра и стиля, вежливости и речевому этикету, социокультурным знаниям, интерпретации социальных значений и чувствительности к языковой вариативности. Рассматриваются также лингвистические, социокультурные, образовательные, интерактивные и психологические факторы развития данной компетенции. Результаты подчёркивают значение контекстуализированного общения, межкультурного сопоставления, аутентичного языкового материала, рефлексивной деятельности и систематической практики при обучении английскому языку. Такой подход способствует формированию у обучающихся способности не только грамматически правильно, но и социально уместно, культурно осознанно и коммуникативно целесообразно использовать английский язык в различных ситуациях общения.*

Ключевые слова *Социолингвистическая компетенция, коммуникативная компетенция, социальный контекст, социокультурные нормы, языковая вариативность, обучение иностранному языку*

Introduction

In contemporary foreign language education, successful communication is determined not only by grammatical accuracy and lexical knowledge but also by the ability to use language appropriately in different social situations. Speakers need to consider the status and roles of interlocutors, social distance, communicative purpose, level of formality, and culturally accepted norms of interaction. The ability to make linguistic choices in accordance with these conditions is generally defined as **sociolinguistic competence**.

The theoretical foundations of this concept are closely associated with Hymes's understanding of communicative competence. Hymes argued that knowledge of a language includes not only grammatical rules but also an understanding of when and how particular linguistic forms can be appropriately used within a speech community (Hymes, 1972). This approach shifted attention from language as an abstract grammatical system to language as a socially conditioned means of communication. Later, Canale and Swain identified sociolinguistic competence as an essential component of communicative competence and related it to the sociocultural rules governing language use (Canale & Swain, 1980).

The importance of sociolinguistic competence is especially evident in foreign language learning because a grammatically correct utterance may still be inappropriate in a particular communicative situation. Learners therefore need to understand how linguistic choices change according to social relationships, register, politeness conventions, and cultural expectations. The Common European Framework of Reference for Languages also recognizes sociolinguistic appropriateness as an important element of communicative language competence (Council of Europe, 2020).

This issue is particularly relevant to English language teaching in Uzbekistan, where

learners interpret English communication through sociocultural patterns already developed in their native language. Uzbek communicative behaviour is also influenced by age, status, interpersonal relations, respect, and established speech conventions (Mo'minov, 2000). These features may affect learners' selection and interpretation of English expressions.

Therefore, the aim of this study is to clarify the content of sociolinguistic competence, identify its major structural components, and determine the principal factors influencing its development in foreign language education. The study also considers how these theoretical findings can be applied to English language teaching in the Uzbek educational context.

Literature review

The concept of sociolinguistic competence developed within broader theories of communicative competence. Hymes first emphasized that linguistic competence alone cannot explain successful communication, since speakers also need knowledge of socially appropriate language behaviour (Hymes, 1972). Building on this idea, Canale and Swain included sociolinguistic competence in their model of communicative competence and defined it through sociocultural rules of language use (Canale & Swain, 1980). Canale later distinguished grammatical, sociolinguistic, discourse, and strategic competences as mutually related dimensions of communication (Canale, 1983).

Bachman placed sociolinguistic competence within pragmatic competence and associated successful language use with the relationship between linguistic forms, communicative intentions, and contextual conditions (Bachman, 1990). Similarly, Celce-Murcia, Dörnyei, and Thurrell emphasized sociocultural competence, including knowledge of participants, social conventions, stylistic appropriateness, and cultural

background (Celce-Murcia et al., 1995). These models demonstrate that sociolinguistic competence connects knowledge of linguistic forms with the social circumstances in which they are used.

From a sociolinguistic perspective, language varies according to social relationships, setting, status, communicative purpose, and group membership. Holmes notes that linguistic choices may indicate social distance, solidarity, identity, and levels of formality (Holmes, 2013). The CEFR similarly connects sociolinguistic competence with politeness conventions, register, social relations, and socially marked language variation (Council of Europe, 2020).

The cultural dimension of the competence is also important. Byram argues that intercultural communication involves the ability to interpret cultural differences and relate them to one's own communicative experience (Byram, 1997). In the Uzbek context, Iskandarova (1993) and Mo'minov (2000) demonstrate that speech behaviour is influenced by social roles, cultural norms, forms of address, and interpersonal relations.

Uzbek foreign language methodology also emphasizes the communicative orientation of language teaching. Hoshimov and Yoqubov (2003) and Jalolov (2012) regard meaningful speech activity as a central condition for developing practical foreign language ability. However, existing studies discuss the linguistic, social, cultural, and pedagogical aspects of sociolinguistic competence from different perspectives. Therefore, there remains a need to systematize its structural components and distinguish them from the factors affecting its development.

Methodology

The present study adopts a **qualitative theoretical research design** to examine sociolinguistic competence, its structural components, and the factors contributing to its development in foreign language education. The study is conceptual rather than experimental and therefore does not involve

participants, questionnaires, interviews, or classroom intervention. Its primary purpose is to develop a systematic interpretation of sociolinguistic competence on the basis of established linguistic and pedagogical perspectives.

The methodological framework of the research is interdisciplinary. Sociolinguistic competence is examined at the intersection of **sociolinguistics, communicative competence theory, pragmatics, intercultural communication, and foreign language teaching methodology**. Such an approach is necessary because socially appropriate language use cannot be explained exclusively through linguistic knowledge. It is influenced by the social characteristics of communication, cultural conventions, interpersonal relationships, communicative intentions, and educational conditions.

The study is based on fifteen scholarly sources representing both international and Uzbek academic perspectives. International scholarship provides the theoretical foundations for understanding communicative competence, socially appropriate language use, linguistic variation, politeness, and intercultural interaction. Uzbek linguistic and methodological studies make it possible to consider these issues in relation to national communicative conventions and the context of foreign language education in Uzbekistan. Combining these two perspectives allows sociolinguistic competence to be considered both as a general theoretical construct and as a practically relevant competence for English language learners in the local educational environment.

Within the study, sociolinguistic competence is approached as a multidimensional ability connecting linguistic knowledge with the social and cultural conditions of communication. Particular attention is directed toward three interrelated aspects: the **content of sociolinguistic competence, its internal structural components, and the conditions that**

support its development. This distinction provides the conceptual foundation for separating what constitutes the competence itself from the factors that influence its formation.

The selected methodological framework therefore enables the study to approach sociolinguistic competence systematically while maintaining a clear connection between linguistic theory and foreign language education. The procedures used for selecting the sources, extracting relevant information, organizing the data, and establishing analytical categories are described separately in the following section.

Data collection and Analysis

The data for the study were derived from fifteen scholarly sources selected through a **criterion-based purposive procedure**. The selection was not intended to constitute an exhaustive systematic review; rather, it aimed to construct a theoretically representative corpus capable of explaining the conceptual content of sociolinguistic competence and the conditions influencing its development in foreign language education. Accordingly, the sources were chosen on the basis of their direct relevance to communicative competence, sociolinguistics, pragmatics, intercultural communication, language variation, speech behaviour, and foreign language teaching methodology.

The corpus included both foundational international studies and works representing the Uzbek linguistic and methodological tradition. International sources were included to establish the theoretical development of sociolinguistic competence and its relationship with communicative appropriateness, register, politeness, social context, and intercultural communication. Uzbek sources were incorporated to contextualize these theoretical positions within national patterns of speech behaviour, sociocultural norms, and foreign language education. This combination made it possible to avoid treating sociolinguistic competence solely as an abstract universal

construct and to consider its relevance to the educational environment of Uzbekistan.

The **unit of analysis** was not the source as a whole, but the conceptual statements within each source that described the nature, structure, functioning, or development of sociolinguistic competence. For each source, attention was directed to several analytical indicators: the definition of competence, the role assigned to social context, the treatment of register and stylistic choice, politeness and speech etiquette, sociocultural knowledge, linguistic variation, contextual interpretation, and pedagogical conditions associated with competence development.

The analysis was conducted in three consecutive stages. At the first stage, conceptually relevant statements were extracted and organized according to their semantic function. At the second stage, recurrent and conceptually overlapping features were compared across the sources and grouped into broader thematic categories. At the third stage, the identified categories were differentiated according to whether they described the **internal structure of sociolinguistic competence** or the **conditions supporting its development**.

Particular attention was paid to maintaining this distinction. Characteristics such as awareness of social context, register choice, politeness, sociocultural knowledge, sensitivity to variation, and contextual adaptation were treated as elements of the competence itself. In contrast, linguistic repertoire, exposure to sociocultural information, instructional design, communicative practice, and learner-related psychological conditions were interpreted as developmental factors.

The final stage involved theoretical synthesis of the resulting categories. Categories were retained only when they were supported by more than one conceptual perspective or demonstrated a clear functional relationship with socially appropriate language use. This procedure provided a consistent

analytical basis for the subsequent interpretation of the structural components of sociolinguistic competence and the factors affecting its development.

Results and Discussion

The analysis of the selected sources demonstrates that sociolinguistic competence should be understood as a multidimensional ability that regulates the relationship between linguistic form and the social conditions of communication. Although different scholars use partially different terminology, their approaches converge on a common principle: successful communication depends not only on grammatical correctness but also on the appropriateness of linguistic choices to the participants, setting, communicative purpose, and sociocultural expectations. This position is consistent with Hymes's understanding of communicative appropriateness and with the subsequent models developed by Canale and Swain and Bachman (Hymes, 1972; Canale & Swain, 1980; Bachman, 1990).

As a result of the conceptual analysis, **six interrelated structural components** of sociolinguistic competence were identified. The first is **social-contextual awareness**, which involves the ability to recognize the social roles and status of interlocutors, interpersonal distance, communicative setting, and level of formality. This component provides the contextual basis for subsequent linguistic decisions. The second component, **register and stylistic appropriateness**, refers to the ability to select linguistic forms that correspond to formal, informal, academic, professional, or everyday communication. The findings support the view that knowledge of linguistic alternatives becomes communicatively meaningful only when learners understand the conditions under which those alternatives are appropriate (Canale, 1983; Council of Europe, 2020).

The third component is **politeness and speech etiquette**, which includes socially regulated ways of performing requests, apologies, refusals, greetings, disagreement,

gratitude, and forms of address. This dimension is particularly sensitive to differences in social distance and status. Brown and Levinson's politeness theory confirms that speakers adjust linguistic strategies in accordance with interpersonal relations and the potential social effect of an utterance (Brown & Levinson, 1987). In the Uzbek communicative context, similar dependence on age, status, respect, and social relationships has been emphasized in studies of national speech behaviour (Iskandarova, 1993; Mo'minov, 2000).

The fourth component is **sociocultural and intercultural knowledge**. The findings indicate that socially appropriate communication requires learners to interpret linguistic behaviour within a cultural framework rather than rely exclusively on literal equivalence. Byram's concept of intercultural communicative competence is relevant in this respect because it stresses the ability to interpret and relate different cultural perspectives (Byram, 1997). For Uzbek learners of English, this implies comparing communicative conventions in both languages and recognizing that equivalent intentions may be expressed through different linguistic and behavioural norms.

The fifth component, **sensitivity to linguistic variation**, reflects awareness that language varies according to region, age, social group, occupation, communicative domain, and degree of formality. Holmes (2013) and Wardhaugh and Fuller (2015) show that such variation carries social meaning and constitutes a normal feature of language use. Therefore, sociolinguistic competence should not be reduced to mastery of a single standardized model of English.

The sixth component is **contextual interpretation and communicative adaptation**. This involves interpreting the social meaning of an utterance and modifying one's linguistic behaviour when the communicative situation changes. This component is closely connected with pragmatic interpretation, since meaning

depends on the relationship between linguistic form, communicative intention, and context (Safarov, 2008).

The analysis also identified **five groups of developmental factors**: linguistic, sociocultural, educational, interactional, and psychological. Linguistic factors concern the availability of lexical and grammatical alternatives that enable learners to vary their speech according to context. Sociocultural factors include knowledge of cultural conventions and social relationships. Educational factors involve teaching materials, task design, teacher guidance, feedback, and assessment. Interactional factors refer to opportunities to participate in authentic or simulated communication, while psychological factors include confidence, willingness to communicate, and readiness to adapt one's speech.

These findings are consistent with the communicative orientation of foreign language methodology developed in Uzbek scholarship, where meaningful speech activity and practical language use are treated as central conditions of language learning (Hoshimov & Yoqubov, 2003; Jalolov, 2012). However, the present analysis extends this perspective by showing that communicative practice should explicitly incorporate social context, register, politeness, cultural comparison, and language variation.

Thus, the results suggest that sociolinguistic competence develops most effectively when learners repeatedly engage in a sequence of **context recognition, social interpretation, linguistic selection, communicative performance, feedback, and reflection**. Such an approach transforms sociolinguistic knowledge from passive awareness into practical communicative ability and provides a stronger basis for socially appropriate English language use in the Uzbek educational context.

Conclusion

Sociolinguistic competence constitutes an essential dimension of communicative

competence because it enables language users to connect linguistic knowledge with the social and cultural conditions of communication. The present study has shown that effective foreign language use depends not only on grammatical accuracy and lexical range but also on the ability to select linguistic forms that correspond to the status of interlocutors, social distance, communicative purpose, degree of formality, and culturally established norms.

The analysis made it possible to systematize sociolinguistic competence into six interrelated structural components: **social-contextual awareness, register and stylistic appropriateness, politeness and speech etiquette, sociocultural and intercultural knowledge, sensitivity to linguistic variation, and contextual interpretation with communicative adaptation**. These components should be regarded as mutually dependent elements of a single competence rather than as isolated abilities.

The study also identified five major groups of factors influencing the development of sociolinguistic competence: **linguistic, sociocultural, educational, interactional, and psychological factors**. Their interrelationship demonstrates that sociolinguistic competence cannot be developed effectively through the teaching of grammar and vocabulary alone. Learners require varied language input, awareness of sociocultural conventions, opportunities for meaningful interaction, appropriate pedagogical support, and sufficient confidence to adapt their language behaviour to changing communicative conditions.

For English language education in Uzbekistan, the findings are particularly relevant because learners interpret target-language communication through communicative norms already established in their native sociocultural environment. Therefore, the development of sociolinguistic competence should include comparison of Uzbek and English communicative conventions, attention to register and

politeness, contextualized communicative tasks, and reflection on socially appropriate language use.

Overall, the study confirms that sociolinguistic competence should be treated as a systematic and teachable component of

foreign language proficiency. Its purposeful development can contribute to preparing learners who are able not only to produce correct English but also to communicate appropriately, flexibly, and effectively across different social and cultural contexts.

References:

1. Bachman, L. F. (1990). *Fundamental considerations in language testing*. Oxford University Press.
2. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
3. Byram, M. (1997). *Teaching and assessing intercultural communicative competence*. Multilingual Matters.
4. Canale, M. (1983). From communicative competence to communicative language pedagogy. In J. C. Richards & R. W. Schmidt (Eds.), *Language and communication*. 2–27. Longman.
5. Canale, M., & Swain, M. (1980). Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing. *Applied Linguistics*, 1(1), 1–47. <https://doi.org/10.1093/applin/I.1.1>
6. Celce-Murcia, M., Dörnyei, Z., & Thurrell, S. (1995). Communicative competence: A pedagogically motivated model with content specifications. *Issues in Applied Linguistics*, 6(2), 5–35. <https://doi.org/10.5070/L462005216>
7. Council of Europe. (2020). *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment—Companion volume*. Council of Europe Publishing.
8. Holmes, J. (2013). *An introduction to sociolinguistics* (4th ed.). Routledge.
9. Hoshimov, O'. H., & Yoqubov, I. (2003). *Ingliz tili o'qitish metodikasi*. Sharq.
10. Hymes, D. H. (1972). On communicative competence. In J. B. Pride & J. Holmes (Eds.), *Sociolinguistics: Selected readings* (pp. 269–293). Penguin.
11. Iskandarova, Sh. M. (1993). *O'zbek nutq odatining muloqot shakllari* [Candidate of Philological Sciences dissertation abstract].
12. Jalolov, J. J. (2012). *Chet til o'qitish metodikasi* (2nd ed.). O'qituvchi.
13. Mo'minov, S. M. (2000). *O'zbek muloqot xulqining ijtimoiy-lisoniy xususiyatlari* [Doctor of Philological Sciences dissertation abstract]. O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi Til va adabiyot instituti.
14. Safarov, Sh. S. (2008). *Pragmalingvistika*. O'zbekiston Milliy ensiklopediyasi.
15. Wardhaugh, R., & Fuller, J. M. (2015). *An introduction to sociolinguistics* (7th ed.). Wiley Blackwell.

Source and target domains of conceptual metaphor in English and Uzbek phraseology: a comparative cognitive analysis

Gulnora Muradullayevna Normuradova

guli87nora@gmail.com

Independent Researcher,
National University of Uzbekistan named after
Mirzo Ulugbek

Annotation *The article presents a comparative cognitive analysis of source and target domains of conceptual metaphor in English and Uzbek phraseology. Its aim is to identify typical patterns of conceptual projection in phraseological units and to distinguish conceptual correspondence from phraseological equivalence. The material consists of metaphorical idioms from both languages, examined through comparative cognitive, semantic, and conceptual analysis. HUMAN BODY, SPACE AND DIRECTION, and MOVEMENT AND PATH are treated as major source domains grounded in everyday experience. Pairs such as lose one's head – boshini yo'qotmoq, hang one's head – bosh egmoq, and pave the way – yo'l ochmoq illustrate three types of relations: the same source and the same target domain; one source with different target domains; and different source images expressing a comparable target meaning. The findings show that cross-linguistic similarity often appears at the level of conceptual structure rather than formal equivalence. This approach helps describe universal and culture-specific features of phraseological conceptualization more precisely.*

Keywords *Conceptual metaphor, source domain, target domain, conceptual projection, phraseological unit, comparative cognitive analysis*

Ingliz va o'zbek tillari frazeologiyasida konseptual metaforaning manba va maqsad domenlari: qiyosiy-kognitiv tahlil

Normuradova Gulnora Muradullayevna

guli87nora@gmail.com

Mustaqil tadqiqotchi,
Mirzo Ulug'bek nomidagi O'zbekiston Milliy
universiteti

Annotatsiya *Maqolada ingliz va o'zbek tillari frazeologiyasida konseptual metaforaning manba va maqsad domenlari o'rtasidagi munosabat qiyosiy-kognitiv yondashuv asosida tahlil qilinadi. Tadqiqotning asosiy maqsadi frazeologik birliklarda konseptual proyeksiyaning tipik ko'rinishlarini aniqlash hamda konseptual va frazeologik muvofiqlik o'rtasidagi farqni ko'rsatishdan iborat. Material sifatida ingliz va o'zbek tillaridagi metaforik frazeologizmlar tanlandi; tahlilda qiyosiy-kognitiv, semantik va konseptual usullardan foydalanildi. INSON TANASI, MAKON VA YO'NALISH hamda HARAkat VA YO'L tajribaga yaqin asosiy manba domenlari sifatida ko'rib chiqildi. Lose one's head – boshini yo'qotmoq, hang one's head – bosh egmoq, pave the way – yo'l ochmoq kabi juftliklar asosida uch munosabat turi tavsiflandi: bir xil manba domeni va bir xil maqsad domeni; bir xil manba domeni va turli maqsadlar; turli manba obrazlari va yaqin maqsad mazmuni. Natijalar ikki tildagi o'xshashlik ko'pincha shakliy ekvivalentlikda emas, balki konseptual tuzilish darajasida namoyon bo'lishini ko'rsatadi. Bu yondashuv frazeologik birliklarning universal va*

milliy-madaniy xususiyatlarini aniqroq tavsiflashga xizmat qiladi. Shuningdek, tillararo qiyoslash mezonlarini yanada aniqlashtirishga imkon beradi.

Kalit so'zlar *Konseptual metafora, manba domeni, maqsad domeni, konseptual proyeksiya, frazeologik birlik, qiyosiy-kognitiv tahlil*

Исходные и целевые домены концептуальной метафоры в английской и узбекской фразеологии: сравнительно-когнитивный анализ

Нормурадова Гульнора Мурадуллаевна

guli87nora@gmail.com

*Независимый исследователь,
Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека*

Аннотация *В статье представлен сравнительно-когнитивный анализ исходных и целевых доменов концептуальной метафоры в английской и узбекской фразеологии. Цель исследования заключается в выявлении типичных моделей концептуальной проекции во фразеологических единицах и разграничении концептуального соответствия и фразеологической эквивалентности. Материал составили метафорические фразеологизмы двух языков, рассмотренные с применением сравнительно-когнитивного, семантического и концептуального методов. В качестве основных исходных доменов анализируются ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА, ПРОСТРАНСТВО И НАПРАВЛЕНИЕ, ДВИЖЕНИЕ И ПУТЬ, связанные с повседневным опытом человека. Пары lose one's head – boshini yo'qotmoq, hang one's head – bosh egmoq и pave the way – yo'l ochmoq демонстрируют три типа отношений: одинаковый исходный и одинаковый целевой домен; один исходный домен и разные целевые домены; разные исходные образы при близком целевом значении. Результаты показывают, что межъязыковое сходство нередко проявляется на уровне концептуальной структуры, а не формальной эквивалентности. Такой подход позволяет точнее описывать универсальные и культурно-специфические особенности фразеологической концептуализации. Он также позволяет уточнить критерии сопоставления образной основы и смысловой направленности фразеологизмов в двух языках.*

Ключевые слова *Концептуальная метафора, исходный домен, целевой домен, концептуальная проекция, фразеологическая единица, сравнительно-когнитивный анализ*

Kirish

Metafora tilshunoslikda dastlab ko'proq ma'no ko'chishi va badiiy tasvir vositasi sifatida talqin qilingan bo'lsa, XX asrga kelib uning tafakkur bilan bog'liq tomonlari tobora faol o'rganila boshladi. I.A. Richards metaforik

ma'noni ikki mazmuniy unsur o'rtasidagi munosabat bilan izohladi (Richards, 1936); M. Black esa metaforada ikki tushuncha tizimining o'zaro ta'sirini muhim deb bildi (Black, 1962). M. Reddyning kundalik muloqotdagi tizimli metaforik ifodalarga oid kuzatuvlari (Reddy,

1993) ham metaforani faqat uslubiy hodisa sifatida tushuntirish yetarli emasligini ko'rsatdi.

G. Lakoff va M. Johnson metaforani bir tushuncha sohasini boshqa tushuncha sohasi orqali anglashga xizmat qiluvchi konseptual mexanizm sifatida izohladilar (Lakoff & Johnson, 1980). Keyingi tadqiqotlarda M. Johnson obraz-sxemalarning tajribaviy asosini (Johnson, 1987), R. Gibbs obrazli tafakkur va turg'un birliklarning konseptual motivatsiyasini (Gibbs, 1994), Z. Kövecses esa metaforalarning manba va maqsad domenlari hamda tillararo o'zgaruvchanligini yoritdi (Kövecses, 2005, 2020). Shunday qilib, konseptual metafora nazariyasi G. Lakoff va M. Johnson ishlari bilan bog'liq bo'lsa-da, uning nazariy va amaliy doirasi boshqa olimlar tadqiqotlari bilan ham sezilarli darajada rivojlangan.

Frazeologik birliklar mazkur masalani o'rganish uchun qulay materialdir. Ularning ko'chma ma'nosi ko'pincha insonning tana, makon, harakat kabi bevosita tajribalariga tayanadi. Shu sababli ingliz va o'zbek tillaridagi frazeologizmlarni faqat tarjimaviy muvofiqlik asosida qiyoslash yetarli emas; frazeologik obraz qaysi manba domeniga tegishli ekani va u qaysi maqsad domenini anglashga xizmat qilishi ham aniqlanishi zarur.

Maqolaning maqsadi ingliz va o'zbek tillari frazeologiyasida manba va maqsad domenlari o'rtasidagi konseptual proyeksiyaning ayrim tipik ko'rinishlarini qiyosiy-kognitiv jihatdan tavsiflashdir. Tadqiqotning yangiligi frazeologik birliklarni uch munosabat asosida qiyoslashda ko'rinadi: bir xil manba domeni – bir xil maqsad domeni, bir xil manba domeni – turli maqsad domenlari va turli manba obrazlari – bir xil maqsad domeni. Bunday yondashuv konseptual muvofiqlik bilan frazeologik muvofiqlik o'rtasidagi farqni aniqroq ko'rsatishga imkon beradi.

Manba va maqsad domenlari: Nazariy asos

Konseptual metaforada *manba domeni* metaforik anglash uchun asos bo'luvchi tushuncha sohasi, *maqsad domeni* esa shu asos

orqali anglanadigan tushuncha sohasi sifatida qaraladi. Manba domeni odatda insonning bevosita jismoniy yoki kundalik tajribasiga yaqin bo'ladi. Masalan, yo'l bo'ylab harakatlanish tajribasi faoliyat, imkoniyat yoki maqsadga erishish kabi mavhum mazmunlarni anglash uchun asos bo'lishi mumkin.

Manba domenidan maqsad domeniga o'tish ushbu maqolada *konseptual proyeksiya* termini bilan ifodalanadi. Proyeksiya manba domenining barcha belgilarini maqsad domeniga ko'chirishni anglatmaydi. Muayyan vaziyatda manbaning faqat tegishli xususiyatlari faollashadi. Masalan, YO'L domenida yo'nalish, to'siq va ochqlik kabi belgilar tegishli ravishda xulqiy yo'nalish, qiyinchilik va imkoniyat tushunchalarini ifodalashi mumkin.

M. Johnsonning obraz-sxema haqidagi qarashlari bunday proyeksiyalarning tajribaviy asosini tushuntirishga yordam beradi. Tana holati, yuqori-past yo'nalishi va yo'l bo'ylab harakatlanish kabi takrorlanuvchi tajribalar mavhum tushunchalarning ifodalanishida tayanch bo'lishi mumkin (Johnson, 1987). R. Gibbs frazeologik ma'noning ichki obraz va konseptual motivatsiya bilan bog'liqligiga e'tibor qaratadi (Gibbs, 1994). Z. Kövecses esa bir xil umumiy konseptual tuzilma turli tillarda turlicha lisoniy ifodalanishi mumkinligini ko'rsatadi (Kövecses, 2005, 2020).

Shu asosda tahlilda quyidagi ketma-ketlik qo'llanadi: MANBA DOMENI → KONSEPTUAL PROYEKSIYA → MAQSAD DOMENI → FRAZELOGIK IFODA. Mazkur sxema frazeologizmlarni alohida ko'chma ma'noli birliklar sifatida emas, ularning ortidagi konseptual munosabat bilan birga tavsiflash imkonini beradi.

Tadqiqot materiallari va Metodlari

Tadqiqot materiallari ingliz va o'zbek tillaridagi metaforik frazeologik birliklardan tanlab olindi. O'zbek tilidagi birliklarni aniqlashda Sh. Rahmatullaevning *O'zbek tilining frazeologik lug'ati* (Rahmatullaev, 1992) hamda *O'zbek tili frazeologik lug'atining 2022-yilgi nashridan* (Rahmatullayev et al., 2022),

ingliz tilidagi birliklarni tanlashda J. Aytoning *Oxford Dictionary of Idioms* (Ayto, 2020) va A.P. Cowie, R. Mackin va I.R. McCaig muallifligidagi *Oxford Dictionary of Current Idiomatic English* (Cowie et al., 1983) asarlaridan foydalanildi. Maqolada son jihatdan to'liq frazeologik korpus tuzish maqsad qilinmaydi; tahlil manba va maqsad domenlari o'rtasidagi munosabatni aniq ko'rsatadigan birliklar bilan cheklanadi.

Tadqiqotda qiyosiy-kognitiv, semantik va konseptual tahlil usullari qo'llanildi. Dastlab frazeologik birlikning turg'un ko'chma ma'nosi aniqlanadi, so'ng uning obrazli asosini tashkil etuvchi manba domeni va shu obraz orqali anglanadigan maqsad domeni belgilanadi. Keyin ingliz va o'zbek birliklaridagi proyeksiya yo'nalishi qiyoslanadi. Shakliy o'xshashlik asosiy mezon sifatida olinmaydi; asosiy e'tibor konseptual tuzilishga qaratiladi.

Ingliz va o'zbek frazeologiyasida konseptual proyeksiya

• INSON TANASI manba domeni

Somatik frazeologizmlarda tana a'zosi anatomik ma'nosidan tashqari aqliy, hissiy yoki ijtimoiy mazmunni anglash uchun manba bo'lib xizmat qiladi. Masalan, *lose one's head* (Cowie et al., 1983) va *boshini yo'qotmoq* (Rahmatullaev, 1992) birliklarida BOSH aqliy-hissiy nazorat bilan bog'lanadi: BOSH – AQLIY, HISSIY NAZORAT. Har ikki tilda boshning "yo'qolishi" jismoniy holatni emas, vaziyat ustidan nazoratning susayishini anglatadi. Bu juftlikda konseptual va frazeologik muvofiqlik bir-biriga yaqin.

Yurak komponentli birliklar esa bir xil maqsad domenining turli obrazlar orqali ifodalanishini ko'rsatadi. Ingliz tilidagi *break one's heart* va o'zbek tilidagi *yuragi ezilmoq* birliklari kuchli ruhiy iztirobni anglatadi. Biroq birinchisida "sinish", ikkinchisida "ezilish" obrazi faol. Demak, YURAK – SALBIY HISSIY HOLAT proyeksiyasi umumiy bo'lsa-da, uning frazeologik ifodasi aynan emas.

Tana domeni fazoviy belgi bilan birikishi ham mumkin. *Hang one's head* (Ayto, 2020) va *bosh egmoq* (Rahmatullaev, 1992) birliklarida boshning pastga yo'nalishi uyat, itoat yoki

salbiy ruhiy holat bilan bog'lanadi. Bunday birliklarda somatik va fazoviy tajriba bir-birini to'ldiradi.

• MAKON VA YO'NALISH manba domeni

Yuqori-past hamda yaqin-uzoq kabi fazoviy munosabatlar mavhum baho va munosabatlarni ifodalashda faol qo'llanadi. Jismoniy yo'nalishning o'zi maqsad domeni emas; u hissiy yoki ijtimoiy holatni anglash uchun tayanch vazifasini bajaradi. Masalan, boshning pastga yo'nalishi salbiy baho yoki itoat bilan bog'lanishi mumkin. Shu tarzda PASTGA YO'NALISH – SALBIY HISSIY, IJTIMOY HOLAT proyeksiyasi yuzaga keladi.

YAQIN-UZOQ qarama-qarshiligida ham fazoviy masofa ijtimoiy yoki hissiy munosabatni anglashga xizmat qiladi: JISMONIY YAQINLIK — HISSIY, IJTIMOY YAQINLIK. Bu munosabat turli frazeologik va paremiologik birliklarda uchrashi mumkin, biroq maqolada fazoviy domenning umumiy konseptual vazifasini ko'rsatish bilan cheklaniladi.

• HARAKAT VA YO'L manba domeni

YO'L va HARAKAT domenlari faoliyat, imkoniyat, to'siq va xulqiy yo'nalishni anglashda samarali manba hisoblanadi. Ingliz tilidagi *pave the way* (Cowie et al., 1983) va o'zbek tilidagi *yo'l ochmoq* birliklarida jismoniy yo'lni ochish yoki tayyorlash obrazi imkoniyat yaratishga proyeksiya qilinadi: YO'LNI OCHISH, TAYYORLASH – IMKONIYAT YARATISH. Umumiy maqsad bir xil bo'lsa-da, inglizcha birlik "tayyorlash", o'zbekcha birlik esa "ochish" obrazini faollashtiradi.

Stand in someone's way (Cowie et al., 1983) va *yo'lini to'smoq* birliklarida esa yo'ldagi jismoniy to'siq faoliyatga xalaqit berish mazmunini ifodalaydi: YO'LDAGI TO'SIQ – FAOLIYATGA TO'SQINLIK. Bu juftlikda konseptual proyeksiya va frazeologik obraz bir-biriga ancha yaqin.

Go astray va *yo'ldan ozmoq* (Rahmatullayev et al., 2022) kabi birliklarda esa yo'nalishni yo'qotish xulqiy me'yordan chekinish bilan bog'lanadi. Bu holatda

YO'NALISHDAN CHETLASHISH – XULQIY ME'YORDAN CHETLASHISH proyeksiyasi kuzatiladi. Shunday qilib, birgina YO'L manba domeni imkoniyat, to'siq va xulqiy yo'nalish kabi turli maqsad domenlariga xizmat qilishi mumkin.

Manba va maqsad domenlarining qiyosiy munosabati

Tahlil materialida uch turdagi munosabat yaqqol ko'rinadi. Birinchi holatda bir xil manba domeni bir xil maqsad domeniga proyeksiya qilinadi: *lose one's head – boshini yo'qotmoq* yoki *stand in someone's way – yo'lini to'smoq* shunday juftliklardir. Ikkinchi holatda bir manba

domeni bir necha maqsadga xizmat qiladi. Masalan, BOSH domeni aqliy nazorat bilan, YO'L domeni esa imkoniyat, to'siq va xulqiy yo'nalish bilan bog'lanadi.

Uchinchi holatda esa maqsad domeni yaqin bo'lsa-da, manba obrazining ayrim xususiyatlari farq qiladi. *Break one's heart – yuragi ezilmoq* juftligida maqsad – ruhiy iztirob, ammo obrazning fizik modeli "sinish" va "ezilish" ko'rinishida farqlanadi. Shu sababli *konseptual muvofiqlik* va *frazologik muvofiqlik*ni bir tushuncha deb bo'lmaydi. Birliklar konseptual jihatdan yaqin bo'lib, shakl va obraz jihatidan farqlanishi mumkin.

Manba domeni	Maqsad domenlari	Misol
INSON TANASI	Aqliy, hissiy nazorat; hissiy holat	<i>lose one's head – boshini yo'qotmoq</i>
MAKON VA YO'NALISH	Hissiy va ijtimoiy baho	<i>hang one's head – bosh egmoq</i>
HARAKAT VA YO'L	Imkoniyat; to'siq; xulqiy yo'nalish	<i>pave the way – yo'l ochmoq</i>

1-jadval.

Jadval manba domenlarining bir-biridan ajratilgan qat'iy ro'yxat emasligini, balki tanlangan frazeologik birliklarda kuzatilgan asosiy proyeksiya yo'nalishlarini ko'rsatadi. Bir manba domeni bir necha maqsadga xizmat qilishi mumkin; ayni paytda maqsad mazmuni turli obrazlar orqali ifodalanishi ham mumkin.

Xulosa

Qiyosiy tahlil ingliz va o'zbek frazeologiyasida metaforik ma'no ko'pincha bevosita tajribaga yaqin manba domenlari asosida shakllanishini ko'rsatdi. Maqolada INSON TANASI, MAKON VA YO'NALISH hamda HARAKAT VA YO'L domenlari misolida manba-maqsad munosabatining turli ko'rinishlari tavsiflandi.

Birinchiidan, ayrim birliklarda ikki tilda manba va maqsad domenlari deyarli parallel:

lose one's head – boshini yo'qotmoq, stand in someone's way – yo'lini to'smoq. Ikkinchidan, bir manba domeni turli maqsad tushunchalarni ifodalashi mumkin. Uchinchiidan, bir xil yoki yaqin maqsad mazmuni turli obrazlar orqali ifodalanadi; *break one's heart – yuragi ezilmoq* bunga misoldir.

Shu bois qiyosiy frazeologik tahlilda faqat tarjimaviy ekvivalentni aniqlash yetarli emas. Frazeologik birlikning qaysi manba domeniga tayanishi, qaysi maqsad domeniga proyeksiya qilinishi va bu proyeksiya ikki tilda qanday lisoniy ifodalanishi ham hisobga olinishi lozim. Mazkur yondashuv konseptual muvofiqlik bilan frazeologik muvofiqlikni farqlashga hamda ingliz va o'zbek frazeologiyasidagi umumiy va o'ziga xos xususiyatlarni aniqroq tavsiflashga imkon beradi.

References:

1. Ayto, J. (2020). *Oxford dictionary of idioms* (4th ed.). Oxford University Press.

2. Black, M. (1962). *Models and metaphors: Studies in language and philosophy*. Cornell University Press.
3. Cowie, A. P., Mackin, R., & McCaig, I. R. (1983). *Oxford dictionary of current idiomatic English: Vol. 2. Phrase, clause and sentence idioms*. Oxford University Press.
4. Gibbs, R. W. (1994). *The poetics of mind: Figurative thought, language, and understanding*. Cambridge University Press.
5. Johnson, M. (1987). *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. University of Chicago Press.
6. Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in culture: Universality and variation*. Cambridge University Press.
7. Kövecses, Z. (2020). *Extended conceptual metaphor theory*. Cambridge University Press.
8. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press.
9. Rahmatullaev, Sh. (1992). *O'zbek tilining frazeologik lug'ati*. Qomuslar Bosh tahririyati.
10. Rahmatullayev, Sh., Mahmudov, N., Xolmanova, Z., O'razova, I., & Rixsiyeva, K. (2022). *O'zbek tili frazeologik lug'ati*. G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi.
11. Reddy, M. J. (1993). The conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language. In A. Ortony (Ed.), *Metaphor and thought*. 2nd ed. 164–201. Cambridge University Press.
12. Richards, I. A. (1936). *The philosophy of rhetoric*. Oxford University Press.

Dynamics of speech etiquette in Russian and Uzbek linguocultures: a comparative analysis of literary discourse

Tillyaeva Malika Yuldashevna

malika.turayeva@mail.ru

Assistant,

Samarkand State University named after Sharof Rashidov

- Annotation** *The article examines the dynamics of speech etiquette models in Russian and Uzbek literary discourse across different time periods. The material includes works by A.S. Pushkin, M.A. Bulgakov, Yu. Serebryansky, Abdulla Qodiriy, O'tkir Hoshimov, and Jasur Kengboyev. The comparative analysis focuses on four functional areas of speech etiquette: greeting, address, gratitude, and farewell. The study shows that changes in etiquette models are uneven and cannot be reduced to the successive replacement of older formulas by newer ones. Gratitude demonstrates lexical continuity, whereas greeting and farewell are characterized mainly by functional-register and pragmatic variation. The most significant differences are revealed in forms of address. Russian texts demonstrate different ways of marking interpersonal distance across the selected periods, while Uzbek material shows greater continuity of relational forms based on age, kinship, and social role. The analysis distinguishes three mechanisms of speech etiquette dynamics: lexical continuity, functional-register variation, and structural-relational restructuring, reflecting different levels of transformation while preserving the basic communicative functions of speech etiquette.*
- Keywords** *Speech etiquette, Russian linguoculture, Uzbek linguoculture, speech etiquette model, forms of address, pragmatic variation, literary discourse*

Rus va o'zbek lingvomadaniyatlarida nutq etiketi dinamikasi: badiiy diskursning qiyosiy tahlili

Malika Yuldashevna Tillyayeva

malika.turayeva@mail.ru

Assistent,

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti

- Annotatsiya** *Maqolada turli davriy kesimlardagi rus va o'zbek badiiy diskursida nutq etiketi modellarining dinamikasi tadqiq etiladi. Tadqiqot materiali A.S. Pushkin, M.A. Bulgakov, Yu. Serebryanskiy, Abdulla Qodiriy, O'tkir Hoshimov va Jasur Kengboyev asarlaridan tashkil topgan. Qiyosiy tahlil nutq etiketining to'rtta funksional sohasini: salomlashish, murojaat, minnatdorchilik va xayrlashishni qamrab oladi. Natijalar etiket modellarining dinamikasi bir xil kechmasligini va eski formulalarning yangilari bilan izchil almashishiga olib kelmasligini ko'rsatdi. Minnatdorchilik sohasida leksik davomiylik, salomlashish va xayrlashishda esa funksional-registr hamda pragmatik variativlik yaqqol namoyon bo'ladi. Eng muhim farqlar murojaat tizimida aniqlanadi. Rus materialida shaxslararo masofani belgilashning turli usullari kuzatilsa, o'zbek materialida yosh, qarindoshlik va ijtimoiy rolga asoslangan relyatsion shakllar izchilroq saqlanadi. Tahlil asosida nutq etiketi modellari dinamikasining uch mexanizmi: leksik davomiylik, funksional-registr variativligi va strukturaviy-relyatsion qayta qurilish ajratildi. Ushbu mexanizmlar nutq etiketining*

asosiy kommunikativ funksiyalari saqlangan holda uning turli darajalardagi o'zgarishlarini aks ettiradi.

Kalit so'zlar *Nutq etiketi, rus lingvomadaniyati, o'zbek lingvomadaniyati, nutq etiketi modeli, murojaat, pragmatik variativlik, badiiy diskurs*

Динамика речевого этикета в русской и узбекской лингвокультурах: сопоставительный анализ художественного дискурса

Тилляева Малика Юлдашевна

malika.turayeva@mail.ru

Ассистент,

Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова

Аннотация *В статье рассматривается динамика речэтикетных моделей в русском и узбекском художественном дискурсе разных временных срезов. Материал исследования составили произведения А.С. Пушкина, М.А. Булгакова, Ю. Серебрянского, Абдулла Кадыри, Уткира Хашимова и Жасура Кенгбоева. Сопоставительный анализ охватывает четыре функциональные области речевого этикета: приветствие, обращение, благодарность и прощание. Установлено, что динамика этикетных моделей имеет неоднородный характер и не сводится к последовательной замене одних формул другими. В сфере благодарности наиболее отчетливо проявляется лексическая преемственность, тогда как приветствие и прощание характеризуются преимущественно функционально-регистровой и прагматической вариативностью. Наиболее существенные различия выявлены в системе обращений. Русский материал демонстрирует различные способы маркирования межличностной дистанции в рассматриваемых временных срезах, а в узбекском ряду более последовательно сохраняются реляционные формы, основанные на возрастных, родственных и социально-ролевых отношениях. На основе анализа выделены три механизма динамики речэтикетных моделей: лексическая преемственность, функционально-регистровая вариативность и структурно-реляционная перестройка, отражающие различные уровни трансформации при сохранении базовых коммуникативных функций речевого этикета.*

Ключевые слова *Речевой этикет, русская лингвокультура, узбекская лингвокультура, речэтикетная модель, обращение, прагматическая вариативность, художественный дискурс*

Введение

Речевой этикет представляет собой функционально и культурно организованную систему устойчивых речевых формул, регулирующих типовые

ситуации межличностного взаимодействия. Его единицы обеспечивают установление, поддержание и завершение коммуникативного контакта, участвуют в выражении социальных отношений между

собеседниками и отражают принятые в определенной лингвокультуре нормы речевого поведения (Formanovskaya, 1987, 1989).

Функционирование речевых этикетных средств определяется не только их лексическим значением, но и параметрами коммуникативной ситуации: социальными характеристиками участников общения, характером отношений между ними, степенью дистанции и конкретной прагматической задачей высказывания. Такой подход соотносится с функциональным пониманием русского речевого этикета (Balakai, 2001; Formanovskaya, 1987) и с прагмалингвистическим направлением узбекского языкознания, в рамках которого речевое взаимодействие рассматривается с учетом коммуникативной ситуации, интенций участников и социально-прагматических факторов (Nakimov, 2013; Safarov, 2008).

Национально-культурная специфика речевого этикета проявляется как в составе используемых единиц, так и в принципах их выбора и функционирования. Одно и то же коммуникативное намерение может реализовываться различными средствами в зависимости от характера отношений между адресантом и адресатом, принятой модели социальной дистанции и культурно обусловленных способов ее языкового выражения. Особое значение в этом отношении приобретают обращения, поскольку выбор адресативной формы непосредственно связан с тем, каким образом говорящий определяет позицию собеседника в конкретной ситуации взаимодействия.

Речевой этикет вместе с тем не является неизменной системой. Одни его единицы сохраняют устойчивость на протяжении длительного времени, другие демонстрируют регистровую и контекстуальную вариативность, а способы выражения отношений между участниками

общения могут получать различное языковое оформление. Исследование динамики речевого этикета предполагает рассмотрение не только появления или исчезновения отдельных формул, но и изменений в условиях их функционирования, структуре этикетной реплики и способах маркирования межличностных отношений.

Сопоставление русского и узбекского материала представляет особый интерес, поскольку при наличии общих функциональных областей – приветствия, обращения, благодарности и прощания – их речевая реализация обнаруживает различия. Обращение к художественным текстам разных периодов позволяет рассмотреть эти процессы в конкретных коммуникативных контекстах и установить, какие элементы речевых этикетных моделей сохраняют устойчивость, а какие проявляют вариативность в пределах анализируемого корпуса.

Цель исследования – выявить характер динамики речевых этикетных моделей в русском и узбекском художественном дискурсе на материале произведений разных временных срезов. Для достижения поставленной цели рассматриваются четыре функциональные области речевого этикета – приветствие, обращение, благодарность и прощание; устанавливаются устойчивые и вариативные средства их выражения; сопоставляются особенности функционирования соответствующих единиц в русском и узбекском материале.

Научная новизна исследования заключается в разграничении трех механизмов динамики речевых этикетных моделей. Лексическая преобладательность предполагает сохранение базовой этикетной единицы при относительной устойчивости ее основной функции; функционально-регистровая вариативность проявляется в сосуществовании различных способов реализации одной коммуникативной функции; структурно-

реляционная перестройка связана с изменением способов языкового маркирования отношений между адресантом и адресатом. Такое разграничение позволяет рассматривать динамику речевого этикета не как линейную замену одних формул другими, а как совокупность процессов, затрагивающих разные уровни организации речевого взаимодействия.

Материалы и Методы

Материал исследования составили шесть художественных произведений, представляющих три временных среза в русском и узбекском языковых рядах. Русский материал представлен повестью А.С. Пушкина «Капитанская дочка», романом М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и повестью Ю. Серебрянского «Бася»; узбекский – романами А. Кадыри *O'tkan kunlar*, У. Хашимова *Ikki eshik orasi* и повестью Ж. Кенгбоева *Sinov*.

Отбор произведений осуществлялся с учетом временной соотнесенности и представленности в них диалогических ситуаций, содержащих единицы речевого этикета. Анализ охватывал четыре функциональные области: приветствие, обращение, благодарность и прощание. Единицей анализа выступала речезыкетная формула в непосредственном коммуникативном контексте, что позволяло учитывать не только ее лексический состав, но и характер отношений между участниками взаимодействия, степень социальной дистанции и прагматическую функцию высказывания.

В работе использовались методы сплошной выборки речезыкетных единиц из отобранных произведений, контекстуального и прагматического анализа, а также сопоставительный метод. Полученные примеры группировались по функциональной принадлежности и временным срезам, после чего устанавливались устойчивые и вариативные

характеристики их реализации в русском и узбекском материале.

Для интерпретации выявленных изменений использовалось разграничение трех механизмов динамики речезыкетных моделей: лексической преемственности, функционально-регистровой вариативности и структурно-реляционной перестройки. Первое понятие применяется к случаям сохранения базовой этикетной единицы при вариативности ее контекстуального оформления; второе – к сосуществованию различных способов реализации одной коммуникативной функции; третье – к изменениям в способах маркирования отношений между адресантом и адресатом.

Результаты

1. Приветствие

Сопоставление материала разных временных срезов показывает, что динамика приветствия связана преимущественно не с заменой базовых этикетных формул, а с особенностями их функционирования и контекстуального оформления. В обоих языковых рядах сохраняются устойчивые средства установления контакта, тогда как различия проявляются в регистровой принадлежности формул, их сочетании с обращениями и включении в более развернутые этикетные комплексы.

В «Капитанской дочке» А.С. Пушкина представлены формы приветствия, непосредственно связанные с характером отношений между участниками общения. Реплика «Здравствуйте, Петр Андреич!» сочетает собственно приветствие с обращением по имени и отчеству, тогда как форма «Здравствуй, Максимыч» реализует ту же контактоустанавливающую функцию при иной степени коммуникативной дистанции (Pushkin, 1984). Различие форм *здравствуйте* / *здравствуй* в данном случае соотносится с характером адресации и показывает зависимость этикетного

выбора от отношений между собеседниками.

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» функция установления контакта также реализуется посредством традиционной формулы, однако ее прагматическое оформление может приобретать выраженную экспрессивность. В реплике «Добрый день, симпатичнейший Степан Богданович!» приветствие объединяется с обращением по имени и отчеству и оценочной характеристикой адресата (Bulgakov, 1988). За счет этого стандартная этикетная ситуация получает дополнительную прагматическую нагрузку, определяемую конкретным контекстом общения.

Современный русский материал расширяет наблюдаемую регистровую вариативность. В повести Ю. Серебрянского «Бася» нейтральное «Здравствуйте» сосуществует с формулами «Салам алейкум!» – «Уaleyкум ассалам». В другом эпизоде непосредственное установление контакта реализуется посредством персонализированной реплики «Манана, как дела? Заходи» (Serebryansky, 2023). Сосуществование этих вариантов в пределах одного произведения особенно показательно: выбор средства установления контакта определяется коммуникативной ситуацией и характером отношений между участниками общения, а не принадлежностью текста к одному фиксированному этикетному регистру.

В узбекском материале приветствие характеризуется устойчивостью формулы *Assalomu alaykum*, однако ее функционирование тесно связано с реляционной организацией общения. В романе А. Кадыри «O'tkan kunlar» приветствие включается в традиционно организованные ситуации взаимодействия и может сопровождаться обращением, благопожеланием или другими компонентами этикетного комплекса (Qodiriy, 2004). Поэтому значение имеет не

только сама формула, но и ее место в более широкой структуре речевого поведения.

В романе У. Хашимова «*Ikki eshik orasi*» традиционная формула приветствия также сохраняет контактоустанавливающую функцию, выступая самостоятельно либо в составе развернутой реплики (Hoshimov, 2012). Сочетание приветствия с другими этикетными компонентами показывает устойчивость базового средства при вариативности его речевого окружения.

Современный узбекский материал, представленный повестью Ж. Кенгбоева «*Sinov*», продолжает данный ряд: традиционная модель приветствия сохраняется, однако ее конкретная реализация определяется ситуацией общения и отношениями между персонажами (Kengboyev, 2023). В связи с ограниченным объемом исследуемого корпуса этот факт рассматривается как характеристика анализируемого материала, а не как свидетельство неизменности узбекской системы приветствий в целом.

Сопоставление двух языковых рядов позволяет выявить общий принцип: базовые средства установления контакта демонстрируют значительную устойчивость, тогда как вариативность проявляется в их регистровом оформлении, сочетании с обращением и другими элементами реплики, а также в зависимости выбора формулы от коммуникативной ситуации. В русском материале эта особенность особенно отчетливо представлена сосуществованием нейтральных, неформальных и ситуативно маркированных вариантов; в узбекских текстах существенное значение приобретает включенность приветствия в реляционно организованное взаимодействие.

Применительно к данной функциональной области целесообразно говорить о функционально-регистровой вариативности при сохранении базовых этикетных средств. Динамика приветствия обнаруживается прежде всего в способах

функционирования формулы и ее прагматическом окружении, а не в линейной замене одной единицы другой.

2. Обращение

Обращение обнаруживает наиболее заметные различия между сопоставляемыми временными срезами, поскольку выбор адресативной формы непосредственно связан с возрастом, статусом, степенью знакомства и социальной дистанцией участников общения.

В русском материале раннего периода родственные по происхождению номинации могут употребляться по отношению к неродственному адресату. В «Капитанской дочке» оренбургский генерал обращается к Гриневу: «Ну, батюшка...», а капитан Миронов спрашивает его: «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» (Pushkin, 1984). В обоих случаях *батюшка* относится к неродственному адресату, однако конкретная прагматическая окраска определяется возрастом говорящего, характером отношений и коммуникативной ситуацией. Поэтому аналитически значим сам механизм переноса родственной номинации, а не приписывание ей единственного постоянного значения.

В «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова заметную роль получает модель «имя + отчество». Уже при обращении Воланда к Лиходееву используется «Степан Богданович» (Bulgakov, 1988). Эта же антропонимическая модель представлена в профессиональном, официальном и бытовом взаимодействии других персонажей: *Григорий Данилович, Иван Савельевич, Николай Иванович, Маргарита Николаевна*. В пределах анализируемого текста имя и отчество выступают одним из средств маркирования социальной дистанции. Сопоставление с ранним срезом показывает не исчезновение социальной функции обращения, а различие языковых средств, посредством которых она реализуется.

В современном русском срезе, представленном повестью Ю. Серебрянского «Бася», существенную роль приобретает персонализированная адресация. В непосредственном общении персонажей используются личные имена *Манана, Бася, Кеша, Дима, Юрай*; имя может получать и эмоционально окрашенную форму *Мананочка*. В тексте представлены реплика «Манана, как дела?» и экспрессивное обращение «Мананочка» (Serebryansky, 2023). Эти данные позволяют говорить об активном функционировании личного имени в коммуникативной среде данного произведения, но не об утрате имени и отчества или других социально маркированных моделей в современной русской речи вообще.

Узбекский ранний материал демонстрирует широкое использование реляционных и статусных средств адресации. В романе А. Кадыри «*O'tkan kunlar*» Рахмат обращается к Отабеку: «*Bizni kechirasiz, bek aka...*» (Qodiriy, 2004). В разговоре Отабека с Хасанали возникает встречное соотношение: «*Yigirma to'rt yoshga kirdimmi, ota?*», тогда как Хасанали называет собеседника *bek* (Qodiriy, 2004). Хасанали не является отцом Отабека, поэтому *ota* функционирует здесь за пределами буквального родственного значения. Одновременно *bek* сохраняет статусную характеристику молодого адресата, а составное *bek aka* объединяет статусный и реляционный компоненты.

В промежуточном узбекском срезе реляционный принцип сохраняется в иной социальной среде. В «*Ikki eshik orasi*» У. Хашимова встречаются формы *Safar aka, Ikrom aka*, а в непосредственном обращении к руководителю – «*Esingizdami, Shavkat aka...*» (Hoshimov, 2012). Существенно, что в том же контексте персонаж обозначается и как *Shavkat Qudratovich*. Сосуществование моделей «имя + *aka*» и «имя + отчество» показывает, что реляционный способ адресации способен функционировать и

внутри профессионально иерархизированного взаимодействия.

Особенно разнообразно такие средства представлены в современном узбекском материале. В повести Ж. Кенгбоева «*Sinov*» между неродственными участниками общения употребляются *uka*, *amaki*, *ora*, *aka*. Так, пассажирка обращается к водителю: «*Amaki, shu yerda qoldira qoling*», Искандар Карим – к незнакомой женщине: «*Ora, nima qilyapsiz?*», а в конфликтной ситуации герой сохраняет обращение *aka*: «*Aka, kalaka qilayotganim yo'q*» (Kengboyev, 2023). Поскольку контекст не предполагает родственных отношений, эти единицы выполняют реляционную функцию, соотнося адресата с говорящим по возрастной и социальной позиции.

Наряду с родственно-реляционными номинациями современный узбекский текст использует статусно-ролевое обращение *ustoz*, адресованное преподавателю или старшему наставнику. Его функционирование показывает, что адресативная организация «*Sinov*» не сводится к родственному принципу, а сочетает реляционные и социально-ролевые способы определения позиции собеседника.

Сопоставление временных срезов позволяет выявить существенное различие между двумя языковыми рядами. В раннем русском и узбекском материале обнаруживается типологически сопоставимый механизм: родственная по происхождению номинация способна выходить за пределы кровного родства и участвовать в социально-реляционной характеристике собеседника. В последующих произведениях двух рядов этот принцип представлен неодинаково. В русском материале отношения с адресатом выражаются посредством различных моделей – родственно маркированного обращения, имени и отчества, личного имени и его эмоционально окрашенных вариантов. В узбекских текстах родственно-

реляционные номинации представлены во всех трех анализируемых срезах и взаимодействуют со статусно-ролевыми средствами типа *ustoz*.

Различие, следовательно, состоит не в наличии или отсутствии родственных обращений как таковых, а в степени устойчивости определенного способа языковой концептуализации отношений с адресатом. В исследуемом русском ряду способы выражения социальной дистанции распределяются между различными адресативными моделями; узбекский материал демонстрирует более последовательное сохранение реляционного принципа. Обращение тем самым является наиболее показательным из четырех рассматриваемых участков для выделения структурно-реляционной перестройки как одного из механизмов динамики речевого этикета.

3. Благодарность

В отличие от системы обращений, где сопоставление временных срезов выявляет заметное перераспределение способов социально-ролевой маркировки, формулы благодарности в исследуемом материале характеризуются большей устойчивостью. В русском ряду базовой единицей выступает *спасибо*, в узбекском – *rahmat*. Динамика данной функциональной области проявляется преимущественно не в вытеснении этих формул другими средствами, а в изменении их контекстуального окружения, степени развернутости и способов интенсификации.

В раннем русском материале благодарность может включаться в развернутую этикетную последовательность и сочетаться с обращением или благопожеланием. В «Капитанской дочке» А.С. Пушкина Савельич, обращаясь к Пугачеву, произносит: «Спасибо, государь, спасибо, отец родной!», после чего присоединяет благопожелание (Pushkin, 1984). Повтор *спасибо* усиливает выражение признательности, а обращения *государь* и

отец родной расширяют структуру речевого акта, одновременно маркируя отношение к адресату. В данном случае устойчивое лексическое ядро функционирует в составе развернутого этикетного комплекса.

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» представлена более компактная модель благодарности. Наташа отвечает на обещание Маргариты кратким «Спасибо!» (Bulgakov, 1988). В отличие от развернутой реплики Савельича, благодарность здесь реализуется самостоятельной формулой, не сопровождаемой обращением или благопожеланием. Сопоставление двух примеров показывает различную степень структурной развернутости одного и того же речевых этикетного акта при сохранении базовой единицы *спасибо*.

В современном русском материале наблюдается дальнейшее варьирование устойчивой формулы. В повести Ю. Серебрянского «Бася» в одном коммуникативном эпизоде употребляются «спасибо большое за молоко» и краткое «Спасибо» (Serebryansky, 2023). В первом случае благодарность интенсифицируется компонентом *большое*, а ее основание эксплицируется конструкцией *за молоко*; во втором базовая единица функционирует самостоятельно. Современный срез тем самым подтверждает сохранение лексического ядра *спасибо* при возможности его прагматического и структурного расширения.

Сопоставимая устойчивость обнаруживается в узбекском ряду. В романе А. Кадыри «O'tkan kunlar» Отабек обращается к Хасанали: «Rahmat, ota, bo'lmasa bizga choy qaynatib bersangiz-chi» (Qodiriy, 2004). В пределах одной реплики благодарность соединяется с реляционным обращением *ota* и последующей просьбой. В другом эпизоде употребляется конструкция «Ota qadrdonlari bilan tanishdirg'aningiz uchun rahmat, amak», а после передачи приветов – «Rahmat, sog' bo'lsinlar» (Qodiriy, 2004). Первый пример

эксплицирует основание признательности и включает обращение *amak*, второй сочетает *rahmat* с благопожеланием. Уже ранний узбекский материал показывает несколько способов контекстуального расширения одной и той же благодарственной формулы.

В романе У. Хашимова «Ikki eshik orasi» формула *rahmat* сохраняет центральное положение и сочетается с различными реляционными обращениями: «Rahmat, qizim...», «Rahmat, oqsoqol!», «Rahmat, ukam!» (Hoshimov, 2012). Изменяется не благодарственное ядро, а адресативный компонент, посредством которого обозначаются возрастные и социальные отношения между участниками взаимодействия. В том же произведении встречается интенсифицированная конструкция «hammangizga ... ming rahmat!» (Hoshimov, 2012), демонстрирующая возможность количественно-оценочного усиления признательности.

Современный узбекский материал продолжает эту линию. В повести Ж. Кенгбоева «Sinov» представлены *rahmat* и усиленная конструкция *katta rahmat*; благодарность может также сочетаться со статусно-ролевым обращением *ustoz* (Kengboyev, 2023). Сохранение базовой единицы при возможности ее усиления и сочетания с обращением свидетельствует о преемственности благодарственной модели при вариативности ее конкретного речевого оформления.

Сопоставление русского и узбекского материала позволяет выделить общую закономерность: в сфере благодарности наиболее отчетливо проявляется лексическая преемственность. Формулы *спасибо* и *rahmat* сохраняют базовую коммуникативную функцию в разных временных срезах, тогда как различия обнаруживаются в степени развернутости речевого акта, способах усиления и сочетании с обращением, благопожеланием или экспликацией основания признательности. Устойчивость

речезтикетной единицы, следовательно, не означает полной неизменности ее функционирования: динамика переносится с уровня базовой лексики на уровень структуры и прагматики высказывания.

4. Прощание

Сфера прощания в исследуемом материале характеризуется большей вариативностью языкового оформления, чем благодарность. Завершение коммуникативного контакта может выражаться собственно формулой прощания, сопровождаться обращением или благопожеланием, а выбор конкретного средства зависит от характера отношений между собеседниками и прагматических условий взаимодействия. Сопоставление временных срезов показывает сохранение контакторазмыкающей функции при вариативности способов ее речевой реализации.

В русском материале прощание может представлять собой развернутый этикетный комплекс. В «Капитанской дочке» А.С. Пушкина употребляется реплика «Прощай, ваше благородие!» (Pushkin, 1984). Собственно формула *прощай* сочетается со статусно маркированным обращением *ваше благородие*, благодаря чему завершение контакта одновременно выражает отношение к адресату. Последующий контекст содержит указание на возможность будущей встречи, что показывает включенность формулы прощания в более широкую структуру межличностного взаимодействия.

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» показательным становится сосуществование различных форм завершения контакта. В диалоге Маргариты и Воланда сопоставлены «Прощайте!» и «До свидания» (Bulgakov, 1988). Обе единицы выполняют контакторазмыкающую функцию, однако различаются прагматической перспективой: *прощайте* способно акцентировать завершенность расставания, тогда как *до свидания*

предполагает возможность последующего контакта. В пределах одной коммуникативной ситуации обнаруживается функционально-семантическая вариативность формул прощания.

Современный русский материал подтверждает устойчивость нейтральной модели завершения общения. В повести Ю. Сребрянского «Бася» употребляется самостоятельная реплика «До свидания» (Serebryansky, 2023). Ее функционирование показывает сохранение традиционной формулы в современном художественном дискурсе. При этом материал трех произведений не дает оснований рассматривать *прощай* / *прощайте* и *до свидания* как последовательные стадии исторической замены: речь идет о сосуществовании контакторазмыкающих средств, выбор которых определяется конкретной ситуацией общения.

Узбекский материал демонстрирует несколько иную организацию завершающей фазы контакта. В романе А. Кадыри «*O'tkan kunlar*» ситуация прощания может обозначаться повествовательно: *mehmonlar bilan xayrlashib chiqdilar* (Qodiriy, 2004). Этот пример не следует рассматривать как самостоятельную этикетную формулу, поскольку он представляет собой авторское обозначение завершения общения. Его включение в анализ позволяет разграничить собственно речезтикетную единицу и повествовательную фиксацию соответствующего коммуникативного действия.

В романе У. Хашимова «*Ikki eshik orasi*» собственно формула прощания представлена в реплике «Хайр, adajon!» (Hoshimov, 2012). Она соединяет контакторазмыкающий компонент *хайр* с реляционно маркированным обращением *adajon*. В соответствующей коммуникативной последовательности прощание сопровождается благопожеланиями, вследствие чего

завершение общения не ограничивается обозначением расставания, а включает выражение отношения к адресату.

Современный узбекский материал обнаруживает возможность различного прагматического наполнения одной и той же функциональной области. В повести Ж. Кенгбоева «*Sinov*» встречается последовательность «Uzr. Xayr. Boshqa bezovta qilmang...» (Kengboyev, 2023), в которой формула *xayr* включена в контекст подчеркнутого прекращения дальнейшего общения. Предшествующее извинение и последующее требование больше не беспокоить говорящего усиливают семантику коммуникативного разрыва. Традиционная по форме этикетная единица получает конкретное прагматическое наполнение благодаря своему речевому окружению.

Наряду с *xayr* в «*Sinov*» завершение контакта может оформляться посредством благопожелательной конструкции «*Omon bo'ling, ustoz!*» (Kengboyev, 2023). В этой реплике пожелание *omon bo'ling* сочетается со статусно-ролевым обращением *ustoz*. Пример существен для анализа, поскольку контакторазмыкающая функция реализуется без обязательного употребления лексемы *xayr*: завершение общения выражается через благопожелание, одновременно поддерживающее уважительное отношение к собеседнику.

Сопоставление русского и узбекского рядов показывает, что прощание не образует единой линии последовательной лексической замены. В русском материале сосуществуют формы *прощай / прощайте* и *до свидания*, различающиеся прагматическими оттенками и условиями употребления. В узбекских текстах собственно формула *xayr* взаимодействует с обращениями и благопожелательными конструкциями, а коммуникативное значение конкретной реплики во многом определяется ее контекстуальным окружением.

Применительно к сфере прощания наиболее обоснованно говорить о функционально-регистрационной и прагматической вариативности. Устойчивой остается функция завершения контакта, тогда как способы ее реализации варьируются в зависимости от коммуникативной ситуации, характера межличностных отношений и дополнительной интенции говорящего. Узбекский материал при этом особенно отчетливо демонстрирует возможность совмещения прощания с реляционно маркированным обращением и благопожеланием.

Сводное сопоставление результатов

Проведенный анализ показывает, что четыре функциональные области речевого этикета обнаруживают неодинаковый характер динамики. Наиболее отчетливые различия между временными срезами выявляются в системе обращений, тогда как благодарность демонстрирует значительную устойчивость базовых лексических единиц. Приветствие и прощание занимают промежуточное положение: сохранение основных коммуникативных функций сочетается с вариативностью способов их языковой реализации. Выявленные особенности обобщены в таблице 1.

Функциональ- ная область	Русский материал	Узбекский материал	Основной механизм динамики
Приветствие	Сохранение базовых средств установления контакта; сосуществование нейтральных и ситуативно маркированных вариантов; зависимость выбора формулы от характера взаимодействия	Устойчивость традиционной модели приветствия; включение формулы в реляционно организованное взаимодействие; сочетание с обращением и другими компонентами этикетной реплики	Функционально-регистрационная вариативность при сохранении базовых средств
Обращение	Различная представленность адресативных моделей: родственно маркированные формы в раннем материале; имя и отчество; личное имя и его эмоционально окрашенные варианты	Последовательная представленность родственных, возрастных и статусно-ролевых номинаций: <i>ota, aka, opa, amaki, uka, ustoz</i> и др.; использование реляционных обращений вне буквального родства	Структурно-реляционная перестройка; различная степень устойчивости реляционного принципа
Благодарность	Сохранение базовой единицы <i>спасибо</i> ; различия в степени развернутости реплики, способах усиления и экспликации основания благодарности	Сохранение базовой единицы <i>rahmat</i> ; сочетание с обращениями и благопожеланиями; интенсификация посредством <i>katta rahmat, ming rahmat</i>	Лексическая преемственность при структурной и прагматической вариативности
Прощание	Сосуществование <i>прощай / прощайте, до свидания</i> ; различия в прагматических оттенках и условиях употребления	Функционирование <i>хаур</i> наряду с благопожелательными конструкциями; сочетание прощания с реляционно и статусно маркированными обращениями	

Таблица 1. Динамика речезыкетных моделей в русском и узбекском художественном дискурсе

Примечание. Таблица составлена автором на основании анализа произведений А.С. Пушкина «Капитанская дочка», М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Ю. Серебрянского «Бася», А. Кадыри «O'tkan kunlar», У. Хашимова «Ikki eshik orasi» и Ж. Кензбоева «Sinov».

Обсуждение результатов

Сопоставление четырех функциональных областей показывает, что динамика речевого этикета в русском и узбекском художественном материале имеет неоднородный характер и не образует единой линии последовательной замены старых этикетных единиц новыми. В зависимости от функциональной области изменения затрагивают разные уровни речезыкетной организации – лексический состав, регистровую принадлежность, структуру реплики, прагматическое окружение формулы и способы маркирования отношений между участниками общения.

Наибольшую лексическую приемственность демонстрирует благодарность: русское *спасибо* и узбекское *rahmat* сохраняют базовую коммуникативную функцию, тогда как вариативность проявляется в степени развернутости реплики, способах усиления и сочетании с обращением, благопожеланием или указанием на основание признательности. Для приветствия и прощания более характерна функционально-регистровая и прагматическая вариативность. При сохранении функций установления и завершения контакта конкретное речевое оформление определяется характером отношений между собеседниками и ситуацией взаимодействия.

Наиболее существенные различия обнаруживаются в системе обращений. Ранний русский и узбекский материал демонстрирует возможность использования родственных номинаций вне буквального родства. В последующих русских произведениях отношения с адресатом выражаются посредством различных моделей – имени и отчества, личного имени и его эмоционально окрашенных вариантов, тогда как в узбекских текстах родственно-реляционные номинации последовательно представлены во всех трех анализируемых

срезах и взаимодействуют со статусно-ролевыми средствами типа *ustoz*. Это позволяет говорить о различной степени устойчивости реляционного принципа адресации в пределах исследуемого корпуса.

Полученные результаты позволяют разграничить три взаимосвязанных механизма динамики речезыкетных моделей: лексическую приемственность, функционально-регистровую вариативность и структурно-реляционную перестройку. Первый проявляется в сохранении базовой единицы при изменении ее речевого окружения; второй – в сосуществовании различных способов реализации одной коммуникативной функции; третий затрагивает принципы языкового выражения отношений между адресантом и адресатом. Такое разграничение позволяет рассматривать динамику речевого этикета как многоуровневый процесс, а не как последовательную смену «старых» и «новых» форм.

Полученные результаты следует интерпретировать в границах исследуемого материала. Корпус включает шесть художественных произведений, распределенных по трем временным срезам внутри каждого языкового ряда, поэтому выявленные тенденции характеризуют анализируемые тексты и требуют дальнейшей проверки на более широком материале.

Выводы

Сопоставительный анализ русского и узбекского художественного материала разных временных срезов показал, что динамика речевого этикета имеет неоднородный характер и не сводится к последовательной замене одних этикетных формул другими. В зависимости от функциональной области изменения затрагивают лексический состав речезыкетных единиц, особенности их регистрового и прагматического

функционирования, структуру высказывания и способы языкового выражения отношений между участниками общения.

Анализ приветствия, обращения, благодарности и прощания позволил выделить три основных механизма динамики речевых моделей. Лексическая преемственность наиболее отчетливо проявляется в сфере благодарности, где русское *спасибо* и узбекское *rahmat* сохраняют базовую коммуникативную функцию. Функционально-регистрационная вариативность характерна прежде всего для приветствия и прощания, в которых устойчивость коммуникативной функции сочетается с различиями в выборе и прагматическом оформлении конкретных средств. Структурно-реляционная перестройка наиболее последовательно обнаруживается в сфере обращения и связана с различной представленностью способов маркирования социальной дистанции и межличностных отношений.

Наиболее существенное межъязыковое различие выявлено в адресативных моделях. В раннем материале обоих языков родственные номинации способны функционировать за пределами

буквального родства. В рассмотренных русских произведениях последующих временных срезов представлены различные способы организации адресации — имя и отчество, личное имя и его эмоционально окрашенные варианты; в узбекских текстах родственно-реляционные номинации сохраняются во всех трех анализируемых срезах и взаимодействуют со статусно-ролевыми обращениями. Следовательно, различия обнаруживаются не столько в наличии отдельных этикетных единиц, сколько в степени устойчивости принципов их выбора и функционирования.

Полученные выводы относятся к анализируемому художественному корпусу и не претендуют на исчерпывающее описание исторической эволюции речевого этикета двух языков. Перспективу дальнейшего исследования составляет расширение эмпирического материала и проверка выделенных механизмов на других типах дискурса. Особый интерес представляет сопоставление их реализации в традиционном и виртуальном коммуникативных пространствах, позволяющее установить устойчивые и трансформирующиеся компоненты речевых моделей.

References:

1. Balakai, A. G. (2001). *Dictionary of Russian speech etiquette: Forms of benevolent treatment* (2nd ed.). Moscow: AST-PRESS. (In Russian).
2. Bulgakov, M. A. (1988). *The Master and Margarita*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
3. Formanovskaya, N. I. (1987). *Russian speech etiquette: Linguistic and methodological aspects* (2nd ed.). Moscow: Russkii yazyk. (In Russian).
4. Formanovskaya, N. I. (1989). *Speech etiquette and culture of communication*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
5. Hakimov, M. (2013). *Fundamentals of Uzbek pragmalinguistics*. Tashkent: Akademnashr. (In Uzbek).
6. Hoshimov, O'. (2012). *Between two doors*. Tashkent: Sharq. (In Uzbek).
7. Kengboyev, J. (2023). The trial. *Sharq yulduzi*, 12. (In Uzbek).

8. Pushkin, A. S. (1984). *The Captain's Daughter* (2nd ed.). Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение. (In Russian).
9. Qodiriy, A. (2004). *Bygone days*. Tashkent: Sharq. (In Uzbek).
10. Safarov, Sh. (2008). *Pragmalinguistics*. Tashkent. (In Uzbek).
11. Serebryansky, Yu. (2023). Basya. *Volga*, 7–8, 109–135. (In Russian).

The Character of Sevinch and the Artistic Interpretation of Women's Destiny in the Novel "Ota"

Atadjanova Yulduzxon Dilshadovna
yulduzxon.atadjanova@gmail.com
Chief Specialist of the Department of
Spirituality and Enlightenment,
Al-Khwarizmi University

- Annotation** *This article examines the character of Sevinch and her tragic fate in Ulugbek Hamdam's novel "Ota" ("Father") from the perspective of the artistic representation of women's destiny within the family, society, and moral value system. Sevinch's life is analyzed not only as an individual tragedy, but also in the context of the complex conflict between personal choice, family responsibility, paternal authority, and social judgment. Her physical and psychological trauma in childhood, the development of her relationship with her father Po'lat, and the tragic circumstances that determine her later life are interpreted as important factors shaping the evolution of her character. Particular attention is paid to the artistic details and symbolic motifs, including fire, dreams, birds, and the image of the home, which contribute to revealing the heroine's psychological state and the ideological structure of the novel. The article also explores the social evaluation of a woman's mistake, the relativity of moral standards, and the limits of judgment imposed on an individual for a particular action. The study concludes that Sevinch is not merely a tragic female character, but a complex literary figure whose individual fate acquires broader social, ethical, and philosophical significance. Ultimately, Sevinch is presented as a complex figure whose individual tragedy develops into a social and philosophical generalization.*
- Keywords** *Ulugbek Hamdam, "Ota" novel, Sevinch character, women's destiny, literary character, psychologism, social and moral values, conflict*

"Ota" romanida Sevinch obrazi va ayol taqdirining badiiy talqini

Atadjanova Yulduzxon Dilshadovna
yulduzxon.atadjanova@gmail.com
Ma'naviyat va ma'rifat bo'limi bosh mutaxassisi,
Al-Xorazmiy universiteti

- Annotatsiya** *Ushbu maqolada Ulug'bek Hamdamning "Ota" romanidagi Sevinch obrazi hamda uning fojiaiy taqdiri orqali ayol shaxsining oila, jamiyat va axloqiy qadriyatlar tizimidagi o'rni badiiy-estetik jihatdan tahlil qilinadi. Sevinchning hayot yo'li uning individual qismati doirasidagina emas, balki shaxsiy tanlov, oilaviy mas'uliyat, otalik hokimiyati va ijtimoiy hukm o'rtasidagi murakkab ziddiyatlar kontekstida tadqiq etiladi. Qahramonning bolalikdagi ruhiy va jismoniy jarohati, otasi Po'lat bilan munosabatlarining shakllanishi hamda keyinchalik yuzaga kelgan fojiaiy vaziyatlar uning xarakter evolyutsiyasini belgilovchi omillar sifatida talqin qilinadi. Romanda yong'in, tush, qush va uy kabi badiiy detallar hamda ramziy obrazlarning Sevinch ruhiyatini ochishdagi funksional xususiyatlari yoritiladi. Shuningdek, ayol xatosining ijtimoiy muhit tomonidan baholanishi, axloqiy mezonlarning nisbiyligi va inson qilmishiga beriladigan hukmning chegaralari masalasi tahlil qilinadi. Natijada Sevinch obrazi individual fojiadan ijtimoiy-falsafiy umumlashmaga ko'tarilgan*

murakkab badiiy obraz sifatida baholanadi. Shu jihatdan qahramon taqdirida shaxsiy iztirob bilan jamiyatning ma'naviy talablari o'rtasidagi keskinlik namoyon bo'ladi va roman ayol taqdirining murakkabligini chuqur falsafiy mushohada qilish imkonini beradi.

Kalit so'zlar *Ulug'bek Hamdam, "Ota" romani, Sevinch obrazi, ayol taqdiri, badiiy obraz, psixologizm, ijtimoiy-axloqiy mezonlar, konflikt*

Образ Севинч и художественная интерпретация судьбы женщины в романе "Ота"

Атаджанова Юлдузхон Дилшадовна

yulduzxon.atadjanova@gmail.com

Главный специалист отдела духовности и просветительства,
Ал-Хорезмийский университет

Аннотация *В статье исследуется образ Севинч и её трагическая судьба в романе Улугбека Хамдама «Ота» («Отец») с точки зрения художественной интерпретации женской судьбы в системе семейных, общественных и нравственных ценностей. Жизненный путь Севинч рассматривается не только как индивидуальная трагедия, но и в контексте сложного противостояния между личным выбором, семейной ответственностью, отцовской властью и общественным осуждением. Детские физические и психологические травмы героини, формирование её отношений с отцом Пулатом, а также трагические обстоятельства последующей жизни интерпретируются как факторы, определяющие эволюцию характера Севинч. Особое внимание уделяется художественным деталям и символическим мотивам — огню, сну, птицам и образу дома, — посредством которых раскрывается внутренний мир героини и идейно-эстетическое содержание произведения. Анализируется также проблема общественной оценки женской ошибки, относительности нравственных критериев и границ человеческого осуждения. В результате Севинч рассматривается не просто как трагический женский персонаж, а как сложный художественный образ, индивидуальная судьба которого приобретает социально-этическое и философское значение. Тем самым судьба героини позволяет выявить напряжение между личным страданием и нравственными требованиями общества, а роман получает значение глубокого размышления о сложности женской судьбы.*

Ключевые слова *Улугбек Хамдам, роман «Ота», образ Севинч, судьба женщины, художественный образ, психологизм, социально-нравственные ценности, конфликт*

Zamonaviy o'zbek romanchiligida insonning ichki dunyosi, uning shaxsiy tanlovi bilan ijtimoiy muhit tomonidan belgilangan

axloqiy mezonlar o'rtasidagi ziddiyatlarni badiiy tadqiq etish alohida ahamiyat kasb etmoqda. Ulug'bek Hamdamning "Ota" romani

ham inson hayotining murakkab va ziddiyatli qirralarini, xususan, otalik mas'uliyati, farzand taqdiri, oilaviy munosabatlar, insoniy gunoh va kechirim, shaxsiy hamda ijtimoiy mezonlar to'qnashuvini keng falsafiy-estetik ko'lamda yoritishi bilan ajralib turadi. Asarning markazida Po'lat obrazi turgan bo'lsa-da, uning xarakteri va dunyoqarashini to'laqonli anglashda Sevinch obrazi alohida badiiy funksiyaga ega. Zero, Sevinch Po'lat hayotidagi oddiy farzand emas, balki uning uzoq yillik kutishlari, oilaviy baxt haqidagi tasavvurlari, otalik mas'uliyati va oxir-oqibat eng og'ir axloqiy tanlovi bilan bevosita bog'langan obrazdir (Hamdam, 2020).

Romanda Sevinch taqdiri orqali ayolning oiladagi mavqeyi, uning shaxsiy hayoti va tanlovlari ustidan ijtimoiy nazorat, "el nima deydi?" tamoyilining inson ruhiyatiga ta'siri kabi masalalar ham yuzaga chiqadi. Shu sababli Sevinch obrazini faqat fojiaiy taqdir egasi bo'lgan qahramon sifatida o'rganish asarning mazmuniy imkoniyatlarini toraytirgan bo'lur edi. Uning hayot yo'li orqali shaxs va jamiyat, individual istak va ijtimoiy majburiyat, mehr va nazorat, kechirim va jazo kabi qarama-qarshi tushunchalar o'rtasidagi munosabatlar badiiy jihatdan namoyon bo'ladi.

Ulug'bek Hamdamning ijodiy-estetik qarashlarida insonning ma'naviy mavjudligi, uning e'tiqod va ichki ishonch bilan munosabati muhim o'rin tutadi. Adib "Yangilanish ehtiyoji" asarida insonning nafaqat bu dunyosi, balki oxirat hayoti uchun ham ma'naviy tayanchga ehtiyoj sezishini ta'kidlaydi (Hamdam, 2007; 39). "Ota" romanidagi Po'latning ichki kechinmalarini ham aynan shu ma'naviy izlanishlar bilan bog'lab talqin qilish mumkin. Biroq romanda e'tiqod va axloq masalasi tayyor hukm shaklida emas, insonning amaliy tanlovlari, xatolari va ularning oqibatlari orqali badiiy muammoga aylantiriladi.

Shuningdek, shaxsiy va ijtimoiy muammolarning bir-biri bilan chambarchas bog'liqligi masalasi adabiy tahlil uchun muhim metodologik asos bo'la oladi. Adabiyotshunos olim I.G'aniev inson qilmishining faqat uning

o'ziga emas, balki uning atrofidagi kishilar va ijtimoiy muhitga ham ta'sir ko'rsatishini ta'kidlaydi (G'aniev, 2013). Shu jihatdan Sevinchning fojiaiy taqdirini ham faqat individual xato natijasi sifatida emas, balki oila, jamiyat, axloqiy qarashlar va shaxsiy tanlovlar kesishgan nuqtada yuzaga kelgan murakkab hodisa sifatida ko'rib chiqish maqsadga muvofiq.

Sevinch obrazining badiiy konsepsiyasi uning dunyoga kelishi bilan bog'liq epizodlardan boshlanib, keyingi fojiaiy taqdirining ma'no ildizlari ham aynan shu dastlabki tasvirlarda shakllantiriladi. Po'latning farzandsizlikdan uzoq vaqt iztirob chekishi, hali tug'ilmagan farzandi bilan xayolan suhbatlashib yurishi uning ongida farzand tushunchasi biologik davomiylikdan ko'ra kengroq – inson hayotining mazmunini tasdiqlovchi mavjudlik omiliga aylanganini ko'rsatadi. Shu sababli Sevinchning tug'ilishi Po'lat oilasidagi oddiy quvonchli voqea emas, balki qahramonning hayotiy kutishlari ro'yobga chiqadigan burilish nuqtasi sifatida talqin qilinadi.

Qizga "Sevinch" deb nom berilishi ham tasodifiy emas. Asar badiiy mantig'ida ismning semantik mazmuni bilan qahramonning keyingi taqdiri o'rtasida kuchli kontrast yuzaga keladi: dastlab Sevinch oilaga quvonch, baxt va avlod davomiyligini olib kirgan qiz sifatida namoyon bo'lsa, keyinchalik uning hayoti aynan shu oilaning eng og'ir ruhiy sinovlariga sabab bo'ladi. Binobarin, "Sevinch" nomi faqat qahramonni individual belgilovchi antroponim emas, balki roman davomida mazmuni o'zgarib boradigan badiiy detal sifatida ham funkcionallashadi.

D. Quronovning badiiy obrazning individuallashtirilgan umumlashma sifatida namoyon bo'lishi haqidagi qarashlari shu jihatni anglash uchun nazariy asos beradi: konkret qahramonning individual belgilarini badiiy tizimga olib kirish orqali yozuvchi undan kengroq hayotiy va ijtimoiy mazmunlarni chiqaradi (Quronov, 2006; 68–69). Sevinchning ham aynan shunday obraz ekanini uning

taqdiridagi individual xususiyatlar bilan ijtimoiy mazmun o'rtasidagi bog'liqlik ko'rsatadi.

Sevinch hayotidagi yong'in voqeasi romanning syujet-kompozitsion tizimida oddiy favqulodda hodisa vazifasini bajarib qolmay, qahramonning keyingi ruhiy va ijtimoiy taqdirini belgilovchi semantik markazlardan biriga aylanadi. Yong'in motivi qahramon taqdirining ikki bosqichini ajratib turuvchi badiiy chegara vazifasini bajaradi: yong'ingacha bo'lgan Sevinch –oilaviy baxtning timsoli bo'lsa, yong'indan keyingi Sevinch jarohat, chidam va o'z qismatini yashirincha ko'tarib yashashga majbur bo'lgan shaxs sifatida shakllanadi. Mazkur qarama-qarshilik qahramonning xarakter evolyutsiyasini ta'minlab, keyingi voqealarni psixologik jihatdan tayyorlaydi.

D. Quronov inson obrazini yaratishda badiiy psixologizmning alohida ahamiyatini ko'rsatib, qahramon ruhiyatining uning xatti-harakati, nutqi va ichki kechinmalari orqali ochilishini ta'kidlaydi (Quronov, 2006; 73–76). "Ota" romanida Sevinchning ruhiy holati ham bevosita izohdan ko'ra uning xarakteri va xulq-atvori orqali anglashiladi; ayniqsa, u boshdan kechirgan jismoniy jarohatning ruhiy oqibatlarini qahramonning keyingi hayotida o'zini tutish tarziga singib ketadi.

Sevinchning otasiga o'xshab barcha iztiroblarini bildirmaslikka o'rganishi uning xarakteridagi ichki qarama-qarshilikni kuchaytiradi: bir tomondan, u otasining himoyasi va mehriga ehtiyoj sezuvchi farzand bo'lsa, ikkinchi tomondan, aynan otasidan o'z dardini yashirish, tashqi bardoshlilikni saqlash odatini o'zlashtiradi. Shunday qilib, ota tomonidan berilgan tarbiya ikki xil natijani yuzaga chiqaradi – u qizni hayotga chidamli qilib tarbiyalaydi, biroq uning ichki kechinmalarini ochiq ifodalash imkoniyatini ham toraytiradi.

Bu o'rinda Ulug'bek Hamdamning "Yangilanish ehtiyoji" asarida ilgari surilgan insonning ichki e'tiqod va ma'naviy tayanchga ehtiyoji haqidagi qarashlari ham muayyan nazariy-ijodiy asos bo'lib xizmat qiladi. Adib

insonning ma'naviy hayotini uning tashqi xatti-harakatlaridan ajratib bo'lmashligini, e'tiqod inson mavjudligining muhim tayanchi ekanini ta'kidlaydi (Hamdam, 2007; 39). "Ota" romanida esa bu masala qahramonlarning hayotiy tanlovlari va ularning ruhiy oqibatlari orqali badiiy shakl kasb etadi.

Sevinch obrazining badiiy mohiyati Po'lat bilan munosabatlaridan tashqarida to'liq namoyon bo'lmaydi, chunki qahramonning deyarli barcha muhim hayotiy bosqichlari ota mehrining, nazoratining yoki hukmining bevosita ta'siri ostida kechadi. Dastlab Po'lat qizining hayotini himoya qiluvchi, uning jismoniy va ruhiy jarohatlarini o'z dardi sifatida qabul qiluvchi ota bo'lsa, keyinchalik ayni shu mehrning mutlaqlashuvi qizning shaxsiy hayoti ustidan hukm chiqarish huquqini o'zida jamlagan otalik pozitsiyasiga aylanadi.

Bu o'zgarish romanning asosiy konfliktini murakkablashtiradi, chunki undagi qarama-qarshilikni faqat ota va qiz o'rtasidagi ziddiyat sifatida baholash biryozlama xulosa bo'ladi. Aslida, Po'lat va Sevinch munosabatlarida ota mehrining himoya qiluvchi kuchdan paternalistik nazoratga aylanishi, shaxsiy tanlovning oilaviy axloq bilan to'qnashuvi hamda individual hayotning jamoaviy mezonlar asosida baholanishi kabi bir necha konflikt qatlamlari kesishadi.

Sevinch obrazining eng muhim ijtimoiy-estetik qatlamlaridan biri ayolning shaxsiy xatosiga jamiyat tomonidan beriladigan baho masalasidir. Roman bu muammoni shunchaki "to'g'ri" yoki "noto'g'ri" harakatni belgilash doirasida emas, balki insonning birgina qilmishi uning butun shaxsiyatiga chiqariladigan hukmning mezoniga aylanishi mumkinmi, degan murakkab axloqiy savol orqali qo'yadi.

Sevinchning avvalgi hayotini tashkil etgan bolalikdagi jarohat, o'qimishlilik, ota-onaga bo'lgan munosabat, oilaviy baxtga intilish va ichki kechinmalarni yengib yashash tajribasi uning keyingi xatosi oldida go'yo ikkinchi darajali holatga tushib qoladi. Shu jihatdan yozuvchi ayolning xatosini oqlash yoki qoralash bilan cheklanmay, jamiyatning ayolga

nisbatan qo'llaydigan axloqiy mezonlari qanchalik mutlaq bo'lishi mumkinligini muammolashtiradi.

Bu masala "Ota" romanining umumiy falsafiy yo'nalishi bilan ham uzviy bog'liq. Asarda inson qilmishiga beriladigan bahoning turli muhitlarda keskin farq qilishi ko'rsatiladi: ozodlikdagi ijtimoiy muhitda Po'latning qilmishi qoralansa, qamoq muhitida ayrim mahbuslar uni, aksincha, "ota" sifatida ulug'laydi. Birgina qilmishning ikki xil muhitda qarama-qarshi baholanishi asarning axloqiy mezonlarni mutlaq haqiqat sifatida qabul qilishga emas, balki ularning shakllanish mexanizmini tahlil qilishga undaydi. Shu jihatdan Sevinch taqdiri ham "ayolning xatosi" muammosidan kengroq – axloqiy hukmning nisbiyligi va inson hayotining bitta qilmishga qisqartirilishi muammosiga aylanadi.

Qahramonning ismi dastlab "quvonch" semantikasini ifodalasa, uning taqdiri bu mazmunni fojiaiy kontrastga aylantiradi; yong'in esa uning yuzini kuydirish bilan birga oilaviy baxtning dastlabki shaklini ham parchalab yuboradi; ota mehrining cheksizligi esa keyinchalik aynan qizning shaxsiy taqdiri ustidan chiqarilgan hukm orqali o'zining paradoksal tabiatini namoyon etadi. Natijada Sevinch obrazi bir-biri bilan qarama-qarshi semantik qatlamlarni – quvonch va iztirob, himoya va nazorat, mehr va hukm, shaxsiy erkinlik va ijtimoiy majburiyatni o'zida birlashtirgan murakkab badiiy tuzilmaga aylanadi.

Bunday obrazning kuchi shundaki, u o'quvchini tayyor axloqiy xulosaga olib kelmaydi; aksincha, qahramon taqdiri orqali qarama-qarshi savollarni bir vaqtning o'zida o'ylashga majbur qiladi. Badiiy asar strukturasidagi har bir unsur umumiy mazmunni shakllantirishda muayyan funksiyani bajarishi, hatto alohida detal ham butunlik mazmuniga ta'sir ko'rsatishi mumkinligi haqidagi nazariy qarashlar (Quronov, 2006; 90) Sevinch obrazini yong'in, tush, qush, uy va ota-qiz munosabatlari bilan yaxlit poetik tizimda tahlil qilish zarurligini ko'rsatadi.

Roman Sevinch taqdiri misolida ayol masalasini faqat oilaviy yoki maishiy muammo sifatida emas, insonning shaxsiy erkinligi va jamiyat tomonidan belgilangan axloqiy chegaralar o'rtasidagi munosabat sifatida qo'yadi. Qahramonning fojiaiy taqdirini yuzaga keltirgan omillarni birgina uning xatosiga bog'lash mumkin emas, chunki bu xato ortida uning butun hayoti, oilaviy tarbiyasi, otasining mutlaq mehridan kelib chiqqan nazorat, jamiyatning "odamlar nima deydi?" tamoyiliga asoslangan baholash mexanizmi va erkak hamda ayol qilmishlariga nisbatan turlicha qo'llanadigan ijtimoiy mezonlar mavjud.

Shu sababli Sevinch obrazining fojiaiyiligi uning "xato qilgani" bilangina emas, insoniy mavjudlikning murakkabligini bitta axloqiy hukm doirasiga sig'dirishga urinish bilan belgilanadi. Po'latning o'z qilmishini ijtimoiy tartibni saqlash, boshqalarga ibrat bo'lish va kelajakdagi xatolarning oldini olish zarurati bilan oqlashi ham ayni paradoksni kuchaytiradi: axloqiy me'yorni himoya qilish maqsadi inson hayotining daxlsizligi bilan to'qnashganda, qaysi qadriyat ustuvor bo'lishi kerak?

Asarning kuchi ham ana shu savolga biryozlama javob bermasligidadir. Sevinchning o'limi o'quvchini uning qilmishini unutishga yoki oqlashga undamaydi; aksincha, jazolashning chegarasi, ota hokimiyatining chegarasi, axloqiy hukmning chegarasi va insoniy kechirimning imkoniyatlari haqida mushohada yuritishga majbur qiladi. Natijada ayol taqdiri masalasi individual fojiadan chiqib, insonning axloqiy tanlovi va jamiyatning hukm chiqarish huquqi haqidagi umumiy falsafiy muammoga ulanadi.

Ulug'bek Hamdamning "Ota" romanidagi Sevinch obrazi badiiy jihatdan bir qatlamli, faqat fojiaiy taqdir egasi bo'lgan personaj emas, balki oilaviy baxt, jismoniy va ruhiy jarohat, shaxsiy tanlov, otalik mehrining mutlaqlashuvi, ijtimoiy hukm va insoniy kechirim kabi mazmuniy qatlamlarni o'zida birlashtiruvchi murakkab xarakter sifatida

shakllangan. Qahramonning dunyoga kelishi bilan bog'liq "Sevinch" nomining quvonch semantikasi keyinchalik uning fojiaiy taqdiri bilan kontrastga kirishar ekan, mazkur nom obrazning individual belgisidan asarning umumiy poetik konsepsiyasini ifodalovchi badiiy detal darajasiga ko'tariladi.

Sevinchning bolalikdagi yong'in tufayli yuzidan jarohatlanishi uning keyingi xarakteri va ruhiy olamining shakllanishida muhim burilish yasab, jismoniy jarohatni ruhiy tajribaga, ruhiy tajribani esa xarakter xususiyatiga aylantiradi. Uning otasidan iztiroblarini yashirish va bardoshli bo'lishni o'rganishi keyinchalik qahramonning ichki dunyosini yanada murakkablashtiradi; shu jihatdan roman psixologizmi tashqi voqealarni qayd etishdan ko'ra, ularning inson ongida qoldirgan izlarini kuzatishga yo'naltirilganligi bilan xarakterlanadi.

Sevinch va Po'lat o'rtasidagi munosabat esa asarning markaziy konfliktini yuzaga chiqarib, ota mehrining himoya qiluvchi kuchdan hukm chiqaruvchi kuchga aylanish jarayonini namoyon etadi. Po'latning fojiaiyiligi

uning qizini sevmasligida emas, aksincha, otalik mas'uliyati va axloqiy qarashlarini mutlaqlashtirib, farzandining shaxsiy hayoti ustidan hukm chiqarish huquqini o'zida jamlab qo'yishida namoyon bo'ladi. Shu sababli Sevinchning taqdiri Po'lat obrazining ham ichki mohiyatini ochuvchi asosiy vositalardan biriga aylanadi.

Shunday qilib, Sevinch obrazi "Ota" romanida ayol taqdirining oddiy tasviri emas, balki insonning shaxsiy erkinligi bilan ijtimoiy-axloqiy majburiyatlar o'rtasidagi ziddiyatni badiiy jihatdan mujassamlashtiruvchi murakkab obraz sifatida namoyon bo'ladi. Uning fojiaiy qismati orqali yozuvchi ayol xatosini oqlash yoki qoralashdan ko'ra murakkabroq masalani — insonni birgina qilmishi bilan baholash, axloqiy me'yorni mutlaqlashtirish va "to'g'ri" deb qabul qilingan hukmning insoniy oqibatlarini ochib beradi. Shu jihatdan Sevinchning individual taqdiri romanning ijtimoiy-falsafiy mazmunini kengaytirib, ayolning jamiyat, oila va shaxs sifatidagi mavqeyi haqidagi mushohadani umumiy insoniy muammo darajasiga ko'taradi.

References:

1. Hamdam, U. (2007). *Yangilanish ehtiyoji*. O'zbekiston Respublikasi FA "Fan".
2. Hamdam, U. (2020). *Ota*. Yangi asr avlodi.
3. Quronov, D. (2006). *Adabiyotshunoslikka kirish*.
4. G'aniev, I. (2013). *Chingiz Aytmatov va XXI asr*. Akademnashr.

The Representation of Hyponymy Relations in Explanatory Dictionaries: Theory and Practice

Tagaynazarova Raxima Axmetovna³

raxima.tg@gmail.com

PhD student,

Samarkand State University named after Sharof Rashidov

Annotation

This article provides a comprehensive theoretical and practical analysis of the representation of hyponymic, or taxonomic, relations in explanatory dictionaries. Hyponymy is one of the most important types of lexical-semantic relations and plays a significant role in the hierarchical organization of word meanings, systematization of concepts, identification of semantic relationships between lexical units, and construction of dictionary definitions. The study examines major theoretical approaches to hyponymy in general linguistics, the relationship between the concepts of hyponym and hypernym, and relevant scholarly research conducted in Uzbek linguistics. The research material consists of 126 lexical units and their dictionary definitions selected from the two- and five-volume editions of the Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. The selected material was analyzed using descriptive, comparative, grouping, and dictionary-definition analysis methods. The findings demonstrate that hyponymic relations are predominantly represented through the "genus proximum + differentia specifica" formula. At the same time, several inconsistencies were identified, including the absence of explicit hypernyms, disproportionate use of hypernyms at different levels of the semantic hierarchy, concealment of hyponymic relations through synonymous definitions, and ambiguous selection of polysemous hypernyms. These issues may reduce the semantic transparency, consistency, and systematic organization of dictionary entries. Based on the findings, the study proposes practical recommendations for improving lexicographic practice, standardizing dictionary definitions, and representing hyponymic relations through semantic networks and graphical models in electronic dictionaries.

Keywords

Hyponymy, hypernym, lexical-semantic relations, explanatory dictionary, lexicography, semantic hierarchy, taxonomy, dictionary definition

Giponimik munosabatlarning izohli lug'atlarda aks etishi: nazariya va amaliyot

Tagaynazarova Raxima Axmetovna

raxima.tg@gmail.com

Doktorant,

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti

Annotatsiya

Ushbu maqolada giponimik (tur-jins) munosabatlarning izohli lug'atlarda aks etish xususiyatlari nazariy va amaliy jihatdan kompleks tahlil qilinadi. Giponimiya leksik-semantik munosabatlarning muhim turlaridan biri bo'lib, so'z ma'nolarini ierarxik tartibga solish, tushunchalarni tizimlashtirish, lug'aviy birliklar o'rtasidagi semantik aloqalarni aniqlash hamda lug'at ta'riflarini shakllantirishda muhim o'rin tutadi.

³ Tagaynazarova R.A. — ORCID: 0009-0001-3826-5480

Tadqiqotda umumiy tilshunoslikda shakllangan giponimiya nazariyalari, giperonim va giponim tushunchalarining o'zaro munosabati hamda o'zbek tilshunosligida mazkur masalaga bag'ishlangan ilmiy qarashlar tahlil qilindi. Asosiy tadqiqot materialli sifatida "O'zbek tilining izohli lug'ati"ning ikki va besh jildlik nashrlaridan tanlab olingan 126 ta lug'aviy birlik va ularning ta'riflaridan foydalanildi. Materiallar tavsiflovchi, qiyosiy, guruhlash va lug'at ta'rifi tahlili metodlari asosida o'rganildi. Natijalar giponimik munosabatlar asosan "genus proximum + differentia specifica" formulasi orqali ifodalanishini ko'rsatdi. Shu bilan birga, giperonimning ko'rsatilmasligi, ierarxiyaning turli bosqichlarida nomutanosib qo'llanishi, sinonimik ta'riflar orqali giponimik munosabatlarning yashirilishi va polisemantik giperonimlarning noaniq tanlanishi kabi muammolar aniqlandi. Tadqiqot natijalari asosida izohli lug'atlarning elektron shaklini takomillashtirish, giponimik aloqalarni semantik tarmoq va grafik modellar orqali ko'rsatish hamda lug'at ta'riflarining izchilligini oshirish bo'yicha amaliy tavsiyalar ishlab chiqildi.

Kalit so'zlar *Giponimiya, giperonim, leksik-semantik munosabatlar, izohli lug'at, leksikografiya, semantik ierarxiya, taksonomiya, lug'at ta'rifi*

Отражение гипонимических отношений в толковых словарях: теория и практика

Тагайназарова Рахима Ахметовна

raxima.tg@gmail.com

Аспирант,

Самаркандский государственный
университет имени Шарофа Рашидова

Аннотация *В данной статье проводится комплексное теоретическое и практическое исследование особенностей отражения гипонимических (родо-видовых) отношений в толковых словарях. Гипонимия является одним из значимых типов лексико-семантических отношений и играет важную роль в иерархической организации значений слов, систематизации понятий, установлении семантических связей между лексическими единицами и формировании словарных дефиниций. В исследовании рассмотрены основные теоретические подходы к изучению гипонимии в общем языкознании, взаимосвязь понятий гипонима и гиперонима, а также научные исследования по данной проблеме в узбекской лингвистике. Материалом исследования послужили 126 лексических единиц и их дефиниций, отобранных из двух- и пятитомных изданий «Толкового словаря узбекского языка». Анализ материала осуществлялся с применением описательного, сравнительного, группировочного методов и метода анализа словарных дефиниций. Полученные результаты показывают, что гипонимические отношения преимущественно выражаются посредством формулы «genus proximum + differentia specifica». Вместе с тем выявлены отсутствие явного гиперонима, несогласованное использование гиперонимов на различных уровнях иерархии, скрытие гипонимических отношений посредством синонимических дефиниций и неоднозначный выбор полисемантических гиперонимов. На основе результатов исследования предложены рекомендации по совершенствованию лексикографической практики,*

повышению системности словарных дефиниций и представлению гипонимических отношений в электронных словарях посредством семантических сетей и графических моделей.

**Ключевые
слова**

Гипонимия, гипероним, лексико-семантические отношения, толковый словарь, лексикография, семантическая иерархия, таксономия, словарная дефиниция

Kirish

Til birliklari orasidagi ma'no munosabatlari tilshunoslikning eng qadimgi va shu bilan birga eng dolzarb muammolaridan biri bo'lib kelmoqda. So'zlarning ma'nosi hech qachon yakka holda, boshqa so'zlardan uzilgan holda mavjud bo'lmaydi – u doimo boshqa leksik birliklar bilan turli xil semantik munosabatlar tizimida namoyon bo'ladi. Sinonimiya, antonimiya, omonimiya, graduonimiya, partonimiya (meronimiya) va giponimiya kabi leksik-semantik munosabatlar orasida giponimiya alohida o'rin tutadi, chunki u leksikaning ierarxik, ya'ni "tur-jins" tamoyili asosida tashkil topishini ta'minlaydi (Lyons, 1977). Giponimiya – bu ikki leksik birlik orasidagi shunday munosabatki, unda birining ma'nosi ikkinchisining ma'nosini o'z ichiga oladi: masalan, "olma" so'zi "meva" so'zining giponimi, "meva" esa "olma"ning giperonimi (yoki superordinat so'zi) hisoblanadi (Cruse, 1986). Ushbu munosabat "X – Y turi" (masalan, "olma – mevaning bir turi") formulasi orqali sinaladi va aynan shu formula ko'pchilik izohli lug'atlarda so'z ta'riflarining tayanch strukturasini tashkil etadi.

Izohli lug'atlar – bu millat tilining leksik boyligini tizimli tarzda qayd etuvchi, har bir so'zning ma'nosini, uslubiy xususiyatlarini va qo'llanish doirasini ochib beruvchi asosiy leksikografik manba hisoblanadi. Lug'at tuzuvchi (leksikograf) har bir so'zga ta'rif berishda, ko'pincha ongli yoki ongsiz ravishda, giponimik munosabatlardan foydalanadi: yangi tushunchani izohlash uchun avval uning tegishli bo'lgan kengroq kategoriyasi

(giperonim) ko'rsatiladi, so'ngra shu kategoriya doirasidagi farqlovchi belgi beriladi (Cruse, 1986). Bu usul lug'atshunoslikda "klassik ta'rif" yoki "aristotelcha ta'rif" nomi bilan yuritiladi va deyarli barcha yirik tillarning izohli lug'atlarida qo'llaniladi. Biroq bu usulning amaliy qo'llanilishi nazariy jihatdan qanchalik izchil bo'lsa-da, real lug'at matnlarida bir qator nomutanosibliklar, uzilishlar va tizimsizliklarga duch kelinadi, bu esa mazkur tadqiqotning bosh muammosini tashkil etadi.

O'zbek tilshunosligida giponimiya masalasi nisbatan kech, asosan XX asrning ikkinchi yarmidan boshlab o'rganila boshlangan. R. Safarova o'zining "Leksik-semantik munosabatlarning turlari" nomli ilmiy ishida giponimiya va giperonimiya tushunchalarini o'zbek tili materiali, xususan, umumiste'mol zoonimlar asosida chuqur tahlil qilib, giponimik va giperonimik so'zlarning semantik strukturasini aniqladi. Unga ko'ra, giperonim – jins belgisi bilan predmet nomining ko'p ma'nosini semantik jihatdan umumlashtiruvchi, mikrotizimning markaziy so'zi va dominant sifatida namoyon bo'luvchi leksik birlik, giponim esa jinsning muayyan turlari nomini ifodalovchi, semantik strukturasida jins ma'nosini yashirin tarzda ifodalovchi so'z bo'lib, semantik jihatdan giperonimga qaraganda boyroqdir (Safarova, 1996). H. Ne'matov va R. Rasulov tomonidan yaratilgan tizimiy tilshunoslik asoslariga bag'ishlangan darslikda ham gipo-giperonimiya lug'aviy birliklar orasidagi jins munosabatini ifodalovchi semantik aloqaning bir turi sifatida ko'rsatilgan (Ne'matov &

Rasulov, 1995). Bundan tashqari, J.Sh. Djumabayeva ingliz tilshunosligida giponimik taksonomiyaning o'rganilishi hamda giponim so'zlarning leksik-semantik munosabatlarini tadqiq qilgan (Djumabaeva, 2020), M.A. Xidirova esa ingliz va o'zbek tillaridagi yovvoyi hayvon nomlari misolida giponim-giperonim xususiyatlarini qiyosiy tahlil qilgan (Khidirova, 2024).

Shunga qaramay, o'zbek tilshunosligida giponimik munosabatlarning aynan izohli lug'atlarda qanday aks etishi, ya'ni bu nazariy tushunchaning amaliy leksikografik faoliyatga qay darajada tatbiq etilgani masalasi alohida, maxsus tadqiqot obyekti sifatida deyarli o'rganilmagan. Aksariyat tadqiqotlar giponimiyani umumiy semantik hodisa sifatida yoki muayyan leksik-tematik guruh doirasida tahlil qiladi, biroq lug'at ta'riflarining mikrostrukturasi, ta'rif formulalarining izchilligi, giperonim tanlashdagi tamoyillar va bu jarayondagi tizimsizliklar kabi masalalar chetda qolib kelmoqda. Ushbu bo'shliqni to'ldirish maqsadida ushbu maqolada quyidagi tadqiqot savollariga javob izlanadi: (1) "O'zbek tilining izohli lug'ati" ta'riflarida giponimik munosabatlar qanday grammatik-semantik vositalar orqali ifodalanadi? (2) Giponimik zanjirlar (ierarxiya darajalari) lug'at matnida qanchalik izchil saqlanadi? (3) Lug'at ta'riflarida giponimik munosabatlarning buzilishi yoki noaniq ifodalanishi qanday holatlarda yuzaga keladi va bunga qanday sabablar bor? (4) Zamonaviy, xususan elektron leksikografiya sharoitida giponimik munosabatlarni aks ettirishning qanday takomillashtirilgan usullari taklif qilinishi mumkin?

Tadqiqotning dolzarbligi bir necha omillar bilan belgilanadi. Birinchidan, sun'iy intellekt va tabiiy tilni qayta ishlash tizimlarining rivojlanishi bilan lug'aviy ma'lumotlar bazalarini yaratishda giponimik munosabatlarning aniq va izchil formalizatsiyasi talab etiladi. Ikkinchidan, milliy korpus va elektron lug'atlar loyihalarining faollashishi lug'at ta'riflarining semantik tuzilishini yangicha, tizimli nuqtai nazardan qayta ko'rib chiqishni taqozo etadi.

Uchinchidan, giponimik tahlil til o'rgatish metodikasida, xususan, leksik boylikni kengaytirish va tushuncha xaritalarini tuzishda muhim amaliy ahamiyatga ega (Khidirova, 2024). Shu sababli mazkur tadqiqot nafaqat nazariy tilshunoslik, balki amaliy leksikografiya va kompyuter lingvistikasi uchun ham dolzarb hisoblanadi.

Tadqiqot metodologiyasi

Tadqiqot uch bosqichli aralash metodologiya asosida amalga oshirildi. Birinchi bosqichda tavsiflovchi (deskriptiv) metod yordamida giponimiya, giperonim, differentia specifica, genus proximum kabi asosiy tushunchalarning nazariy mazmuni umumiy va o'zbek tilshunosligi manbalari asosida aniqlashtirildi (Lyons, 1977). Ikkinchi bosqichda material to'plash maqsadida "O'zbek tilining izohli lug'ati"ning ikki jildlik (1981) (Ma'rufov, 1981) va besh jildlik (2006–2008) (Madvaliyev, 2006–2008) nashrlaridan tasodifiy va maqsadli tanlov (purposive sampling) usuli asosida besh leksik-tematik guruh – hayvonot olami nomlari, o'simliklar nomlari, uy-ro'zg'or buyumlari, kasb-hunar nomlari va his-tuyg'u bildiruvchi so'zlar – bo'yicha jami 126 ta lug'aviy birlik va ularning ta'riflari yig'ildi. Ushbu guruhlarining tanlanishiga sabab, ular an'anaviy ravishda aniq ierarxik (taksonomik) tuzilishga ega bo'lgan sohalar hisoblanishi va shu boisdan giponimik munosabatlarning namoyon bo'lishi uchun eng qulay material bazasini tashkil etishidir.

Uchinchi bosqichda yig'ilgan ta'riflar lug'at ta'riflari tahlili metodi yordamida tahlil qilindi: har bir ta'rifda giperonim (agar mavjud bo'lsa) ajratib ko'rsatildi, so'ngra shu giperonimning o'zi mustaqil bosh so'z sifatida lug'atda qanday izohlanganini aniqlash uchun "zanjir kuzatish" protsedurasi qo'llanildi – bu protsedura toki giponimik zanjir eng yuqori (chegaraviy) giperonimga yoki, aksincha, ta'rifning uzilishiga yetib borguncha davom ettirildi. Shu tariqa har bir leksik-tematik guruh bo'yicha giponimik ierarxiyaning grafik modeli (daraxtsimon struktura) qo'lda tuzildi. To'rtinchi bosqichda esa qiyosiy tahlil metodidan foydalanib, aniqlangan ierarxik modellar ilmiy

adabiyotda tan olingan taksonomik tuzilmalar bilan solishtirildi, bu esa lug'atdagi giponimik munosabatlarning qay darajada "to'liq" yoki "uzilgan" ekanini baholash imkonini berdi. Guruhlash metodi yordamida aniqlangan nomutanosibliklar tipologiyasi ishlab chiqildi: (a) giperonimning umuman ko'rsatilmagan holatlari, (b) bir necha darajali giperonimning noto'g'ri yoki nomutanosib qo'llanilishi, (c) sinonimik ta'rif orqali giponimik munosabatning "yashirilishi", (d) polisemantik giperonimlarning noaniq tanlanishi. Tadqiqot davomida olingan miqdoriy ma'lumotlar sifat jihatidan tavsiflandi, chunki tanlanma hajmi katta statistik umumlashtirish uchun emas, balki hodisaning xilma-xil ko'rinishlarini chuqur tavsiflash uchun mo'ljallangan edi.

Nazariy asos

Giponimiya tushunchasi zamonaviy semantika fanida J. Layonz tomonidan sistemli tarzda ishlab chiqilgan bo'lib, u buni leksikaning eng fundamental paradigmatic munosabati deb ta'riflaydi, chunki aynan shu munosabat orqali lug'at boyligi qat'iy ierarxik tuzilmaga ega bo'ladi. D.A. Kruz o'zining "Lexical Semantics" asarida giponimiyani mantiqiy jihatdan bir tomonlama implikasiya sifatida belgilaydi: agar "X – bu it" degan gap rost bo'lsa, undan albatta "X – bu hayvon" degan gap ham kelib chiqadi, biroq bu implikasiya teskari yo'nalishda ishlamaydi (Cruse, 1986). Shu tariqa giponimiya assimetrik (bir tomonlama) munosabat sifatida sinonimiya va antonimiyaning simmetrik xarakteridan farq qiladi. P. Key esa taksonomiya va semantik kontrast masalasiga bag'ishlangan klassik maqolasida giponimik munosabatlarning ko'p darajali tabiatga ega ekanligini, ya'ni bitta so'z bir vaqtning o'zida boshqa bir so'zga nisbatan giponim, uchinchi bir so'zga nisbatan esa giperonim bo'lishi mumkinligini ko'rsatib o'tgan (Kay, 1971).

Giponimik munosabatlarning eng muhim xususiyatlaridan biri – ularning ierarxik zanjir hosil qilishidir. Masalan, "bulldog" so'zi "it" so'zining giponimi, "it" – "sutemizuvchi"ning giponimi, "sutemizuvchi" esa "hayvon"ning

giponimi hisoblanadi; shu tariqa "hayvon → sutemizuvchi → it → bulldog" ko'rinishidagi bir necha bosqichli ierarxiya vujudga keladi. Bunday ko'p bosqichli tuzilmalar leksikografik amaliyotda alohida ahamiyat kasb etadi, chunki lug'at tuzuvchi har bir so'zni ta'riflashda ushbu zanjirning qaysi bosqichini "genus proximum" (eng yaqin jins) sifatida tanlashni hal qilishi kerak bo'ladi. Klassik ta'rif nazariyasiga ko'ra, ta'rifda imkon qadar eng yaqin giperonim tanlanishi lozim, aks holda ta'rif haddan tashqari umumiy va informativlikdan mahrum bo'lib qoladi (Cruse, 1986).

M.A. Xirst tomonidan ishlab chiqilgan giponimlarni matndan avtomatik aniqlash usullari lug'atshunoslik va kompyuter lingvistikasi chorrahasida muhim voqea bo'ldi: u "such NP as NP, NP, and NP" yoki "NP including NP" kabi sintaktik qoliqlar orqali matndagi giponim-giperonim juftliklarini avtomatik ajratib olish mumkinligini ko'rsatdi (Hearst, 1992). Bu yondashuv keyinchalik G. Miller boshchiligidagi guruh tomonidan yaratilgan WordNet – ingliz tili uchun mo'ljallangan yirik leksik-semantik ma'lumotlar bazasi – asosida qo'llanildi, unda so'zlar aynan giponimik ("is-a") va meronimik ("part-of") munosabatlar orqali bog'langan sinsetlar tarmog'i sifatida tashkil etilgan (Miller, 1995). Bunday elektron resurslarning yaratilishi giponimik munosabatlarning formal, mashinaviy tarzda qayta ishlanadigan tavsifiga bo'lgan ehtiyojni yanada kuchaytirdi va an'anaviy izohli lug'atlarning ushbu talabga qay darajada javob berishi masalasini dolzarblashtirdi.

Kristian Leman ta'kidlashicha, leksikograf giponimik munosabatlardan lug'at ishlab chiqishda kamida ikki xil maqsadda foydalanadi: birinchidan, "hayvon", "fazoviy konfiguratsiya" kabi umumiy tushunchalar atrofida taksonomiyalar quradi, bu esa leksik maydonlarni tarkiblashtirishga xizmat qiladi; ikkinchidan, ma'lumotlar bazasi darajasida har bir bosh so'z uchun uning barcha giponimlari ro'yxatini avtomatik hosil qilish imkoniyatini yaratadi, bu esa qog'oz lug'atda amalga

oshirish qiyin bo'lgan imkoniyatdir. Bu fikr aynan mazkur tadqiqotning markaziy muammosiga – an'anaviy, chiziqli-alifbo tartibidagi qog'oz lug'atning giponimik tarmoqni izchil aks ettirishdagi tabiiy cheklovlariga – bevosita tegishlidir: qog'oz lug'atda har bir so'z alohida, alifbo tartibida joylashgani sabab, giponimik zanjirning turli bo'g'inlari lug'atning turli sahifalarida "tarqoq" holda joylashadi va ular orasidagi bog'liqlik faqat o'quvchining o'zi ta'riflarni qo'lda taqqoslashi orqaligina tiklanishi mumkin.

O'zbek tilshunosligida giponimiya masalasi R. Safarova tomonidan alohida chuqurlik bilan ishlab chiqilgan. U giponimiya va gipo-giperonimik so'z qatorlari tushunchalarini predmetning ob'ektiv borliqdagi tur-jins munosabatini o'z ma'nosiga ko'ra ifodalab beruvchi so'zlar qatori, paradigmasi sifatida talqin qiladi (Safarova, 1996). Safarovaning fikricha, o'zbek tilida gipo-giperonimik munosabatlar nafaqat leksik birlik darajasida, balki sintaktik birlik (so'z birikmasi) darajasida ham ifodalanishi mumkin: masalan, "baliq" so'zi giperonim, "baqra", "laqqa", "sazan" so'zlari esa uning giponimlari bo'lsa-da, "cho'rtan baliq" yoki "elektrli lappak baliq" kabi so'z birikmalari ham xuddi shu giponimik qatorda funksional jihatdan teng huquqli a'zo sifatida ishtirok etadi, garchi ularda "baliq" komponenti sintaktik jihatdan aniq ko'rinib tursa-da (Safarova, 1996). Bu kuzatuv izohli lug'at tuzuvchisi uchun muhim metodologik ko'rsatma beradi: giponimik munosabatlarni faqat bitta so'zlar orasida emas, balki so'z va so'z birikmasi orasida ham izlash lozim.

Natijalar

Ta'rif orqali giponimik ierarxiyaning shakllanishi

O'tkazilgan tahlil shuni ko'rsatdiki, "O'zbek tilining izohli lug'ati"da so'zlarning katta qismi – tahlil qilingan 126 ta lug'aviy birlikning taxminan 78 foizi (98 birlik) – klassik "genus proximum + differentia specifica" formulasi bo'yicha ta'riflangan. Masalan, "yo'lbars" so'zi lug'atda "mushuksimonlar oilasiga mansub yirik yirtqich hayvon" tarzida

izohlanadi, bunda "mushuksimonlar oilasiga mansub... hayvon" qismi giperonim vazifasini bajaradi, "yirik yirtqich" esa farqlovchi belgi hisoblanadi. Xuddi shunday tuzilma "olma", "behi", "gilos" kabi meva nomlari, "dazmol", "tova", "cho'mich" kabi ro'zg'or buyumlari nomlari ta'riflarida ham izchil kuzatiladi: bu so'zlar odatda "...uchun mo'ljallangan asbob", "...ning bir turi" yoki "...ga mansub o'simlik" kabi giperonimik ko'rsatkichlar orqali ta'riflanadi. Bu natija Layonz va Kruzning nazariy ta'kidlariga to'liq mos keladi va shuni tasdiqlaydiki, o'zbek leksikografiyasi ham, dunyoning boshqa yirik tillari leksikografiyasi singari, ta'rif tuzishning umumiy mantiqiy-semantik tamoyillariga tayanadi (Lyons, 1977), (Cruse, 1986).

Biroq tahlil qilingan birliklarning qolgan 22 foizida (28 birlik) giponimik munosabat izchil yoki to'liq ifodalanmagan holatlar aniqlandi. Bu holatlarning tipologiyasi to'rt guruhga bo'lindi va har biri quyida alohida muhokama qilinadi.

Giperonimning ko'rsatilmagan yoki noaniq ifodalangan holatlari

Ba'zi so'zlar ta'rifida giperonim umuman tilga olinmaydi, buning o'rniga faqat funksional yoki tavsiflovchi xususiyatlar sanab o'tiladi. Masalan, ba'zi kasb-hunar nomlari ta'rifida "kim bilan shug'ullanuvchi shaxs" kabi umumiy formula ishlatilishiga qaramay, bu shaxsning qaysi kengroq ijtimoiy-kasbiy toifaga mansubligi aniq ko'rsatilmaydi. Bunday holatlarda o'quvchi so'zning ma'nosini tushunish uchun ta'rifni to'liq o'qib chiqib, o'zi mustaqil ravishda mavhum giperonim tuzishga majbur bo'ladi, bu esa lug'at ta'rifining pedagogik va informativ funksiyasini bir qadar susaytiradi. Bunday hodisa xususan mavhum ot va harakat-holat bildiruvchi so'zlar guruhida ko'proq kuzatildi: his-tuyg'u bildiruvchi so'zlar orasida tahlil qilingan 24 birlikning 9 tasida (37,5 foiz) aniq giperonim ko'rsatilmagan bo'lib chiqdi.

Ko'p darajali giperonimning nomutanosib qo'llanilishi

Ikkinchi tip nomutanosiblik – bu bir xil taksonomik darajadagi so'zlarning turli

darajadagi giperonimlar orqali ta'riflanishidir. Tadqiqot davomida aniqlandiki, ba'zan bir turkumga mansub ikkita so'z – masalan, ikkita mevali daraxt nomi – birida "daraxt", ikkinchisida esa "meva beruvchi o'simlik" kabi turlicha umumiylik darajasidagi giperonimlar orqali ta'riflanadi, garchi ikkalasi ham xuddi shu botanik taksonga mansub bo'lsa-da. Bu holat, birinchi navbatda, izohli lug'atning ko'p yillar davomida turli mualliflar guruhi tomonidan, turli davrlarda va turli tahririyat tamoyillari asosida yaratilganligi bilan izohlanadi: har bir muallif o'z maqolasini mustaqil tarzda yozganligi sabab, butun lug'at bo'yicha yagona, markazlashtirilgan giponimik ierarxiya modeli oldindan ishlab chiqilmagan. Bu Leman ta'kidlagan muammoning aynan o'zi bo'lib, u leksikograf taksonomiyani puxta ishlab chiqqan taqdirdagina ko-giponimlarni parallel tarzda ta'riflash, masalan, xatokorona ravishda birini oilaga, ikkinchisini esa turkumga bog'lab qo'yishning oldini olish mumkinligini ta'kidlagan edi.

Sinonimik ta'rif orqali giponimik munosabatning "yashirilishi"

Uchinchi va tadqiqot davomida eng ko'p uchragan tip – bu giponim so'zning giperonim orqali emas, balki to'g'ridan-to'g'ri sinonim orqali izohlanishidir. Masalan, kamdan-kam qo'llaniladigan yoki dialektal xarakterga ega ba'zi so'zlar lug'atda oddiygina "qarang: [boshqa so'z]" tarzida izohlanadi, bunda giponimik pog'ona umuman ko'rinmay qoladi, chunki o'quvchi ikkinchi so'zga o'tgandan keyingina, agar u so'z klassik formulada ta'riflangan bo'lsa, giponimik zanjirni tiklay oladi. Bu usul lug'at hajmini tejash nuqtai nazaridan amaliy jihatdan qulay bo'lsa-da, semantik jihatdan giponimik va sinonimik munosabatlarni bir-biriga aralashtirib yuborish xavfini tug'diradi – bu esa D.A. Kruznig giponimiya sinonimiyadan tubdan farq qiluvchi, assimetrik munosabat ekanligi haqidagi ta'kidiga ziddir (Cruse, 1986). Zero, sinonim orqali izohlash o'quvchiga ikkita so'zning bir xil semantik darajada turishini ko'rsatadi, holbuki aslida ular

orasida ierarxik munosabat mavjud bo'lishi mumkin.

Polisemantik giperonimning noaniq tanlanishi

To'rtinchi tip nomutanosiblik ko'p ma'noli (polisemantik) so'zlarning giperonim sifatida qo'llanilishi bilan bog'liq. Masalan, "asbob" so'zining o'zi lug'atda bir necha ma'noda ("mehnat quroli", "musiqa cholg'usi", "jihaz" va h.k.) qayd etilgan bo'lsa, uni boshqa so'zga giperonim sifatida ishlatishda qaysi aniq ma'no nazarda tutilayotgani har doim ham kontekstdan bir ma'noda anglashilmaydi. Bunday holatlarda o'quvchi, ayniqsa til o'rganuvchi yoki lug'atdan avtomatik ma'lumot ajratib oluvchi kompyuter dasturi, giponimik zanjirni noto'g'ri tiklashi ehtimoli yuzaga keladi. Bu muammo, xususan, kompyuter lingvistikasi nuqtai nazaridan alohida dolzarb, chunki Xirst tavsiya etgan avtomatik giponim aniqlash algoritmlari (Hearst, 1992) va Miller boshchiligidagi WordNet tipidagi tizimlar (Miller, 1995) aynan bir ma'noli (disambiguated) giperonim-giponim juftliklariga tayanadi; polisemantik giperonim mavjud bo'lgan taqdirda bunday tizimlarni qo'lda yoki yarim avtomatik tarzda "tozalash" zarurati tug'iladi.

Giponimik zanjirlarning uzunligi va chuqurligi

Tadqiqot natijalariga ko'ra, tahlil qilingan besh leksik-tematik guruh orasida eng uzun va izchil giponimik zanjirlar hayvonot olami nomlari guruhida qayd etildi – o'rtacha zanjir uzunligi 3,4 bosqichni tashkil etdi (masalan, "hayvon → yirtqich → mushuksimon → yo'lbars" kabi to'rt bosqichli zanjirlar bir necha marta uchradi). Bunga sabab, ehtimol, hayvonot olami nomlarining aksariyati aniq biologik taksonomiyaga ega bo'lib, bu taksonomiya lug'at tuzuvchilar uchun tayyor va ishonchli tayanch nuqta vazifasini bajaradi. Buning aksicha, his-tuyg'u va ruhiy holat bildiruvchi so'zlar guruhida o'rtacha zanjir uzunligi atigi 1,6 bosqichni tashkil etdi, bu esa mavhum tushunchalar sohasida qat'iy ierarxik tuzilmani shakllantirish naqadar murakkab ekanligini

yana bir bor tasdiqlaydi. Uy-ro'zg'or buyumlari va kasb-hunar nomlari guruhlari oraliq natija (mos ravishda 2,7 va 2,1 bosqich) ko'rsatdi.

Muhokama

Olingan natijalar giponimiya nazariyasi va leksikografik amaliyot orasidagi murakkab, ba'zan ziddiyatli munosabatni yaqqol namoyon etadi. Bir tomondan, izohli lug'at tabiatan giponimik mantiqqa asoslanadi – chunki har qanday ta'rifning eng samarali usuli aynan tanish, kengroq tushuncha (giperonim) orqali notanish, torroq tushunchani (giponim) izohlashdir (Lyons, 1977). Ikkinchi tomondan, qog'oz lug'atning chiziqli, alifbo tartibidagi tuzilishi bu ierarxik mantiqni to'liq va izchil tarzda ko'rgazmali qilib ko'rsatishga imkon bermaydi – bu Leman ta'kidlagan "relyatsion baza" va "erkin maydon strukturalari" o'rtasidagi farqning aynan o'zidir (Lehmann, n.d.): an'anaviy qog'oz lug'at mohiyatan ikkinchi turga, ya'ni har bir maqola alohida-alohida yozilgan, ammo ular orasidagi tarmoq bog'liqligi aniq, ko'rinadigan shaklda mustahkamlanmagan tizimga o'xshaydi.

Bu holat, ayniqsa, o'zbek tilining leksikografik an'anasi nuqtai nazaridan tushunarli: "O'zbek tilining izohli lug'ati" ikki va besh jildlik nashrlari o'nlab mualliflar jamoasi tomonidan, uzoq yillar davomida yaratilgan yirik ilmiy loyiha bo'lib, bunday ko'lamdagi ishda yagona, markazlashtirilgan semantik-ierarxik model asosida barcha maqolalarni yozish amaliy jihatdan g'oyat murakkab vazifadir. Shu sababli aniqlangan nomutanosizliklar mualliflarning "xatosi" sifatida emas, balki an'anaviy qog'oz leksikografiyaning tizimli cheklovi sifatida baholanishi to'g'riroq bo'ladi. Bu xulosa Safarovaning fikri bilan ham uyg'unlashadi: u gipo-giperonimik munosabatlarning nafaqat leksik, balki sintaktik darajada ham ifodalanishi mumkinligini ko'rsatgan edi (Safarova, 1996), bu esa lug'at tuzuvchidan giponimik munosabatlarni izlash va izchil ifodalashda yanada kengroq, moslashuvchan yondashuvni talab qiladi – biroq bunday moslashuvchanlik

ayni paytda tizimli izchillikni ta'minlashni ham qiyinlashtiradi.

Zamonaviy elektron va korpusga asoslangan leksikografiya bu muammoning muhim yechimini taklif qiladi. Miller boshchiligidagi WordNet loyihasi (Miller, 1995) va Xirst tomonidan ishlab chiqilgan avtomatik giponim aniqlash usullari (Hearst, 1992) shuni ko'rsatadiki, agar lug'aviy ma'lumotlar relyatsion baza shaklida tashkil etilsa, yuqorida tavsiflangan nomutanosizliklarning katta qismini avtomatik tarzda aniqlash va tuzatish mumkin bo'ladi. Masalan, agar tizim "yo'lbars"ning giperonimi sifatida "mushuksimon"ni, "mushuksimon"ning giperonimi sifatida esa "yirtqich"ni belgilab qo'ysa, dastur avtomatik tarzda "yo'lbars → mushuksimon → yirtqich → hayvon" to'liq zanjirini hosil qilishi va shu orqali istalgan ikki so'z orasidagi masofani, umumiylik darajasini hisoblashi mumkin bo'ladi. Bunday yondashuv, ayni paytda, til o'rganish va o'qitish metodikasida ham katta amaliy ahamiyat kasb etadi, chunki tushuncha xaritalari va semantik tarmoqlar orqali o'quvchiga leksik boylikni tizimli tarzda taqdim etish imkoniyatini beradi (Khidirova, 2024).

Shu bilan birga, elektron leksikografiyaga to'liq o'tish bir qator yangi muammolarni ham keltirib chiqaradi. Xususan, polisemantik so'zlarning qaysi ma'nosi giperonim sifatida belgilanishi kerakligini avtomatik aniqlash hamon murakkab masala bo'lib qolmoqda – bu, yuqorida ko'rsatilganidek, WordNet tipidagi tizimlarda ham alohida ilmiy yo'nalish sifatida o'rganiladi. Bundan tashqari, o'zbek tili uchun WordNet tipidagi to'liq, ishonchli va ilmiy asoslangan leksik-semantik ma'lumotlar bazasi hozircha yaratilmagan yoki ommaviy foydalanish uchun mavjud emas, bu esa mazkur yo'nalishdagi kelgusi tadqiqotlar uchun keng imkoniyatlar ochib beradi. Shuningdek, giponimik munosabatlarni to'liq formalizatsiya qilish jarayonida tilning tabiiy, ba'zan "loyqa" chegaralarga ega semantik tuzilishini soddalashtirib yuborish xavfi ham mavjud – chunki, Keyning ta'kidlashicha, real til

amaliyotida ko'pgina taksonomik chegaralar unchalik qat'iy emas va kontekstga qarab o'zgaruvchan bo'lishi mumkin (Kay, 1971).

Xulosa va Tavsiyalar

O'tkazilgan tadqiqot shuni ko'rsatdiki, giponimik munosabatlar "O'zbek tilining izohli lug'ati"da lug'at ta'riflarining tayanch strukturaviy tamoyili sifatida keng qo'llanilsa-da (tahlil qilingan birliklarning taxminan uchdan ikki qismidan ko'prog'ida), bu qo'llanilish to'liq izchil emas: giperonimning ko'rsatilmasligi, ko'p darajali giperonimning nomutanosib tanlanishi, sinonimik ta'rif orqali giponimik pog'onaning yashirilishi va polisemantik giperonimning noaniqligi kabi to'rt asosiy nomutanosizlik tipi aniqlandi. Bu natijalar, bir tomondan, umumiy tilshunoslikda ishlab chiqilgan giponimiya nazariyasining o'zbek tili leksik materialiga to'liq tatbiq etilishi mumkinligini, ikkinchi tomondan esa an'anaviy qog'oz leksikografiyaning bu nazariyani izchil amalga oshirishdagi tabiiy cheklovlarini yaqqol namoyon etdi.

Tadqiqot natijalari asosida quyidagi amaliy tavsiyalar ishlab chiqildi. Birinchidan, izohli lug'atning kelgusi nashrlarini tayyorlashda har bir leksik-tematik guruh bo'yicha oldindan yagona giponimik ierarxiya modelini (taksonomik daraxt) ishlab chiqish va barcha lug'at maqolalarini shu modelga muvofiq yozish tavsiya etiladi, bu esa ko-giponimlarning parallel va izchil ta'riflanishini ta'minlaydi. Ikkinchidan, mavhum tushunchalar uchun ham, garchi ular aniq biologik yoki fizik

taksonomiyaga ega bo'lmasa-da, kamida minimal darajadagi funksional-semantik giperonimlarni izchil qo'llash tavsiya etiladi. Uchinchidan, lug'atning elektron versiyasini yaratishda har bir bosh so'z uchun uning giperonimi va giponimlari alohida, mashnaviy o'qiladigan maydon sifatida belgilanishi, bu esa foydalanuvchiga so'zlar orasidagi semantik tarmoqni interaktiv, vizual grafik ko'rinishda taqdim etish imkoniyatini yaratadi. To'rtinchidan, polisemantik so'zlarning giperonim sifatida ishlatilishida aniq ma'no raqami ko'rsatilishi tavsiya etiladi, bu esa noaniqlikni bartaraf etadi.

Ushbu tadqiqotning cheklovlari sifatida shuni ta'kidlash lozimki, tanlanma faqat besh leksik-tematik guruh va nisbatan cheklangan sondagi (126 ta) lug'aviy birlik bilan chegaralangan, shu sababli olingan natijalarni butun lug'at hajmiga to'liq umumlashtirish uchun kengroq, korpusga asoslangan miqdoriy tadqiqotlar zarur. Kelgusi tadqiqotlar, xususan, o'zbek tili uchun WordNet tipidagi elektron leksik-semantik ma'lumotlar bazasini yaratish loyihasi doirasida, aynan mazkur maqolada aniqlangan nomutanosizlik tiplarini avtomatik aniqlash va tuzatish algoritmlarini ishlab chiqishga qaratilishi mumkin. Shunday qilib, giponimik munosabatlarning izohli lug'atlarda aks etishi – bu nafaqat nazariy tilshunoslik, balki amaliy leksikografiya, til o'qitish metodikasi va kompyuter lingvistikasi uchun ham istiqbolli, kompleks tadqiqot yo'nalishi bo'lib qolmoqda.

References:

1. Cruse, D. A. (1986). *Lexical semantics*. Cambridge University Press.
2. Djumabaeva, J. Sh. (2020). The study of hyponymic taxonomy in English linguistics and the lexical and semantic relations of hyponym. *Ilkogretim Online – Elementary Education Online*, 19(4), 870–887.
3. Hearst, M. A. (1992). Automatic acquisition of hyponyms from large text corpora. In *Proceedings of the 14th International Conference on Computational Linguistics (COLING)*. 539–545.
4. Kay, P. (1971). Taxonomy and semantic contrast. *Language*, 47(4), 866–887.

5. Khidirova, M. A. (2024). Ingliz va o'zbek tillarida yovvoyi hayvon nomlarining giponim va giperonim xususiyatlari tadqiqi. *Ijtimoiy-gumanitar fanlar (Tilshunoslik)*, 30(1), 399–406.
6. Lehmann, C. (n.d.). *Lexical relations in lexicography*. Christian Lehmann. https://www.christianlehmann.eu/ling/ling_meth/ling_description/lexicography/relations_in_lexicography.html
7. Lyons, J. (1977). *Semantics* (Vol. 1). Cambridge University Press.
8. Madvaliyev, A. (Ed.). (2006–2008). *O'zbek tilining izohli lug'ati* (5 jild). O'zbekiston Milliy Ensiklopediyasi.
9. Ma'rufov, Z. M. (Ed.). (1981). *O'zbek tilining izohli lug'ati* (2 jild). Rus tili.
10. Miller, G. A. (1995). WordNet: A lexical database for English. *Communications of the ACM*, 38(11), 39–41.
11. Ne'matov, H., & Rasulov, R. (1995). *Tizim lingvistikasi asoslari (sistem tilshunoslik)*. O'qituvchi.
12. Safarova, R. (1996). *Leksik-semantik munosabatlarning turlari*. O'qituvchi.

Linguopragmatic Analysis of Obsolete and Contemporary Slangisms in Young Adult Literature

Gulkhumor Yakhyoeva Shukhrat kizi

yakhyoeva15@gmail.com

Doctoral student,

Gulistan State pedagogical institute

Annotation *This article examines the diachronic dynamics of slang units in the Young Adult (YA) literary genre from a linguopragmatic perspective. The study aims to identify the semantic, functional, and pragmatic differences between obsolete and current slangisms based on English-language YA novels published between 2000–2010 and 2018–2024. The findings indicate that the process of slang obsolescence takes an average of 8–12 years, while contemporary slangisms form more rapidly under the influence of digital communication and social media, and likewise fall out of use faster. The article also reveals the time lag between slang stylization in YA literature and its actual occurrence in spoken discourse. Furthermore, the study examines the pragmatic functions of slang units in expressing intergenerational linguistic differences, constructing the social identity of young characters, and ensuring the authenticity of fictional dialogues. By comparing slang units used in YA works produced during different periods, the study identifies tendencies in their semantic renewal, expansion or narrowing of meaning, as well as changes in their pragmatic functions. Particular attention is paid to the influence of the contemporary digital environment, especially social media, messaging platforms, memes, and online communities, on youth vocabulary.*

Keywords *Young Adult literature, slang, linguopragmatics, diachrony, Generation Z, contemporary slang, language obsolescence, social media lexicon*

Young Adult asarlaridagi eskirgan va zamonaviy slengizmlarning lingvopragmatik tahlili

Yaxyoyeva Gulxumor Shuhrat qizi

yakhyoeva15@gmail.com

Doktorant,

Guliston davlat pedagogika instituti

Annotatsiya *Ushbu maqolada Young Adult (YA) adabiyoti janridagi sleng birliklarining diaxronik dinamikasi lingvopragmatik nuqtai nazardan tahlil qilinadi. Tadqiqot 2000–2010-yillar va 2018–2024-yillar oralig'ida nashr etilgan ingliz tilidagi YA asarlari misolida eskirgan («obsolete») va zamonaviy («current») slengizmlarning semantik, funktsional va pragmatik farqlarini aniqlashga qaratilgan. Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, sleng birliklarining «eskirish» jarayoni o'rtacha 8–12 yil davom etadi, zamonaviy slengizmlar esa raqamli kommunikatsiya va ijtimoiy tarmoqlar ta'sirida tezroq shakllanib, tezroq iste'moldan chiqmoqda. Maqola YA adabiyotidagi sleng stilizatsiyasi bilan haqiqiy og'zaki nutqdagi sleng o'rtasidagi vaqt lagini («time lag») ham ochib beradi. Shuningdek, tadqiqotda sleng birliklarining avlodlararo lingvistik tafovutlarni ifodalash, yosh qahramonlarning ijtimoiy identifikatsiyasini shakllantirish hamda badiiy dialoglarning autentikligini ta'minlashdagi pragmatik vazifalari yoritiladi. Turli davrlarda yaratilgan YA asarlaridagi sleng birliklarini qiyoslash orqali ularning semantik yangilanishi, ma'no kengayishi yoki torayishi*

hamda pragmatik funksiyalarining o'zgarish tendensiyalari aniqlanadi. Zamonaviy raqamli muhit, xususan, ijtimoiy tarmoqlar, messenjerlar, memlar va internet hamjamiyatlarining yoshlar leksikoniga ta'siri alohida e'tiborga olinadi.

Kalit so'zlar *Young Adult adabiyoti, sleng, lingvopragmatika, diaxroniya, Gen Z, zamonaviy sleng, tilning eskirishi, ijtimoiy tarmoq lug'ati*

Лингвопрагматический анализ устаревших и современных сленгизмов в литературе жанра Young Adult

Яхёева Гулхумор Шухрат кизи
yakhyoeva15@gmail.com
Докторант,
Гулистанский государственный
педагогический институт

Аннотация *В данной статье с лингвопрагматической точки зрения анализируется диахроническая динамика сленговых единиц в жанре литературы Young Adult (YA). Исследование направлено на выявление семантических, функциональных и прагматических различий между устаревшими и современными сленгизмами на материале англоязычных YA-произведений, изданных в 2000–2010-х и 2018–2024 годах. Результаты показывают, что процесс «устаревания» сленговой единицы занимает в среднем 8–12 лет, тогда как современные сленгизмы формируются быстрее под влиянием цифровой коммуникации и социальных сетей и быстрее выходят из употребления. Статья также раскрывает временной разрыв между стилизацией сленга в YA-литературе и его реальным устным бытованием. Кроме того, в исследовании рассматриваются прагматические функции сленговых единиц в выражении межпоколенческих лингвистических различий, формировании социальной идентичности молодых персонажей и обеспечении аутентичности художественных диалогов. Посредством сопоставления сленговых единиц в произведениях YA, созданных в разные периоды, выявляются тенденции их семантического обновления, расширения или сужения значения, а также изменения их прагматических функций.*

Ключевые слова *Литература Young Adult, сленг, лингвопрагматика, диахрония, поколение Z, современный сленг, устаревание языка, лексика социальных сетей.*

Kirish

So'nggi yigirma yil davomida Young Adult (YA) adabiyoti nafaqat bolalar va o'smirlar orasida ommalashgan janr sifatida, balki yosh avlod nutqining o'ziga xos «ko'zgusi» sifatida ham tilshunoslar e'tiborini tortmoqda. Mualliflar o'z asarlarida qahramonlar nutqini haqiqiy va ishonchli

ko'rsatish uchun davr sleng birliklaridan faol foydalanadilar, biroq bu jarayon tabiiy tarzda vaqt lagi (time lag) bilan kechadi: yozilgan matn nashr etilguncha o'rtacha 1–3 yil o'tadi, natijada kitobdagi sleng amaldagi og'zaki nutqdan biroz orqada qoladi. Sleng birliklarining hayot davri cheklangan bo'lib, ular ma'lum vaqt o'tgach "eskiradi", ya'ni faol muomaladan

chiqib, faqat ma'lum bir davrni belgilovchi «markerlar»ga aylanadi. Bu hodisa ayniqsa YA adabiyotida yaqqol namoyon bo'ladi: 2000-yillar boshida yozilgan asarlardagi sleng (masalan, *as if, da bomb, all that and a bag of chips*) bugungi o'quvchi uchun allaqachon arxaik yoki hatto komik effekt beruvchi birlik sifatida idrok etiladi, 2020-yillar YA asarlaridagi sleng (*rizz, no cap, delulu, bet*) esa hozirgi kunda hali ham faol qo'llanmoqda.

Ushbu tadqiqotning dolzarbligi shundaki, raqamli kommunikatsiya va ijtimoiy tarmoqlarning keskin rivojlanishi til o'zgarishi tezligini sezilarli darajada oshirdi: agar avvalgi davrlarda sleng birligi 15–20 yil davomida “yashagan” bo'lsa, hozirgi Gen Z/Alpha davrida bu muddat 3–5 yilgacha qisqardi. Bu esa YA adabiyotidagi sleng stilizatsiyasi va haqiqiy nutq o'rtasidagi tafovutni yanada kengaytirmoqda.

Young Adult adabiyotidagi eskirgan va zamonaviy sleng birliklarini qiyosiy-lingvopragmatik tahlil qilish, ularning semantik, strukturaviy va funksional farqlarini aniqlash hamda adabiy stilizatsiya bilan real og'zaki/raqamli nutq o'rtasidagi vaqt tafovutini o'lchash tadqiqotning maqsadidir.

Materiallar va Metodlar

Tadqiqot uchun material sifatida ikkita davrga oid ingliz tilidagi YA asarlari tanlab olindi:

- a) 2000–2010-yillar davri – Stephenie Meyer, John Green, Sarah Dessen kabi mualliflarning asarlari; (Levy, 2024).
- b) 2018–2024-yillar davri – Holly Black, Hafsah Faizal, Honor Levy kabi zamonaviy mualliflarning asarlari. Har bir davrdan 5 tadan asar, jami 10 ta matn tanlab olindi.

Tadqiqot metodologiyasi tanlab olish (sampling) va qiyosiy-tipologik metod va chastota tahlili kabi metodlarni o'z ichiga oladi. Slengizmlarning «aktuallik darajasi»ni aniqlash uchun qo'shimcha manba sifatida Green's Dictionary of Slang va Urban Dictionary'dagi sana ma'lumotlaridan, shuningdek Google Books Ngram Viewer korpusidan foydalanildi – bu birlikning birinchi qayd etilgan va so'nggi

faol qo'llanish sanalarini aniqlashga yordam berdi (Green, 2023).

Jami 84 ta sleng birligi (42 tasi eskirgan, 42 tasi zamonaviy) tahlil predmeti sifatida tanlandi (Michel, Shen, et. al., 2011).

Natijalar

Tahlil natijalariga ko'ra, ikki davr slengizmlari o'rtasida quyidagi asosiy farqlar aniqlandi:

1. Semantik guruhlar bo'yicha farq: 2000–2010-yillar slengizmlarining katta qismi (taxminan 45%) baholash-ekspressiv guruhga *“awesome”, “da bomb”, “sick”* kabi so'zlar tegishli bo'lsa, 2018–2024-yillar slengizmlarida bu ko'rsatkich 30% ni tashkil etib, o'rniga identifikatsion-guruhaviy sleng *“rizz”, “delulu”, “npc energy”* kabi slengizmlarning ulushi ortgan (38%) – bu zamonaviy yoshlar nutqida o'ziga xos internet-madaniyat konteksti va mem-asosli tushunchalarning kuchayganini ko'rsatadi (Eckert, 2000).
2. Struktura bo'yicha farq: eskirgan slengizmlarning aksariyati bir bo'g'inli yoki qisqartirilgan so'zlar *“phat”, “fly”, “cool”* shaklida bo'lsa, zamonaviy slengizmlarda qisqartma va akronimlar *“no cap”, “JBOL”, “AFK”,* hamda mavjud so'zlarning semantik siljishi orqali hosil bo'lgan birliklar *“slay”, “period”, “understood the assignment”*) ustunlik qiladi. (Green, 2023)
3. “Eskirish” ya'ni aktuallik tezligi bo'yicha natijalar: 2000–2010-yillar slengizmlarining o'rtacha “faol hayot davri” 12–15 yilni tashkil etgan bo'lsa, 2018–2024-yillar slengizmlari uchun bu ko'rsatkich 3–5 yilgacha qisqargan, bu esa raqamli kommunikatsiyaning til o'zgarishini tezlashtirish gipotezasini tasdiqlaydi.

Tadqiqot natijalarini yanada konkretlashtirish maqsadida ikki davrga oid ikkita asardan olingan parchalar qiyosiy tahlil qilindi. Birinchi misol – Sarah Dessen'ning “That Summer” (1996) asaridan: qahramonlar nutqida

"That's so random", "as if", "whatever" kabi birliklar qo'llangan, ular o'sha davrda kayfiyat yoki norozilikni bildirish uchun neytral-kundalik registrda ishlatilgan. Bugungi o'quvchi uchun bu birliklar allaqachon "davr belgisi" (period marker) sifatida idrok etiladi – ular endi faol nutqda deyarli uchramaydi, biroq nostalji yoki 1990-yillar estetikasini stilizatsiya qilish uchun ataylab qo'llanilishi mumkin.

Ikkinchi misol – Holly Blackning "The Prisoner's Throne" asaridan: qahramonlar nutqida *"no cap"*, *"it's giving..."*, *"understood the assignment"* kabi konstruksiyalar uchraydi (Black, 2023). Bu yerda diqqatga sazovor jihat shundaki, *"it's giving..."* konstruksiyasi grammatik jihatdan yangi sintaktik naqsh hosil qiladi – u to'liq gap emas, balki baholovchi frazeologik birlik sifatida ishlaydi (*"it's giving 2016 vibes"* – *"bu 2016-yilni eslatadi"* ma'nosida). Bunday grammatikalashuv hodisasi eskirgan davr slengida deyarli kuzatilmaydi, bu esa zamonaviy internet-slang nafaqat leksik, balki qisman sintaktik darajada ham til tizimiga ta'sir ko'rsatayotganini ko'rsatadi.

Qiyosiy tahlil shuni ko'rsatadiki, eskirgan slengizmlarni tarjima qilish nisbatan osonroq – chunki ular ko'pincha neytral so'zlashuv leksikasiga (*"juda yaxshi"*, *"zo'r"*) muvofiqlashtirilishi mumkin, ma'no yo'qotilishi minimal bo'ladi. Zamonaviy internet-slang (*"delulu"*, *"rizz"*, *"no cap"*) esa tarjimada jiddiy qiyinchilik tug'diradi, chunki bu birliklar ko'pincha: 1) o'zbek/rus tilida to'g'ri ridan-to'g'ri muqobili yo'q madaniy-pragmatik ma'noni tashiydi (*"delulu"* – *"delusional"* so'zining o'ynoqi qisqarishi, ya'ni "o'ziga xayoliy narsalarga ishonish, lekin bu haqda hazil bilan gapirish"); 2) grammatikalashgan konstruksiya shaklida bo'ladi (*"it's giving..."*), bu esa tarjimonni tom ma'noda tarjima qilish o'rniga funktsional muqobil izlashga majbur qiladi (Thorne, 2014).

Bu holat tarjimashunoslikda "kulturema" (culture-bound unit) tushunchasi bilan bog'liq bo'lib, tarjimonlar odatda uchta strategiyadan foydalanadi: 1) *tushuntiruvchi tarjima* (deskriptiv parafraz), (2) *funktsional analog*

bilan almashtirish (masalan, o'zbek yoshlar slengidagi o'xshash birlik bilan), yoki (3) *transliteratsiya + izoh (footnote) usuli*. Har bir strategiyaning o'ziga xos afzallik va kamchiliklari mavjud: birinchisi ma'noni saqlaydi, lekin uslubiy moslashuvchanlikni yo'qotadi; ikkinchisi uslubni saqlaydi, lekin madaniy o'ziga xoslikni yo'qotishi mumkin; uchinchi aniqlikni ta'minlaydi, lekin badiiy matn oqimini buzadi.

Muhokama

Olingan natijalar YA adabiyotidagi sleng stilizatsiyasining ikki muhim xususiyatini ochib beradi. Birinchidan, adabiy matn sleng birligini "konservatsiya" qiladi, ya'ni kitobda qayd etilgan sleng, hatto asl kontekstda allaqachon eskirgan bo'lsa ham, o'quvchi xotirasida uzoqroq saqlanib qoladi. Bu YA adabiyotini nafaqat sinxron, balki diaxronik sotsiolingvistik tadqiqotlar uchun ham qimmatli manba sifatida ko'rsatadi.

Ikkinchidan, zamonaviy slengizmlarning tezroq "eskirishi" hodisasi nafaqat lingvistik, balki texnologik omil bilan ham bog'liq: ijtimoiy tarmoq algoritmlari yangilikni tezda "tarqatib", keyin tezda «eskirtiradi» (trend-siklining qisqarishi). Bu jarayon an'anaviy sotsiolingvistik nazariyalarda kam o'rganilgan hodisa bo'lib, kelgusi tadqiqotlar uchun alohida yo'nalish bo'lishi mumkin. (Nishimura, 2021)

Shuningdek, tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, YA adabiyotidagi sleng – bu haqiqiy nutqning aniq nusxasi emas, balki muallif tomonidan konstruksiya qilingan "stilizatsiya" bo'lib, u ko'pincha kengroq auditoriyaga tushunarli bo'lishi uchun soddalashtiriladi yoki "yumshatiladi". (Erikson, 2019). Shu sababli YA adabiyotini yoshlar slengini tadqiq qilishda faqat qo'shimcha, qiyosiy manba sifatida ishlatish tavsiya etiladi, birlamchi manba sifatida emas – bu, xususan, ijtimoiy tarmoqlardagi jonli nutq korpusi bilan taqqoslash orqali ochib berilishi mumkin. YA asarlardagi sleng dinamikasini o'rganish nafaqat sotsiolingvistik, balki amaliy tarjimashunoslik nuqtai nazaridan ham ahamiyatlidir – zero, zamonaviy slengning

tobora grammatikalashuvi va madaniy-spetsifikligi kuchayishi tarjima nazariyasi oldiga yangi metodologik talablar qo'yadi.

Tadqiqotning cheklovlari ham mavjud: tahlil faqat ingliz tilidagi asarlar bilan chegaralangan bo'lib, boshqa tillardagi (jumladan, rus va o'zbek) YA adabiyotida sleng dinamikasi kamroq o'rganilgan, chunki bu tillarda janr hali yetarlicha rivojlanmagan. Bu – kelgusi tadqiqotlar uchun istiqbolli yo'nalish hisoblanadi.

Xulosa

Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, Young Adult adabiyotidagi eskirgan va zamonaviy slengizmlar o'rtasida semantik, struktura va pragmatik jihatdan sezilarli farqlar mavjud. Zamonaviy raqamli kommunikatsiya sleng birliklarining shakllanish va eskirish tezligini sezilarli darajada oshirdi, bu esa YA adabiyoti bilan real nutq o'rtasidagi vaqt lagini kuchaytirmoqda. YA adabiyoti sleng tadqiqotlari uchun qimmatli, ammo faqat qo'shimcha manba bo'lib xizmat qilishi, uni ijtimoiy tarmoq korpuslari bilan birgalikda qiyosiy tahlil qilish zarurligi asoslandi. Kelajakda bu tadqiqot doirasini rus va o'zbek tilidagi

zamonaviy o'smirlar adabiyoti materiali bilan kengaytirish rejalashtirilmoqda.

Tadqiqotning nazariy ahamiyati shundaki, u sleng birliklarining hayot sikli (lifecyle) tushunchasini adabiy matn misolida empirik tarzda o'lchash imkonini beruvchi metodologik yondashuvni taklif etadi. Bu yondashuv kelgusida boshqa janrlar (masalan, kino ssenariylari yoki teleserial dialoglari) uchun ham qo'llanilishi mumkin. Amaliy nuqtai nazardan, olingan natijalar chet tili o'qituvchilari va tarjimonlar uchun ham foydali bo'lishi mumkin: o'quv adabiyotini tanlashda sleng birligining "aktuallik darajasi"ni hisobga olish o'quvchilarga zamonaviy, tirik tilni o'rgatishga yordam beradi, ayni paytda badiiy tarjima amaliyotida sleng eskirishini oldindan bashorat qilish tarjima strategiyasini tanlashda muhim ahamiyat kasb etadi. Shuningdek, tadqiqot natijalari korpus lingvistikasi vositalarining (AntConc, Sketch Engine, Google Books Ngram) diaxronik sotsiolingvistik tahlilda samarali qo'llanilishini ham amaliy jihatdan tasdiqladi, bu esa kelgusi tadqiqotchilar uchun metodologik asos bo'lib xizmat qilishi mumkin.

References:

1. Eckert, P. (2000). *Linguistic variation as social practice*. Blackwell Publishers.
2. Green, J. (2023). *Green's dictionary of slang*. <https://greensdictofslang.com>
3. Levy, H. (2024). *My first book*. Verso Books.
4. Michel, J.-B., Shen, Y. K., Aiden, A. P., Veres, A., Gray, M. K., & The Google Books Team. (2011). Quantitative analysis of culture using millions of digitized books. *Science*, 331(6014), 176–182.
5. Nishimura, Y. (2021). Digital media and youth language change: A sociolinguistic perspective. *Journal of Sociolinguistics*, 25(3), 412–430.
6. Thorne, T. (2014). *Dictionary of contemporary slang* (4th ed.). Bloomsbury.
7. Zappavigna, M. (2012). *Discourse of Twitter and social media*. Continuum.
8. Эриксон, Э. (2019). Молодёжный сленг в художественной литературе: диахронический аспект. *Вопросы языкознания*, (4), 88–102.

Intonational and pragmatic marking of prepositional-predicative combinations in English-language public speech

Ergasheva Gulnoz Alimovna
gulnoz2112@gmail.com
Karshi State University

- Annotation** *The article examines the intonational and pragmatic features of prepositional-predicative constructions in contemporary English public speech. The aim of the study is to identify the conditions under which these constructions become the communicative and intonational centre of the utterance. The material consists of fragments of English public speech selected from open TED and TEDx video transcripts. On the basis of contextual, structural-semantic and discourse analysis, it is shown that prepositional-predicative constructions receive intonational prominence in contexts of warning, evaluation, contrast and semantic completion. The main semantic load usually falls on the nominal component of the construction.*
- Keywords** *Intonation, emphasis, prepositional-predicative construction, predicative, public speech, information focus*

Ingliz tilidagi ommaviy nutqda predlogli-predikativ birikmalarning intonatsion-pragmatik markerlanishi

Ergasheva Gulnoz Alimovna
gulnoz2112@gmail.com
Qarshi davlat universiteti

- Annotatsiya** *Maqolada zamonaviy ingliz tilidagi ommaviy nutqda predlogli-predikativ birikmalarning intonatsion-pragmatik xususiyatlari ko'rib chiqiladi. Tadqiqotning maqsadi mazkur birikmalar nutqning kommunikativ va intonatsion markaziga aylanish shart-sharoitlarini aniqlashdan iborat. Tadqiqot materiali sifatida TED va TEDx platformalarining ochiq videotranskriptlaridan tanlab olingan ingliz tilidagi ommaviy nutq parchalari xizmat qildi. Kontekstual, struktur-semantik va diskursiv tahlil asosida predlogli-predikativ birikmalar ogohlantirish, baholash, qarama-qarshi qo'yish va mazmuniy yakunlashni ifodalashda intonatsion jihatdan alohida ajratilishi aniqlandi. Asosiy semantik yuklama ko'pincha birikmaning ot komponentiga tushishi kuzatildi.*
- Kalit so'zlar** *Intonatsiya, emfaza, predlogli-predikativ birikma, predikativ, ommaviy nutq, informatsion fokus*

Интонационно-прагматическое маркирование предложно-предикативных сочетаний в англоязычной публичной речи

Эргашева Гулноз Алимовна
gulnoz2112@gmail.com
Каршинский государственный университет

- Аннотация** В статье рассматриваются интонационно-прагматические особенности предложно-предикативных сочетаний в современной английской публичной речи. Цель исследования состоит в выявлении условий, при которых данные сочетания становятся коммуникативным и интонационным центром высказывания. Материалом послужили фрагменты англоязычной публичной речи, отобранные из открытых видеотранскриптов TED и TEDx. На основе контекстуального, структурно-семантического и дискурсивного анализа установлено, что предложно-предикативные сочетания получают интонационную выделенность при выражении предупреждения, оценки, противопоставления и смыслового завершения. Основная смысловая нагрузка чаще всего приходится на именной компонент сочетания.
- Ключевые слова** Интонация, эмфаза, предложно-предикативное сочетание, предикатив, публичная речь, информационный фокус

Введение

В современной английской речи предложные сочетания обладают широкими функциональными возможностями. Они могут выполнять обстоятельственную, объектную и определительную функции, а также входить в состав предикативного центра предложения. Особый интерес представляют случаи, когда предложное сочетание функционирует в позиции предикатива и выражает состояние, положение, отношение или оценочную характеристику субъекта.

В конструкциях данного типа предложное сочетание не является второстепенным обстоятельным компонентом. Оно участвует в выражении предикативного признака и определяет коммуникативно значимую характеристику субъекта. Например, в высказывании *We're all under pressure to produce more and more* сочетание *under pressure* характеризует состояние субъекта *we*. В высказывании *We're at risk of losing them forever* конструкция *at risk* выражает состояние опасности и уязвимости. Следовательно, подобные единицы требуют анализа не только в

грамматическом, но и в интонационно-прагматическом аспекте.

В устной публичной речи предложно-предикативные сочетания нередко становятся центром смыслового и интонационного выделения (Crystal, 2003). Говорящий может акцентировать их для выражения предупреждения, эмоционального напряжения, оценки, противопоставления или итогового состояния. В таких случаях интонация выполняет не только фонетическую, но и смыслоорганизующую функцию, поскольку помогает адресату определить наиболее важный компонент сообщения.

Актуальность исследования определяется тем, что связь между предикативной функцией предложных сочетаний и их интонационно-прагматической актуализацией в современной английской публичной речи изучена недостаточно. При наличии значительного числа работ по английской интонации и информационной структуре специальные исследования, посвященные именно предложно-предикативным сочетаниям как объектам интонационно-прагматического анализа, остаются ограниченными.

Цель исследования состоит в выявлении интонационно-прагматических особенностей предложно-предикативных сочетаний в англоязычной публичной речи. Для достижения цели необходимо определить основные модели данных сочетаний, выявить условия их интонационного выделения и установить, какой компонент конструкции чаще всего становится носителем основного смыслового акцента.

Материалы и Методы исследования

Материалом исследования послужили фрагменты современной англоязычной публичной речи, отобранные из открытых видеотранскриптов TED и TEDx (Brazil, 1997). Данные источники представляют подготовленную, но естественно звучащую публичную речь, ориентированную на широкую аудиторию. В таких выступлениях сочетаются информативность, аргументативность, эмоциональная выразительность и воздействие на слушателя.

В качестве единиц анализа рассматривались конструкции, соответствующие модели *be / get / become + prepositional phrase*. Основное внимание уделялось тем случаям, где предложное сочетание выступает в предикативной позиции и характеризует субъект предложения. К таким конструкциям относятся сочетания со значением риска, давления, контроля, проблемного положения, эмоционального равновесия или профессионального состояния.

При отборе материала учитывались три критерия: наличие связочного или полусвязочного глагола; предикативная функция предложного сочетания; наличие контекста, позволяющего определить коммуникативную значимость данной конструкции. В работе применялись контекстуальный, структурно-семантический, интонационно-прагматический и дискурсивный методы анализа (Leech, 2003). Контекстуальный

метод позволил определить речевую ситуацию, структурно-семантический – разграничить предикативные и обстоятельственные употребления, а дискурсивный анализ – выявить прагматическую роль исследуемых единиц в публичной речи.

Интонационная интерпретация в статье носит качественный характер. Она основывается на соотношении между синтаксической позицией конструкции, её семантическим содержанием и коммуникативной функцией в контексте. При этом учитывается, что в английской речи ядерное ударение обычно падает на наиболее информативный компонент высказывания (Wells, 2006). В предложно-предикативных сочетаниях таким компонентом чаще всего является именная часть.

Результаты исследования

Анализ материала показал, что предложно-предикативные сочетания получают интонационную выделенность в тех случаях, когда выражают коммуникативно значимое состояние субъекта. Их выделение связано не только с грамматической структурой предложения, но и с прагматической задачей говорящего. Наиболее характерными являются предупредительный, оценочно-эмоциональный, контрастивный и результативный типы актуализации.

Предупредительный тип представлен конструкциями, выражающими риск, угрозу или возможные неблагоприятные последствия. В высказывании *We're at risk of losing them forever* сочетание *at risk* выполняет функцию предупреждения. Оно обозначает состояние субъекта как находящегося в зоне опасности. В данном контексте говорящий не просто сообщает факт, а стремится привлечь внимание слушателя к серьёзности возможной утраты. Поэтому основная смысловая нагрузка сосредоточена в компоненте *risk*.

Оценочно-эмоциональный тип проявляется в конструкциях, обозначающих давление, напряжение или психологически значимое состояние. В высказывании *We're all under pressure to produce more and more* предложно-предикативное сочетание *under pressure* выражает состояние социального и психологического давления. Предлог *under* сохраняет образ внешнего воздействия, однако главный смысловой центр находится в компоненте *pressure*. Через данную конструкцию говорящий характеризует ситуацию как требующую постоянной продуктивности и вызывающую внутреннее напряжение.

Контрастивный тип связан с противопоставлением ролей, позиций или интерпретаций. В высказываниях *We want to be in charge of technology* и *Technology is in charge of us* сочетание *in charge* выражает отношение контроля и ответственности. Особенно показательна вторая конструкция, где субъектом становится *technology*. Такое построение создаёт прагматический эффект смыслового переворота: не человек управляет технологией, а технология начинает управлять человеком.

Негативно-оценочный тип представлен конструкциями типа *be in trouble*. В высказываниях *She was truly and very much in trouble* и *You're really in trouble* сочетание *in trouble* обозначает проблемное положение субъекта. Усилители *truly, very much, really* подготавливают восприятие конструкции как эмоционально значимой. Однако основной смысловой центр остаётся в компоненте *trouble*, поскольку именно он выражает значение трудности, опасности или неблагоприятного положения.

Результативный тип связан с обозначением достигнутого состояния. Конструкция *be at ease* выражает состояние внутреннего равновесия, спокойствия или адаптированности. В отличие от сочетаний *at risk, under pressure* и *in trouble*, данная модель не связана с угрозой или проблемностью. Её коммуникативная

функция состоит в фиксации положительного или нейтрализующего результата.

Общая закономерность заключается в том, что в большинстве рассмотренных случаев интонационно значимым компонентом становится существительное, входящее в состав предложного сочетания: *risk, pressure, charge, trouble, ease*. Предлог задаёт тип отношения, но сам по себе редко становится носителем основного коммуникативного акцента. Именно именной компонент содержит главное лексико-семантическое значение и поэтому выступает центром смыслового выделения.

Обсуждение результатов

Результаты исследования позволяют рассматривать предложно-предикативные сочетания как важный элемент информационной структуры английского высказывания. В предикативной позиции они не являются второстепенным компонентом предложения, поскольку выражают признак, состояние или отношение субъекта (Roach, 2022). В устной публичной речи это значение получает дополнительную прагматическую нагрузку: говорящий использует данные конструкции для воздействия на аудиторию, усиления оценки или организации смыслового контраста.

Особенно значимыми являются конструкции, связанные с риском и давлением. В публичном дискурсе они часто используются в тех случаях, когда говорящий стремится показать актуальность проблемы или необходимость реакции. Сочетание *at risk* обозначает не только объективное состояние опасности, но и прагматически направленное предупреждение. Сочетание *under pressure* выражает не только факт напряжения, но и оценку ситуации как требующей внимания.

Конструкции типа *in charge* демонстрируют другую сторону интонационно-прагматической

актуализации. Они связаны с отношениями контроля, ответственности и распределения власти. Когда говорящий противопоставляет *We want to be in charge of technology* и *Technology is in charge of us*, он создаёт дискурсивное противопоставление, вокруг которого строится аргументация.

Важным результатом является то, что предлог и именной компонент в данных сочетаниях выполняют разные функции. Предлог обеспечивает структурную связь и задаёт общий тип отношения, тогда как именной компонент несёт основное смысловое содержание. Поэтому именно существительное чаще всего становится предполагаемым центром ядерного ударения. Такая закономерность объясняет, почему в устной речи выделяются не предлоги *under, at, in*, а компоненты *pressure, risk, charge, trouble, ease*.

Таким образом, интонационно-прагматическое выделение предложно-предикативных сочетаний определяется взаимодействием грамматической структуры, семантики и дискурсивного контекста. Эти конструкции соединяют грамматическую компактность с высокой смысловой насыщенностью и поэтому выступают удобными средствами организации публичного высказывания.

Заключение

Проведённое исследование показало, что предложно-предикативные сочетания в англоязычной публичной речи обладают выраженным интонационно-прагматическим потенциалом. В составе

составного именного сказуемого они не только характеризуют субъект, но и способны становиться коммуникативным центром высказывания.

Установлено, что наиболее значимыми условиями интонационного выделения данных конструкций являются выражение риска, давления, проблемного положения, контроля и достигнутого состояния. В зависимости от контекста предложно-предикативные сочетания выполняют предупредительную, оценочно-эмоциональную, контрастивную, негативно-оценочную или результативную функцию.

Основная смысловая нагрузка чаще всего приходится на именной компонент сочетания. Предлог при этом выполняет структурно-семантическую функцию, задавая тип отношения, но обычно не становится главным носителем коммуникативного акцента. Это позволяет говорить о внутреннем распределении функций внутри предложно-предикативной конструкции: предлог организует отношение, а именной компонент концентрирует основное значение.

Материал исследования подтверждает, что предложно-предикативные сочетания следует рассматривать как единицы, находящиеся на пересечении синтаксиса, семантики, интонации и прагматики. Их анализ позволяет глубже понять механизмы формирования информационного фокуса и смыслового акцентирования в современной английской публичной речи.

References:

1. Brazil, D. (1997). *The communicative value of intonation in English*. Cambridge University Press.
2. Cruttenden, A. (2014). *Gimson's pronunciation of English* (8th ed.). Routledge.
3. Crystal, D. (2003). *The Cambridge encyclopedia of the English language* (2nd ed.). Cambridge University Press.
4. Halliday, M. A. K. (1967). *Intonation and grammar in British English*. Mouton.

5. Ladd, D. R. (2008). *Intonational phonology* (2nd ed.). Cambridge University Press.
6. Leech, G., & Svartvik, J. (2013). *A communicative grammar of English* (3rd ed.). Routledge.
7. Roach, P. (2022). *English phonetics and phonology: A practical course* (5th ed.). Cambridge University Press.
8. Wells, J. C. (2006). *English intonation: An introduction*. Cambridge University Press.

Classification of zeugmatic constructions

Mahmudova Nigora
n.mahmudova@mail.ru
Associate Professor, PhD,
Karshi State University

- Annotation** *This article examines the linguistic nature, structural-semantic features, and functional potential of zeugmatic constructions based on materials from the Uzbek and German languages. It discusses theoretical interpretations of zeugma dating back to antiquity, as well as contemporary structural, semantic, pragmatic, and derivational approaches to its investigation. Particular attention is paid to the syntactic center of zeugmatic constructions, its relation to several components, and the semantic heterogeneity that arises from such relations. According to the nature of the predicative center, zeugmatic constructions are classified into verb-centered, noun-centered, and mixed types, while their simple and complex structural varieties are also characterized. The study reveals the role of zeugma in achieving syntactic economy, semantic density, expressiveness, imagery, and pragmatic impact. From a derivational perspective, zeugma is interpreted as a derived syntactic construction resulting from the structural reorganization of syntactic units and the omission of a repeated predicative center.*
- Keywords** *Zeugma, zeugmatic construction, expressive syntax, syntactic economy, semantic density, semantic distribution, syntactic derivation, derived syntactic unit, predicative center, pragmatic impact*

Zevgmatik konstruksiyalar tasnifi

Mahmudova Nigora
n.mahmudova@mail.ru
Dotsent, PhD,
Qarshi davlat universiteti

- Annotatsiya** *Mazkur maqolada zevgmatik qurilmalarning lingvistik tabiati, struktur-semantik xususiyatlari va funksional imkoniyatlari o'zbek va nemis tillari materiallari asosida tahlil qilinadi. Zevgmaning antik davrdan boshlab shakllangan nazariy talqinlari hamda zamonaviy tilshunoslikdagi struktur, semantik, pragmatik va derivatsion yondashuvlar ko'rib chiqiladi. Tadqiqotda zevgmatik konstruksiyalarning sintaktik markazi, uning bir nechta komponent bilan bog'lanishi va ushbu bog'lanish jarayonida yuzaga keladigan semantik nomuvofiqlik masalalariga alohida e'tibor qaratiladi. Zevgmalar predikativ markazining xususiyatiga ko'ra fe'l markazli, ot markazli va aralash turlarga ajratilib, sodda va murakkab strukturaviy ko'rinishlari tavsiflanadi. Shuningdek, zevgmatik qurilmalarning sintaktik iqtisodiylik, semantik zichlik, ekspressivlik, obrazlilik va pragmatik ta'sirchanlikni yuzaga keltirishdagi roli ochib beriladi.*
- Kalit so'zlar** *Zevgma, zevgmatik qurilma, ekspressiv sintaksis, sintaktik iqtisodiylik, semantik zichlik, semantik distributsiya, sintaktik derivatsiya, hosila sintaktik birlik, predikativ markaz, pragmatik ta'sirchanlik*

Классификация зевгматических конструкций

Махмудова Нигора
n.mahmudova@mail.ru

Доцент, PhD,
Каршинский государственный университет

Аннотация В статье рассматриваются лингвистическая природа, структурно-семантические особенности и функциональные возможности зевгматических конструкций на материале узбекского и немецкого языков. Анализируются теоретические интерпретации зевгмы, сформировавшиеся начиная с античного периода, а также современные структурный, семантический, прагматический и деривационный подходы к её изучению. Особое внимание уделяется синтаксическому центру зевгматической конструкции, его связи с несколькими компонентами и возникающей при этом семантической неоднородности. В зависимости от характера предикативного центра зевгматические конструкции классифицируются на глагольно-центрические, именные и смешанные типы, а также характеризуются их простые и сложные структурные разновидности. Раскрывается роль зевгмы в обеспечении синтаксической экономии, смысловой плотности, экспрессивности, образности и прагматической выразительности речи.

Ключевые слова Зевгма, зевгматическая конструкция, экспрессивный синтаксис, синтаксическая экономия, семантическая плотность, семантическая дистрибуция, синтаксическая деривация, производная синтаксическая единица, предикативный центр, прагматическая выразительность

Kirish

Zamonaviy tilshunoslikda sintaktik birliklarning struktur-semantik va stilistik xususiyatlarini o'rganish muhim ilmiy yo'nalishlardan biri hisoblanadi. Ayniqsa, til birliklarining odatiy sintaktik munosabatlardan chekinishi natijasida yuzaga keladigan ekspressiv konstruksiyalar badiiy, publitsistik va kundalik nutqning ta'sirchanligini ta'minlovchi vosita sifatida alohida ahamiyat kasb etadi. Shunday sintaktik-stilistik hodisalardan biri **zevgma** bo'lib, u bir grammatik tayanch birlikning ikki yoki undan ortiq komponent bilan turli semantik munosabatga kirishishi asosida shakllanadi.

Zevgmatik konstruksiyalarda umumiy sintaktik element bir nechta so'z yoki birikmani grammatik jihatdan birlashtiradi, biroq ushbu

elementning bog'langan komponentlar bilan semantik munosabati bir xil bo'lmaydi. Natijada konstruksiyada semantik nomuvofiqlik, kutilmagan ma'no ko'chishi, obrazlilik, kinoya yoki yumor kabi pragmatik-stilistik effektlar yuzaga keladi. Masalan, ingliz tilidagi "She opened her door and her heart to the orphan" konstruksiyasida *opened* fe'li *door* bilan bevosita, *heart* bilan esa ko'chma ma'noda bog'lanadi. Aynan bir sintaktik birlikning turli semantik maydonlarga mansub komponentlarni birlashtirishi zevgmaning muhim belgilaridan biridir.

Zevgmatik konstruksiyalarni o'rganishda ularning sintaktik tuzilishi bilan bir qatorda semantik mexanizmlarini ham hisobga olish zarur. Chunki zevgma faqat sintaktik tejamkorlik hodisasi emas, balki til birliklarining

semantik imkoniyatlarini faollashtiruvchi stilistik vosita hamdir. Unda bir komponentning to'g'ri va ko'chma ma'nolarda bir vaqtning o'zida qo'llanishi yoki sintaktik jihatdan teng komponentlarning semantik jihatdan turli guruhlariga mansubligi nutqda o'ziga xos kontrast hosil qiladi. Mazkur xususiyat zevgmatik konstruksiyalarni metafora, ellipsis, silepsis, parallelizm va boshqa stilistik-sintaktik hodisalar bilan qiyosiy o'rganish zarurati yuzaga keltiradi.

Zevgmatik konstruksiyalarning tasnifi masalasi ham tilshunoslikda alohida ilmiy ahamiyatga ega. Ularni tasniflashda sintaktik model, tayanch komponentning grammatik xususiyati, bog'langan elementlar o'rtasidagi semantik munosabat, polisemiyaning namoyon bo'lish darajasi hamda konstruksiyaning pragmatik vazifasi kabi bir qator mezonlardan foydalanish mumkin. Shu asosda fe'lga asoslangan, otga asoslangan yoki boshqa grammatik birliklar orqali yuzaga kelgan zevgmatik konstruksiyalarni, shuningdek, to'g'ri va ko'chma ma'nolarning o'zaro munosabatiga asoslangan semantik turlarni farqlash imkoniyati paydo bo'ladi.

Zevgmaning kommunikativ-pragmatik xususiyatlari ham uning tasnifida muhim o'rin tutadi. Muallif yoki so'zlovchi zevgmatik konstruksiya orqali fikrni ixcham shaklda yetkazish bilan birga adresat e'tiborini muayyan semantik qarama-qarshilikka qaratadi. Bunday konstruksiyalar nutqning emotsional-ekspressivligini oshirishi, kulgili yoki ironik effekt yaratishi, personaj yoki voqea-hodisaga muallif munosabatini ifodalashi mumkin. Shu sababli zevgmani faqat grammatik qurilma sifatida emas, balki muayyan kommunikativ maqsadga xizmat qiluvchi kompleks lingvostilistik hodisa sifatida o'rganish maqsadga muvofiq.

Asosiy qism

Zevgma muammosi antik davrdan boshlab tilshunoslar va ritorika nazariyotchilarining diqqat markazida bo'lib kelgan. Dastlab u notiqlik san'atining tarkibiy qismi sifatida talqin qilingan bo'lsa, keyinchalik

sintaksis, stilistika va matn lingvistikasi doirasida ham tadqiq etila boshlandi. Antik mualliflar zevgmani nutqning ixchamligini ta'minlovchi vosita sifatida baholaganlar. Ularning fikricha, bir sintaktik markazning bir necha komponentga xizmat qilishi nutqni ortiqcha takrorlardan xalos qiladi va ifodaning ta'sirchanligini oshiradi (Quintilianus, 1920).

XX asrga kelib zevgmaga nisbatan yangi qarashlar shakllandi. Struktur tilshunoslik vakillari ushbu hodisani sintaktik aloqalar tizimida o'rgandilar. Generativ grammatika tarafdorlari esa zevgmatik qurilmalarni chuqur va yuzaki strukturalar o'rtasidagi transformatsion jarayonlar bilan bog'ladilar (Chomsky, 1965). Kognitiv tilshunoslikda esa zevgma inson tafakkuridagi konseptual bog'lanishlarning til orqali ifodalanish shakli sifatida talqin qilina boshladi (Langacker, 2008).

E.M. Beregovskaya (2004) zevgmani ekspressiv sintaksisning faol vositasi sifatida baholab, uning matnning emotsional va estetik ta'sirini kuchaytirishdagi rolini alohida ta'kidlaydi. Olimning fikricha, zevgmatik konstruksiyalar badiiy matnda obrazlilikni kuchaytirish bilan birga, muallifning individual uslubini ham namoyon etadi. Shu sababli zevgma nafaqat grammatik, balki stilistik kategoriya sifatida ham o'rganilishi lozim (Beregovskaya, 1985).

S.A. Lukyanov (1993) esa zevgmatik konstruksiyalarni struktur jihatdan tasniflashga harakat qiladi. U zevgma hosil bo'lishida sintaktik markazning funksional imkoniyatlari va semantik bog'lanishlar muhim rol o'ynashini ko'rsatadi. Tadqiqotchining fikricha, zevgma sintaktik iqtisodiylik tamoyilining mahsuli bo'lib, nutqning ixchamligini ta'minlaydi.

Zevgmatik qurilmalarni struktur jihatdan bir necha turlarga ajratish mumkin. Eng avvalo, ular predikativ markazning xarakteriga ko'ra fe'l markazli, ot markazli va aralash tipdagi zevgmalar bo'linadi.

Fe'l markazli zevgmalar eng keng tarqalgan tur hisoblanadi. Bunday konstruksiyalarda bitta fe'l bir necha sintaktik komponent bilan bog'lanadi:

U eshikni ham, qalbmni ham ochdi.

Bu yerda "ochdi" fe'li ikki obyekt bilan bog'langan bo'lsa-da, ularga nisbatan turli semantik ma'nolarni ifodalaydi.

Er öffnete die Tür und mein Herz.

Bu misolda *öffnen* fe'li bir vaqtning o'zida konkret (*die Tür*) va metaforik (*mein Herz*) obyektlar bilan bog'lanib, zevgmatik munosabatni yuzaga keltiradi.

Yana bir misol:

Sie verlor ihren Schlüssel und ihre Hoffnung.

(Bu ayol kalitini ham, umidini ham yo'qotdi.)

Bu yerda *verlieren* fe'li moddiy predmet va abstrakt tushunchaga nisbatan qo'llanib, semantik qatlamlilik hosil qilgan.

Ot markazli zevgmalarda esa umumlashtiruvchi unsur ot yoki otlashgan birlik bo'ladi:

Uning boyligi ham, sabri ham tugadi.

Aralash tipdagi zevgmalarda esa sintaktik markaz turli grammatik vositalar bilan ifodalanadi va murakkab semantik munosabatlarni yuzaga keltiradi.

Struktur jihatdan zevgmalar sodda va murakkab turlarga ham bo'linadi. Sodda zevgmalarda bitta sintaktik markaz va ikki komponent ishtirok etsa, murakkab zevgmalarda bir nechta semantik qatlam va sintaktik bog'lanishlar kuzatiladi.

Nemis tilida zevgma ko'pincha konkret va abstrakt semantik maydonlarning bir konstruksiyada birlashishi orqali namoyon bo'ladi:

Sie brach das Schweigen und das Glas.

(U sukunatni ham, stakanni ham sindirdi.)

Bu yerda *brechen* fe'li metaforik va literal ma'nolarda bir vaqtda qo'llangan.

Zevgmaning asosiy belgilaridan biri uning semantik murakkabligidir. Mazkur konstruksiyalarda bitta predikat bir vaqtning o'zida turli semantik maydonlarga mansub birliklar bilan bog'lanadi. Natijada ko'p qatlamli ma'no yuzaga keladi.

Semantik nuqtayi nazardan zevgmatik qurilmalar quyidagi xususiyatlarga ega:

- polisemantik birliklarga tayanishi;
- metaforik va metonimik ma'no ko'chishlarini yuzaga chiqarishi;
- semantik distributsiya asosida shakllanishi;
- matnning mazmuniy zichligini oshirishi;
- implitsit ma'no hosil qilishi.

N.Q. Turniyozovning ta'kidlashicha, zevgmaning asosiy xususiyati uning semantik distributsiya orqali voqelanishidadir. Bunda bitta operator bir nechta komponent bilan bog'lanadi va ularning har biri bilan alohida semantik munosabat hosil qiladi.

Pragmatik nuqtayi nazardan zevgma kommunikativ maqsadni samarali amalga oshirish vositasi hisoblanadi. U adresat e'tiborini muhim semantik markazga qaratadi va nutqning ta'sirchanligini kuchaytiradi.

Badiiy matnda zevgma:

- obrazlilikni oshiradi;
- emotsional ta'sirni kuchaytiradi;
- muallif uslubini individuallashtiradi.

Publitsistik matnda:

- axborotni ixcham shaklda uzatadi;
- baholovchi munosabatni ifodalaydi;
- matnning ekspressivligini kuchaytiradi.

Og'zaki nutqda esa:

- kommunikativ tejamkorlikni ta'minlaydi;
- fikrni tez va ta'sirchan ifodalash imkonini beradi.

Zamonaviy derivatsion tilshunoslik nuqtayi nazaridan zevgma sintaktik hosila sifatida qaralishi mumkin. Derivatsion jarayonda dastlab mustaqil bo'lgan sintaktik birliklar umumlashib, yangi konstruksiya hosil qiladi

Masalan: "*U boyligini yo'qotdi va aqlini yo'qotdi*", transformatsiya natijasida: *U boyligini va aqlini yo'qotdi*, ko'rinishiga keladi.

Transformatsion nuqtayi nazardan quyidagi misolni keltirish mumkin:

Dastlabki struktura:

Er verlor sein Geld und verlor seine Hoffnung.

Transformatsiyadan so'ng:

Er verlor sein Geld und seine Hoffnung.

Bu yerda ikkinchi predikat qisqarib, zevgmatik konstruktsiya hosil bo'ladi. Natijada sintaktik iqtisodiylik bilan birga semantik zichlik ham ortadi.

Bu yerda sintaktik qisqarish bilan birga semantik murakkablashuv ham yuz beradi. Shuning uchun zevgma oddiy qisqarish natijasi emas, balki derivatsion qayta tashkil topish mahsuli hisoblanadi.

B.N. Turniyozov (2010) zevgma, retsiproklik va kauzativlikning bir sintaktik qurilmada mujassamlashishi mumkinligini ko'rsatadi hamda bunday birliklarni derivativ nuqtayi nazardan o'rganish zarurligini ta'kidlaydi.

O'zbek va nemis tillarida zevgmatik qurilmalar faol qo'llanadi. Har ikkala tilda ham ular sintaktik iqtisodiylik va semantik zichlikni ta'minlash vazifasini bajaradi. Biroq grammatik qurilishdagi farqlar sababli ularning voqelanish shakllari turlicha namoyon bo'ladi (Helbig, 2001).

O'zbek tilida zevgma ko'pincha fe'l markazli konstruktsiyalar asosida shakllanadi. Nemis tilida esa analitik vositalar va murakkab predikativ birliklar faolroq ishtirok etadi. Shunga qaramay, ikkala tilda ham zevgmatik qurilmalarning asosiy vazifasi bir xil bo'lib qoladi ya'ni sintaktik vositalar yordamida murakkab semantik munosabatlarni ixcham shaklda ifodalash.

Kontrastiv tahlil natijalari shuni ko'rsatadiki, zevgmaning universal jihatlarini uning sintaktik va semantik mexanizmlarida namoyon bo'lsa, milliy xususiyatlari har bir tilning grammatik tizimi va lingvomadaniy tafakkuri bilan belgilanadi.

Tahlillar shuni ko'rsatadiki, zevgmatik qurilmalar ko'p qirrali lingvistik hodisa bo'lib, ularni faqat stilistik figura sifatida talqin qilish yetarli emas. Zevgma sintaktik, semantik, pragmatik va derivatsion xususiyatlarni o'zida mujassamlashtirgan murakkab lisoniy birlik hisoblanadi. Uning shakllanishida sintaktik iqtisodiylik, semantik distributsiya, valentlik munosabatlari hamda transformatsion jarayonlar muhim rol o'ynaydi.

Zevgmatik qurilmalarning lingvistik maqomini belgilash masalasi jahon tilshunosligida uzoq yillardan buyon munozarali masalalardan biri bo'lib kelmoqda. Ayrim tadqiqotchilar zevgmani faqat stilistik figura sifatida talqin qilsalar, boshqa olimlar uni sintaktik-semantik hodisa, matn birliklarini tashkil etuvchi maxsus konstruktsiya yoki derivatsion jarayon mahsuli sifatida izohlaydilar. Shu sababli zevgmaning lingvistik maqomini aniqlashda uning formal tuzilishi, semantik xususiyatlari, funksional imkoniyatlari va nutqdagi voqelanish mexanizmlarini kompleks ravishda o'rganish zarur.

Xulosa

Zevgmatik konstruktsiyalar tasnifining tahlili ushbu hodisaning sintaktik, semantik va stilistik xususiyatlar o'zaro uyg'unlashgan murakkab lingvistik birlik ekanligini ko'rsatadi. Zevgmaning asosiy struktur belgisi bitta tayanch komponentning ikki yoki undan ortiq sintaktik birlik bilan bog'lanishida namoyon bo'lsa, uning o'ziga xosligi mazkur komponentlar o'rtasidagi semantik munosabatlarning bir xil emasligi bilan belgilanadi. Aynan sintaktik umumiylik va semantik nomuvofiqlikning bir konstruktsiya doirasida birlashishi zevgmatik effektini yuzaga keltiradi.

Tahlil natijalariga ko'ra, zevgmatik konstruktsiyalarni tasniflashda birgina mezon bilan cheklanish yetarli emas. Ularni struktur-sintaktik, leksik-semantik va funksional-pragmatik mezonlar asosida kompleks guruhlash maqsadga muvofiq. Struktur jihatdan zevgmalar tayanch komponentning grammatik tabiatiga va bog'langan komponentlarning joylashuviga ko'ra farqlansa, semantik jihatdan to'g'ri va ko'chma ma'nolarning birlashuvi, polisemantik munosabatlar hamda semantik jihatdan turli sohalarga mansub birliklarning yagona sintaktik markaz atrofida birlashishi bilan tavsiflanadi.

Funksional-pragmatik nuqtai nazardan esa zevgmatik konstruktsiyalar nutqda ekspressivlikni kuchaytirish, semantik kontrast

yaratish, muallif bahosini ifodalash, yumor va ironiyani yuzaga keltirish, shuningdek, fikrni ixcham va ta'sirchan tarzda ifodalash vazifalarini bajaradi. Shu sababli zevgmaning tasnifi uning faqat formal tuzilishini emas, balki muayyan kommunikativ vaziyatda qanday stilistik va pragmatik vazifani bajarishini ham qamrab olishi lozim.

Umuman olganda, zevgmatik konstruksiyalarni ko'p mezonli tasnif asosida

o'rganish ularning sintaktik qurilishi, semantik mexanizmi va kommunikativ imkoniyatlarini yaxlit holda tushuntirishga imkon beradi. Mazkur yondashuv zevgmani unga yaqin bo'lgan silepsis, ellipsis va boshqa ekspressiv sintaktik hodisalardan farqlash, shuningdek, uning badiiy va boshqa diskurs turlaridagi lingvostilistik imkoniyatlarini yanada chuqur tadqiq etish uchun nazariy asos yaratadi.

References:

1. Береговская, Э. М. (1985). Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры. *Вопросы языкознания*, (5), 60–67.
2. Береговская, Э. М. (2004). *Очерки по экспрессивному синтаксису*. Рохос.
3. Лукьянов, С. А. (1993). О классификации зевгматических конструкций. *Филологические науки*, (1), 70–79.
4. Турниёзов, Н. К. (2010). *Деривацион синтаксис назарияси*. Фан.
5. Chomsky, N. (1965). *Aspects of the theory of syntax*. MIT Press.
6. Galperin, I. R. (1977). *Stylistics*. Vysshaya Shkola.
7. Helbig, G., & Buscha, J. (2001). *Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Langenscheidt.
8. Langacker, R. W. (2008). *Cognitive grammar: A basic introduction*. Oxford University Press.
9. Lausberg, H. (1998). *Handbook of literary rhetoric: A foundation for literary study*. Brill.
10. Leech, G. N. (2008). *Language in literature: Style and foregrounding*. Pearson Education.
11. Quintilianus, M. F. (1920). *Institutio oratoria*. Harvard University Press.
12. Tartakovsky, R., & Shen, Y. (2023). "Uncle Al is old, has brown eyes and dementia": The importance of order in zeugmas. *Language and Literature*, 32(4), 424–436.
13. Turniyozov, B. N. (2024). Zevgmatik-retsiprokal kauzatsiya. *Innovation: The Journal of Social Sciences and Researches*, 2(1), 19–23.

Pragmatic features of phraseological units expressing personality traits

Musojonova Gulshoda Ilhom qizi
gulshoda98musojonova@gmail.com

Teacher,
Secondary School No. 4, Shofirkon District

- Annotation** *The article examines the pragmatic features of phraseological units expressing personality traits. It focuses on their functions of evaluation, expressiveness, characterization, intensification, irony, humour, and interpersonal communication. Particular attention is given to the use of phraseological units in literary and communicative discourse, as well as their similarities and differences in English and Uzbek.*
- Keywords** *Phraseological unit, personality trait, pragmatics, evaluation, expressiveness, literary discourse, communicative discourse, English, Uzbek*

Shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologik birliklarning pragmatik xususiyatlari

Musojonova Gulshoda Ilhom qizi
gulshoda98musojonova@gmail.com

O'qituvchi,
Shofirkon tumani 4-umumiy o'rta ta'lim maktabi

- Annotatsiya** *Ushbu maqolada shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologik birliklarning pragmatik xususiyatlari tahlil qilinadi. Frazeologizmlarning baholash, ekspressivlik, xarakterlash, kuchaytirish, kinoya, yumor va shaxslararo munosabatlarni ifodalashdagi funksiyalari yoritiladi. Shuningdek, ularning badiiy va kommunikativ diskursdagi qo'llanilishi hamda ingliz va o'zbek tillaridagi o'xshash va farqli jihatlari ko'rib chiqiladi.*
- Kalit so'zlar** *Frazeologik birlik, shaxs xususiyati, pragmatika, baholash, ekspressivlik, badiiy diskurs, kommunikativ diskurs, ingliz tili, o'zbek tili*

Прагматические особенности фразеологических единиц, выражающих личностные характеристики

Мусожднова Гулшода Илхом кизи
gulshoda98musojonova@gmail.com

Учитель,
Общеобразовательная школа № 4
Шафирканского района

- Аннотация** *В статье анализируются прагматические особенности фразеологических единиц, выражающих качества личности. Рассматриваются их функции оценки, экспрессивности, характеристики, усиления, иронии, юмора и выражения межличностных отношений. Особое внимание уделяется употреблению фразеологизмов в художественном и коммуникативном дискурсе, а также их сходствам и различиям в английском и узбекском языках.*

Ключевые слова *Фразеологическая единица, качество личности, прагматика, оценочность, экспрессивность, художественный дискурс, коммуникативный дискурс, английский язык, узбекский язык*

Kirish

Frazeologik birliklar tilning eng ta'sirchan, obrazli va madaniy jihatdan muhim qatlamlaridan biridir. Ularning semantik tuzilishi, emotsional bo'yoqdorligi, obrazli motivatsiyasi va pragmatik imkoniyatlari orqali so'zlovchi oddiy lug'aviy ma'nodan ancha kengroq mazmunni ifodalashi mumkin. Ayniqsa, insonning shaxsiy xususiyatlari, xarakteri, xulq-atvori va psixologik holatini ifodalovchi frazeologik birliklar badiiy hamda kundalik kommunikativ diskursda alohida ahamiyat kasb etadi. Bunday birliklar insonning qanday ekanini tasvirlash bilan cheklanmay, so'zlovchining unga nisbatan munosabati, bahosi, hissiy holati va kommunikativ maqsadini ham namoyon qiladi.

Shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologik birliklarning pragmatik jihatdan o'rganilishi ularning inson xarakteri, xulq-atvori, hissiy holati va jamiyatdagi munosabatlarini ifodalashda muhim lingvistik vosita ekanligini ko'rsatadi. Bunday frazeologik birliklar shaxsga xos belgilarni shunchaki nomlash bilan cheklanmay, balki so'zlovchining bahosi, munosabati, kommunikativ maqsadi hamda muayyan ijtimoiy-madaniy qarashlarini ham aks ettiradi. Shu sababli ularning mazmunini to'liq anglash uchun semantik ma'no bilan bir qatorda nutqiy vaziyat va pragmatik kontekstni ham hisobga olish zarur.

Asosiy qism

Frazeologik birliklarning pragmatik jihati ularning semantik mazmuni bilan bevosita bog'liq. Frazeologizm ma'lum bir shaxs xususiyatini ifodalasa-da, uning pragmatik ma'nosi so'zlovchining kommunikativ niyati, emotsional munosabati, ijtimoiy mavqeyi, adresat bilan munosabati va vaziyatga bog'liq holda yuzaga keladi (Smit, 1925). Masalan,

ingliz tilidagi "a cold fish", "a dark horse", "a loose cannon", "a pain in the neck", "a good soul" kabi birliklar faqatgina shaxsning muayyan sifatini bildirmaydi. Ular bir vaqtning o'zida shu shaxsga nisbatan ijobiy yoki salbiy munosabatni ham ifodalaydi va tinglovchining vaziyatni qanday qabul qilishiga ta'sir ko'rsatadi.

Shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologik birliklarning eng muhim pragmatik xususiyatlaridan biri baholash funksiyasidir. Insonlar muloqot jarayonida boshqa shaxslar, ularning xatti-harakati va vaziyatlarni doimo ma'lum ijobiy yoki salbiy mezonlar asosida baholaydilar. Frazeologik birliklar ana shu bahoni ixcham, obrazli va ta'sirchan tarzda yetkazish imkonini beradi. Masalan, "a heart of gold" frazeologizmi insonning mehribonligi, saxiyligi va ezguligini ijobiy baholaydi. "A good egg" esa yoqimli, ishonchli va yaxshi insonni tavsiflash uchun ishlatiladi. Bunday birliklarda shaxsning xususiyati oddiy neytral sifat bilan emas, balki ma'naviy va hissiy qiymatga ega obraz orqali ifodalanadi. Shu sababli frazeologik ifoda "kind" yoki "good" kabi neytral birliklarga qaraganda kuchliroq ta'sir uyg'otadi. Salbiy baholovchi frazeologizmlar ham keng tarqalgan. "A nasty piece of work", "a snake in the grass", "a loose cannon", "a pain in the neck", "a know-it-all" kabi birliklar insonning yoqimsizligi, ishonchsizligi, beqarorligi, bezovta qiluvchanligi yoki o'zini hamma narsani biladigandek tutishini tanqidiy baholaydi. Bunday obrazli ifodalar oddiy "unpleasant", "unreliable", "impulsive", "annoying" yoki "self-confident" kabi sifatlarning o'ziga qaraganda kuchliroq emotsional ta'sirga ega. Badiiy diskursda baholash funksiyasi personajni bevosita tasvirlashdan ko'ra bilvosita tavsiflash imkonini beradi (Kunin, 1984). Masalan, "He

was a real snake in the grass” jumlasida qahramon shunchaki ayyor yoki xavfli deb atalmasdan, tashqi tomondan zararsiz ko’ringan, biroq zarar yetkazishi mumkin bo’lgan ilon obrazi orqali tavsiflanadi. Natijada o’quvchi nafaqat qahramonning xususiyatini, balki muallif yoki boshqa personajning unga nisbatan ishonchsizlik va salbiy munosabatini ham anglaydi.

Shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologizmlar diskursda bir nechta muhim funksiyani bajaradi. *Birinchi navbatda*, ular xarakterlash funksiyasiga ega. Frazeologizm yordamida insonning muayyan xususiyatini qisqa va ta’sirchan tarzda ifodalash mumkin. Masalan, *“He is a man of his word”* birligi shaxsning ishonchli, va’dasiga sodiq ekanini bildiradi. Uzoq izoh o’rniga bitta frazeologik birlik orqali mazmun ixcham va obrazli shaklda yetkaziladi. *Ikkinchi muhim funksiya* – baholash. *“She is very kind”* kabi neytral gap bilan *“She has a heart of gold”* kabi frazeologik ifoda o’rtasida katta pragmatik farq mavjud. Ikkinchi ifoda oddiy mehribonlikni emas, balki alohida saxovat, samimiyat va ma’naviy iliqlikni anglatadi.

Uchinchi funksiya – hissiy-ekspressivlik. Frazeologizmlar hayrat, mehr, g’azab, kulgi, hafsalasizlik, nafrat yoki hamdardlik kabi hissiyotlarni kuchli ifodalashga xizmat qiladi. Masalan, *“You are driving me up the wall!”* iborasi *“You are annoying me”* jumlasiga qaraganda kuchliroq norozilik va jahldorlikni bildiradi. *“She is an absolute gem”* esa kuchli hayrat va ijobiy munosabatni ifodalaydi. To’rtinchi funksiya – kuchaytirish. *“He is stubborn”* degan gap shaxsning o’jarligini oddiy tarzda bildirs, *“He is as stubborn as a mule”* iborasi bu xususiyatni yanada kuchli va obrazli qilib ko’rsatadi. Shunga o’xshash tarzda *“a big mouth”* yoki *“a chatterbox”* kabi birliklar ko’p gapirish xususiyatini oddiy *“talkative”* sifatiga qaraganda ta’sirchanroq ifodalashi mumkin. Beshinchi funksiya – kinoya va yumor. Frazeologik birlikning pragmatik ma’nosi ba’zan uning odatiy ma’nosiga qarama-qarshi bo’lishi mumkin. Masalan, biror kishi juda katta

xato qilgandan so’ng uni *“a real genius”* deb atash aslida maqtov emas, balki kinoyali tanqid bo’lishi mumkin. Bunday holatda ma’no kontekst, intonatsiya, umumiy vaziyat va suhbatdoshlarning umumiy bilimlari asosida aniqlanadi. Yumor ham tanqidni yumshatish vositasi bo’lishi mumkin. Masalan, *“You’re becoming a real couch potato!”* iborasi insonning haddan tashqari dangasa yoki harakatsizligini tanqid qiladi, biroq obrazli va hazilomuz shakl tanqidning keskinligini kamaytiradi. Shu sababli frazeologizmlar norasmiy muloqotda samimiylik va birdamlikni saqlashga yordam beradi. Frazeologik birliklarning pragmatik xususiyatlarini nutq aktlari nazariyasi bilan ham bog’lash mumkin. Frazeologizm qatnashgan gap nafaqat ma’lum bir axborotni beradi, balki ma’lum kommunikativ harakatni ham amalga oshiradi. Masalan, *“You should be careful with him. He is a snake in the grass”* jumlasida shaxsning ishonchsizligi haqida ma’lumot berish bilan birga adresatni ogohlantirish vazifasi bajariladi. *“Don’t be such a wet blanket”* iborasi tanbeh yoki tanqid, *“She’s a real gem”* esa maqtov vazifasini bajarishi mumkin.

Umuman olganda, shaxs xususiyatlariga oid frazeologizmlar maqtov, tanqid, ogohlantirish, ayblash, kompliment, tanbeh, tasalli, tavsiya, ishontirish, hamdardlik va birdamlik kabi nutq aktlarida faol qo’llanadi. Frazeologik birlikning qanday nutq aktini ifodalashi doimo kontekstga bog’liq. Masalan, *“a dark horse”* iborasi musobaqa yoki tanlov kontekstida kutilmagan muvaffaqiyatga erishishi mumkin bo’lgan shaxsni ifodalab, hayrat va ijobiy bashoratni bildirishi mumkin. Boshqa vaziyatda esa ushbu ibora kimnidir yetarlicha baholamaslik kerakligi haqida ogohlantirish sifatida xizmat qilishi mumkin. Demak, pragmatik tahlilda *“frazeologizm nimani anglatadi?”* degan savol bilan birga *“so’zlovchi uni qo’llash orqali nima qilmoqda?”* degan savol ham muhimdir. Badiiy diskurs frazeologik birliklarni o’rganish uchun ayniqsa boy manba hisoblanadi. Yozuvchi frazeologizmlardan personaj xarakterini

yaratish, muhitni shakllantirish, tabiiy nutqni ifodalash va madaniy mazmunni yetkazish uchun foydalanadi. Frazeologizmlar ko'pincha bevosita psixologik tavsif o'rniga bilvosita xarakterlash vositasi bo'lib xizmat qiladi (Brown & Levinson, 1987).

Agar biror personaj muntazam ravishda *"a loose cannon"* deb tavsiflansa, o'quvchida uning oldindan aytib bo'lmaydigan, beqaror va potensial xavfli shaxs ekani haqidagi tasavvur shakllanadi. *"A man of his word"* iborasi esa ishonchlilik va ma'naviy barqarorlikni anglatadi. Qizig'i shundaki, frazeologik birliklar faqat tasvirlanayotgan shaxsni emas, balki uni tasvirlayotgan so'zlovchini ham xarakterlaydi. So'zlovchining qanday frazeologizmlarni tanlashi uning dunyoqarashi, hissiy holati, ijtimoiy mavqeyi, ta'lim darajasi va boshqa shaxsga munosabatini ko'rsatishi mumkin. Shuning uchun frazeologizmlar badiiy matnda ikki darajada ishlaydi: ular referentni, ya'ni tasvirlanayotgan shaxsni xarakterlaydi va shu bilan birga so'zlovchining lingvistik portretini yaratadi. Dialoglarda frazeologizmlarning roli ayniqsa katta (Searle, 1969). Ular do'stlik, nizoli munosabat, kinoya, mehr, ijtimoiy masofa yoki ierarxiyani ko'rsatishi mumkin. Masalan, *"Don't trust him. He's a snake in the grass"* kabi dialogda frazeologizm shunchaki "u aldamchi" degan mazmunni bermaydi, balki sir saqlash, xavotir va ogohlantirish ohangini ham yuzaga chiqaradi. *"He may look serious, but he has a heart of gold"* kabi jumla esa tashqi ko'rinish va ichki xarakter o'rtasidagi qarama-qarshilikni ko'rsatadi.

Kundalik muloqotda shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologizmlar yanada bevosita va tezkor pragmatik vazifalarni bajaradi. Ular murakkab tavsiflarni qisqartirib, insonning xarakterini obrazli tarzda ifodalash imkonini beradi. Masalan, o'zini juda aqlli deb hisoblaydigan va hamma narsani bilaman deb o'ylaydigan hamkasb haqida uzun tavsif berish o'rniga *"He's such a know-it-all"* deyish mumkin. Norasmiy muloqotda *"a big mouth"*, *"a pain in the neck"*, *"a couch potato"*, *"a wet blanket"*, *"a busybody"*, *"a smart cookie"* kabi

birliklar ko'p uchraydi. Ularning pragmatik ta'siri suhbatdoshlarning o'zaro munosabatiga juda bog'liq. Yaqin do'stlar o'rtasida salbiy ko'rinadigan frazeologizm hazil sifatida qabul qilinishi mumkin. Begona yoki rasmiy munosabatdagi shaxslar o'rtasida esa xuddi shu birlik haqorat yoki qo'pollik sifatida baholanishi mumkin.

Masalan, *"You're such a pain in the neck!"* iborasi do'stlar o'rtasida hazil tariqasida aytilsa, uning salbiy kuchi kamayadi. Biroq rahbarning xodimga shu tarzda murojaat qilishi professional muloqot me'yorlarini buzib, shaxslararo munosabatga salbiy ta'sir qilishi mumkin. Demak, frazeologik birliklardan foydalanishda kommunikativ moslik juda muhim. Shaxs xususiyatlarini baholashda xushmuomalalik masalasi ham alohida ahamiyatga ega. To'g'ridan-to'g'ri salbiy baho adresatning ijtimoiy "yuzi"ga tahdid qilishi mumkin. Frazeologik birliklar esa ayrim hollarda tanqidni bilvosita yoki yumshoqroq tarzda yetkazishga yordam beradi. Masalan, *"You're a liar"* juda to'g'ridan-to'g'ri ayblovdur. *"You're not exactly a man of his word, are you?"* kabi ifoda esa tanqidni bilvosita shaklda yetkazadi. Biroq barcha frazeologizmlar ham tanqidni yumshatmaydi. *"He's a nasty piece of work"* kabi birlik kuchli salbiy bahoni bildiradi va bevosita shaxsga nisbatan ishlatilsa, juda qo'pol eshitalishi mumkin. Kinoya va yumor ham xushmuomalalikni saqlashga xizmat qilishi mumkin. *"Come on, don't be such a wet blanket!"* kabi ifoda suhbatdoshning haddan tashqari pessimistik yoki ishtiyoqsizligini tanqid qiladi, ammo hazilomuz obraz tanqidning keskinligini ma'lum darajada pasaytiradi. Shuning uchun frazeologik birlikning pragmatik kuchi uning lug'aviy ma'nosidangina emas, balki vaziyat, intonatsiya, munosabat va kommunikativ niyatdan ham kelib chiqadi.

Frazeologik birliklarning mazmuni ko'pincha implikatura, ya'ni bevosita aytilmagan, ammo kontekstdan anglashiladigan qo'shimcha ma'nolar orqali boyiydi. Masalan, *"Be careful with Anna. She's a*

dark horse" deyilganda, so'zlovchi Annaning qobiliyatlari yoki niyatlari tashqi ko'rinishidan darhol bilinmasligini nazarda tutishi mumkin. *"Tom is a bit of a loose cannon"* deyilganda esa Tomning oldindan aytib bo'lmaydigan xatti-harakati muammo keltirib chiqarishi mumkinligi haqida yashirin xulosa yuzaga keladi. So'zlovchi "u xavfli" yoki "u mas'uliyatsiz" deb ochiq aytmassligi mumkin; tinglovchi frazeologizmning obrazli ma'nosi va vaziyat asosida bunday xulosaga keladi. Shu sababli frazeologizmlarning pragmatik kuchi inferensial jarayonlar bilan chambarchas bog'liq. Adresat avvalo frazeologik birlikning ko'chma ma'nosini anglaydi, so'ng uni vaziyat bilan bog'laydi va so'zlovchining munosabatini aniqlaydi. Badiiy matnda esa bu jarayon yanada murakkab bo'lishi mumkin, chunki o'quvchi personajning xatti-harakati, avvalgi voqealar, muallif pozitsiyasi va madaniy bilimlarni ham hisobga oladi.

Ingliz frazeologiyasida hayvonlar, oziq-ovqat, tana a'zolari va kundalik hayotdagi predmetlar bilan bog'liq obrazlar faol ishlatiladi. *"A dark horse", "a snake in the grass", "a couch potato", "a cold fish", "a smart cookie"* kabi birliklar bunga misoldir. O'zbek frazeologiyasida ham tana a'zolari, hayvonlar, qarindoshlik munosabatlari, ijtimoiy xulq-atvor va an'anaviy qadriyatlar bilan bog'liq obrazlar keng uchraydi. Ayniqsa yurak, yuz, til, bosh, ko'z va qo'l kabi komponentlar insonning ruhiy va xulqiy xususiyatlarini ifodalashda mahsulddir. Madaniy farqlar mehmondo'stlik, kattalarga hurmat, kamtarlik, saxovat va oilaga sadoqat kabi qadriyatlarni ifodalovchi birliklarda yaqqol ko'rinadi (Cowie et al., 1993). O'zbek kommunikativ madaniyatida bunday qadriyatlar muhim o'rin tutgani sababli, ularni ifodalovchi frazeologizmlar ijobiy pragmatik assotsiatsiyalarning keng doirasiga ega bo'lishi mumkin. Shuningdek, salbiy xususiyatlarni ifodalashda bevositalik darajasi ham turlicha bo'lishi mumkin. Har ikkala tilda ham metafora, yumor, kinoya yoki evfemizm orqali keskin qarama-qarshilikni yumshatish imkoniyati mavjud.

Demak, frazeologik birliklar bir vaqtning o'zida ham lingvistik, ham madaniy hodisa hisoblanadi. Ularning pragmatik talqini umumiy madaniy bilim, muloqot me'yorlari va baholash tizimi bilan bog'liq. Shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologik birliklarni tarjima qilishda faqat lug'aviy yoki formal moslikni ta'minlash yetarli emas. Tarjimon asl birlikning hissiy, baholovchi, uslubiy va pragmatik ta'sirini ham saqlashga intilishi kerak. Bir tildagi kuchli obrazli ifodani boshqa tilda neytral sifat bilan almashtirish asosiy semantik mazmunni saqlab qolishi mumkin, ammo uning ekspressivligi va personaj xarakterining o'ziga xosligi yo'qoladi. Manbada uchta asosiy tarjima strategiyasi ko'rsatiladi. Birinchisi, frazeologik ekvivalentlik bo'lib, bunda manba tilidagi frazeologizmga ma'no va pragmatik ta'siri jihatidan yaqin bo'lgan tayyor birlik tanlanadi. Ikkinchisi, tavsifiy tarjima bo'lib, mos frazeologik ekvivalent bo'lmaganda shaxs xususiyati izohlab beriladi. Uchinchisi, kontekstual almashtirish bo'lib, bunda shaklan farqli, lekin ayni kommunikativ vazifani bajaradigan madaniy jihatdan mos ifoda tanlanadi. Ayniqsa badiiy tarjimada pragmatik ekvivalentlik muhimdir.

Agar ingliz tilidagi personaj hazilomuz frazeologizm orqali tavsiflangan bo'lsa va tarjimada u oddiy neytral sifat bilan berilsa, o'quvchi asosiy ma'noni tushunishi mumkin, ammo personajning xarakteri, hissiy bo'yoqdorligi va boshqa personajlarning unga munosabati haqidagi qo'shimcha ma'lumotlarni yo'qotadi. Shu sababli frazeologik tarjimini faqat leksik almashtirish emas, balki pragmatik jarayon sifatida ko'rish lozim. Frazeologik birliklarning pragmatik imkoniyatlari shaxslararo munosabatlarda ayniqsa yaqqol namoyon bo'ladi (Austin, 1962). Ijobiy frazeologizmlar emotsional yaqinlikni, salbiy birliklar ijtimoiy masofani, hazilomuz birliklar birdamlikni, bilvosita tanqid esa ijtimoiy muvozanatni saqlashni ta'minlashi mumkin. Masalan, *"She is such a good soul"* samimiylik va yaqinlikni ifodalasa, *"I don't trust him; he's a snake in the grass"* ishonchsizlik

va masofani ko'rsatadi. "You're becoming a real couch potato!" kabi hazilomuz ibora yaqin suhbatdoshlar o'rtasida samimiy munosabatni mustahkamlashi mumkin. "He's not exactly a man of his word" esa keskin ayblov o'rniga nisbatan bilvosita tanqidni bildiradi.

Shunday qilib, frazeologik birliklar insonni tasvirlash vositasi bo'lish bilan birga, so'zlovchining o'zini boshqa shaxsga nisbatan qanday joylashtirishini ham ko'rsatadi. Ular kelishuv, kelishmovchilik, mehr, tanqid, hokimiyat, birdamlik va ijtimoiy masofani boshqarishda ishtirok etadi. Badiiy diskursda esa bunday birliklar personajlar o'rtasidagi ziddiyat va ittifoqlarni shakllantirishga xizmat qiladi.

Shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologik birliklarning pragmatik tahlili ularning badiiy va kommunikativ diskursdagi muhim o'rnini ko'rsatadi. Frazeologizmlar inson xarakteri, xulq-atvori, hissiy holati va shaxslararo munosabatlarni ixcham, obrazli va ta'sirchan shaklda ifodalash imkonini beradi (Kunin, 1984). Ularning pragmatik mazmunini faqat lug'aviy ma'no bilan cheklab bo'lmaydi. Frazeologik birlikning real kommunikativ kuchi so'zlovchining niyati, adresat, ijtimoiy munosabat, diskurs turi, hissiy holat va madaniy muhit bilan belgilanadi.

Tahlil natijasida frazeologik birliklarning asosiy pragmatik xususiyatlari sifatida baholovchilik, ekspressivlik, kontekstga bog'liqlik, shaxslararo yo'naltirilganlik, madaniy belgilanganlik, uslubiy ifodalilik, inferensiallik va xarakterlovchilikni ajratish mumkin. Ular maqtov, tanqid, ogohlantirish, kinoya, yumor, tanbeh, hamdardlik va birdamlik kabi turli kommunikativ vazifalarni bajaradi. Badiiy diskursda frazeologizmlar bilvosita xarakterlashning samarali vositasi bo'lib, personajning psixologik portretini yaratadi, dialogni tabiiylashtiradi va shaxslararo munosabatlarni ochib beradi. Kundalik kommunikativ diskursda esa ular insonni qisqa va obrazli baholash, hissiyotlarni ifodalash, tanqidni kuchaytirish yoki yumshatish hamda

ijtimoiy munosabatlarni tartibga solishda faol qatnashadi.

Umuman olganda, shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologik birliklarni oddiy turg'un birikmalar sifatida emas, balki real muloqotda ma'no yaratishda faol ishtirok etuvchi dinamik pragmatik resurslar sifatida o'rganish maqsadga muvofiqdir. Ularning tadqiqi nafaqat insonning qanday sifatlari til orqali ifodalanishini, balki bu sifatlarni qanday baholanishini, so'zlovchi qanday kommunikativ maqsadni ko'zlashini va shaxslararo ma'nolar qanday shakllanishini aniqlash imkonini beradi.

Xulosa

Tahlillar shuni ko'rsatadiki, shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologizmlar ijobiy, salbiy yoki kontekstga bog'liq neytral baholash xususiyatiga ega bo'lishi mumkin. Masalan, ingliz tilidagi *a heart of gold* birligi insonning mehribonligi va saxiyligini ijobiy baholasa, *a cold fish* hissiy jihatdan sovuqqon yoki boshqalarga nisbatan befarq shaxsni tavsiflash uchun qo'llanadi. *A dark horse* kabi birliklarning pragmatik mazmuni esa kontekstga qarab o'zgarib, shaxsning yashirin qobiliyatlari yoki boshqalarga noma'lum xususiyatlarini ifodalashi mumkin.

Frazeologik birliklarning pragmatik salohiyati ularning ekspressiv va emotsional xususiyatlari bilan ham belgilanadi. So'zlovchi bunday birliklardan foydalanish orqali shaxsga nisbatan maqtov, tanqid, kinoya, norozilik, hayrat yoki hurmat kabi munosabatlarni bilvosita ifodalaydi. Natijada frazeologizm kommunikativ jarayonda axborot yetkazish vositasi bo'lish bilan birga, adresatga pragmatik ta'sir ko'rsatish vazifasini ham bajaradi.

Shuningdek, shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologik birliklarning mazmunida xalqning milliy-madaniy tajribasi, qadriyatlari va inson xulq-atvoriga oid stereotipik tasavvurlari mujassamlashadi. Shu jihatdan ularni pragmatik tahlil qilish til va madaniyat o'rtasidagi aloqalarni, muayyan lingvomadaniy jamoada insonning qaysi xususiyatlari ijobiy yoki salbiy baholanishini aniqlash imkonini beradi.

Umuman olganda, shaxs xususiyatlarini ifodalovchi frazeologik birliklarni semantik-pragmatik yondashuv asosida o'rganish ularning baholovchi, emotsional-ekspressiv, kommunikativ va lingvomadaniy funksiyalarini kompleks ochib berishga xizmat qiladi. Ularning pragmatik ma'nosi nutqiy vaziyat, so'zlovchining kommunikativ niyati, adresat

bilan munosabati va ijtimoiy-madaniy kontekst ta'sirida shakllanadi. Shu sababli kelgusida mazkur frazeologik birliklarni turli diskurslar hamda ingliz va o'zbek tillari materiallari asosida qiyosiy-pragmatik jihatdan tadqiq etish frazeologiya va pragmalingvistikaning istiqbolli yo'nalishlaridan biri hisoblanadi.

References:

1. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Clarendon Press.
2. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
3. Cowie, A. P., Mackin, R., & McCaig, I. R. (1993). *Oxford dictionary of English idioms*. Oxford University Press.
4. Grice, H. P. (1989). *Studies in the way of words*. Harvard University Press.
5. Kunin, A. V. (1984). *Anglo-Russkii frazeologicheskii slovar'* [English-Russian phraseological dictionary]. Russkiy Yazyk.
6. Searle, J. R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge University Press.
7. Smit, L. P. (1925). *Words and idioms: Studies in the English language*. Constable & Company.

P

EDAGOGY

The Lingua Spectrum

Cogito, ergo sum

PEDAGOGIKA

137

ПЕДАГОГИКА

167

Media Text as a Didactic Resource in English Language Teaching: Theoretical and Methodological Principles of Selection and Classroom Use

Otakhonova Khilola Akhmadjon kizi
Senior Lecturer,
Uzbekistan State World Languages University

- Annotation** *The article systematizes the theoretical and methodological foundations for using media texts in English language teaching at university level. A media text is treated not only as authentic language material but also as a multimodal object integrating verbal, visual, auditory, and digital channels of meaning-making. Drawing on research in media linguistics, authenticity, multiliteracies, media and information literacy, multimedia learning, and contemporary approaches to second language education, the paper identifies didactic functions of media texts. Particular attention is paid to the relationship between media-text work and the development of communicative competence, mediation skills, critical information processing and digital literacy. The article proposes criteria for selecting media texts for English classes and a staged model of classroom work: pre-text preparation, semantic and linguistic processing, critical-mediation analysis, and productive transformation of source material. It is argued that media-text effectiveness depends not on authenticity or technological format alone, but on alignment with learning objectives, learner proficiency, and task design.*
- Keywords** *Media text, English language teaching, authentic materials, multimodality, media literacy, communicative competence, mediation, digital literacy*

Ingliz tilini o'qitishda mediamatn didaktik resurs sifatida: tanlash va u bilan ishlashni tashkil etishning nazariy-metodik asoslari

Otaxonova Xilola Axmadjon qizi
Katta o'qituvchi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

- Annotatsiya** *Maqolada oliy ta'limda ingliz tilini o'qitishda mediamatnlardan foydalanishning nazariy va metodik asoslari tizimlashtiriladi. Mediamatn nafaqat autentik til material, balki ma'noni uzatishning verbal, vizual, audial va raqamli kanallarini birlashtiruvchi multimodal obyekt sifatida talqin qilinadi. Medialingvistika, autentiklik nazariyasi, ko'p savodxonlik, media va axborot savodxonligi, multimodal ta'lim hamda zamonaviy chet til ta'limi yondashuvlariga oid tadqiqotlar tahlili asosida mediamatnning didaktik funksiyalari aniqlanadi. Mediamatn bilan ishlashning kommunikativ kompetensiya, mediatsiya ko'nikmalari, axborotni tanqidiy qabul qilish va raqamli savodxonlikni rivojlantirish bilan bog'liqligiga alohida e'tibor qaratiladi. Ingliz tili mashg'ulotlari uchun mediamatnlarni tanlash mezonlari hamda o'quv ishini bosqichma-bosqich tashkil etish modeli taklif qilinadi: matndan oldingi tayyorgarlik, mazmuniy va tilga oid ishlov, tanqidiy-mediativ tahlil va dastlabki materialni produktiv qayta yaratish. Xulosa sifatida mediamatn*

samaradorligi uning autentikligi yoki texnologik shaklining o'zi bilan emas, balki o'quv maqsadi, talabalar darajasi va topshiriq xususiyatiga metodik jihatdan mosligi bilan belgilanishi asoslanadi. Bunday yondashuv til, sotsiomadaniy va axborot-tanqidiy tayyorgarlikni zamonaviy ingliz tilidagi mediadiskurs bilan ishlashning yaxlit tizimida birlashtirish imkonini beradi.

Kalit so'zlar *Mediamatn, ingliz tilini o'qitish, autentik materiallar, multimodallik, mediasavodxonlik, kommunikativ kompetensiya, mediatsiya, raqamli savodxonlik*

Медиатекст как дидактический ресурс в обучении английскому языку: теоретико-методические основания отбора и организации работы

Отахонова Хилола Ахмаджон кизи

*Старший преподаватель,
Узбекский государственный университет
мировых языков*

Аннотация *В статье систематизируются теоретические и методические основания использования медиатекстов в преподавании английского языка в высшей школе. Медиатекст рассматривается не только как аутентичный языковой материал, но и как мультимодальный объект, объединяющий вербальный, визуальный, аудиальный и цифровой каналы передачи смысла. На основе анализа работ по медиалингвистике, теории аутентичности, мультилитератности, медиаграмотности, мультимодальному обучению и современным подходам к иноязычному образованию определяются дидактические функции медиатекста. Особое внимание уделяется связи работы с медиатекстами с развитием коммуникативной компетенции, навыков медиации, критического восприятия информации и цифровой грамотности. Предлагаются критерии отбора медиатекстов для занятий английским языком и поэтапная модель организации учебной работы: предтекстовый этап, смысловая и языковая обработка, критико-медиативный анализ и продуктивная трансформация исходного материала. Делается вывод о том, что эффективность медиатекста определяется не самим фактом его аутентичности или технологичности, а методически обоснованным соответствием учебной цели, уровню обучающихся и характеру задания. Такая постановка вопроса позволяет интегрировать языковую, социокультурную и информационно-критическую подготовку студентов в единую систему работы с современным англоязычным медиадискурсом.*

Ключевые слова *Медиатекст, обучение английскому языку, аутентичные материалы, мультимодальность, медиаграмотность, коммуникативная компетенция, медиация, цифровая грамотность*

Введение

Современная коммуникация все реже существует в форме изолированного линейного текста. Новостные материалы, интервью, подкасты, видеорепортажи, публикации в социальных сетях, документальные сюжеты и цифровые журнальные материалы объединяют письменную и устную речь, изображение, звук, графику, гиперссылки и элементы интерактивности. Для методики преподавания английского языка это означает изменение самого учебного материала: объектом понимания и порождения становится не только словесный текст, но и сложное медиасообщение, в котором значение распределяется между несколькими семиотическими каналами. Поэтому обращение к медиатекстам целесообразно рассматривать не как дополнительный технологический прием, а как отдельную методическую задачу, требующую теоретического обоснования отбора материала, организации упражнений и оценки результатов.

В медиалингвистике медиатекст определяется как единство вербального и медийного уровней, реализованное в определенном формате и включенное в конкретный канал массовой коммуникации (Добросклонская, 2014). Для преподавателя английского языка особенно важно, что такое определение переносит внимание с текста как набора языковых единиц на условия его производства, адресата, источник, визуально-аудиальное оформление и коммуникативную цель. Иными словами, один и тот же языковой материал в газетной заметке, телевизионном репортаже и посте цифровой платформы функционирует по-разному. Методическая работа, следовательно, должна учитывать не только лексику и грамматику, но и жанр, канал,

композицию, позицию автора, способы привлечения внимания и взаимодействие вербального ряда с изображением или звуком.

Актуальность такой постановки усиливается тем, что современные модели языкового образования рассматривают обучающегося как социального агента, который воспринимает, производит, взаимодействует и осуществляет медиацию в реальных и цифровых средах. В Companion Volume к CEFR медиация выделяется как самостоятельный режим коммуникативной деятельности, а онлайн-взаимодействие связывается с возрастающей мультимодальностью цифровой коммуникации (Council of Europe, 2020). Следовательно, работа с медиатекстом может быть направлена одновременно на рецепцию, интерпретацию, передачу смысла другому адресату, обсуждение позиции источника и создание собственного медиапродукта.

Цель настоящей статьи состоит в систематизации теоретических оснований работы с медиатекстами с точки зрения методики преподавания английского языка и в формулировании интегрированной модели, связывающей эти основания с конкретными принципами отбора и этапами учебной работы. Исследование носит теоретико-аналитический характер. Используются методы анализа, сопоставления, обобщения и систематизации отечественных и зарубежных работ по медиалингвистике, аутентичности учебных материалов, мультилитератности, медиаграмотности, мультимодальному обучению и методике обучения иностранным языкам. В качестве исходного положения принимается тезис о том, что педагогическая ценность медиатекста определяется не его форматом как таковым, а тем, насколько свойства конкретного материала функционально

соотнесены с учебной целью и структурой задания.

Медиатекст как аутентичный и мультимодальный объект обучения

Первое теоретическое основание связано с категорией аутентичности. В методике иностранного языка аутентичными традиционно считаются материалы, созданные прежде всего для реальной коммуникации, а не специально для учебника. Обзор А. Гилмора показывает, что значение аутентичности нельзя сводить к происхождению текста: существенны также характер задания, уровень сложности, учебная цель, мотивация обучающихся и степень соответствия материала реальному дискурсу (Gilmore, 2007). Для медиатекста это особенно важно. Новостной сюжет или публикация крупного издания могут быть подлинными по происхождению, но при чрезмерной языковой, культурной или информационной нагрузке оказаться методически непродуктивными. И наоборот, фрагмент аутентичного материала, снабженный целевым заданием и необходимыми опорами, способен создавать условия для работы с естественной лексикой, дискурсивными маркерами, жанровыми нормами и прагматическими значениями.

Из принципа аутентичности вытекает важное различие между материалом и учебной деятельностью. Сам медиатекст не формирует коммуникативную компетенцию автоматически. Он становится дидактическим ресурсом только после методической обработки: определения цели, прогнозирования трудностей, выбора формы предъявления, построения последовательности заданий и критериев оценивания. Поэтому целесообразно говорить не об использовании медиатекста вообще, а об организации учебного действия на его основе. В этом смысле позиция Г.С. Хачатрян, связывающей эффективность медиатекста с соответствием учебной программе, целевой аудитории и

условиям применения, представляется методически обоснованной (Хачатрян, 2024).

Второе основание составляет теория мультимодальности. По Г. Крессу, современное значение создается через координацию различных модусов – языка, изображения, звука, пространственного расположения и других знаковых ресурсов (Kress, 2010). Для занятия английским языком это означает, что визуальный ряд не следует воспринимать как простую иллюстрацию к словам. Фотография может уточнять, усиливать или, напротив, проблематизировать вербальный смысл; монтаж способен задавать эмоциональную рамку; музыка – формировать оценочность; субтитры – поддерживать распознавание речи; графика – структурировать сложную информацию. Обучающийся должен научиться устанавливать связи между этими каналами, отделять языковую информацию от визуально внушаемой оценки и понимать, каким образом форма медиасообщения влияет на интерпретацию.

Такая позиция согласуется с концепцией мультилитератности The New London Group, согласно которой языковое образование должно учитывать множественность каналов коммуникации и культурных контекстов, а грамотность – включать способность конструировать значение в разных знаковых системах (The New London Group, 1996). Для методики английского языка это расширяет конечный результат: студент должен не только понять текст на английском языке, но и уметь интерпретировать медиасообщение как целостный объект, а при продуктивной работе – комбинировать вербальные и невербальные ресурсы осознанно.

Коммуникативная, медиативная и критическая составляющие

Третье основание связано с коммуникативно-деятельностным подходом. Медиатекст обладает ценностью тогда, когда становится поводом для

значимой речевой деятельности: обмена мнениями, решения проблемы, сопоставления интерпретаций, передачи информации другому адресату или создания собственного сообщения. Поэтому работа с ним не должна завершаться вопросами на буквальное понимание содержания. Рецептивная деятельность должна переходить в продуктивную и интерактивную: краткое резюме, обсуждение, аргументацию, изменение жанра, подготовку устного комментария, инфографики, подкаста или видеосообщения. Обзор исследований цифрового мультимодального письма показывает, что подобные задания способны поддерживать жанровую осведомленность, автономию, вовлеченность и развитие языковой компетенции при условии продуманного педагогического сопровождения (Li & Akoto, 2021).

Особое место занимает медиация. В CEFR она понимается как деятельность по созданию условий для понимания и передаче смысла через языковые, культурные или когнитивные барьеры (Council of Europe, 2020). Медiateкст предоставляет естественный материал для такого вида деятельности: студент может объяснить англоязычную новость однокласснику, выделить ключевые идеи длинного материала, адаптировать содержание для другой аудитории, сопоставить позиции двух источников или перевести сложную визуально-вербальную информацию в краткое устное сообщение. Такая работа требует отбора существенного, переформулирования, смыслового уплотнения и учета адресата, то есть объединяет языковые и когнитивные действия.

Четвертое основание – медиа- и информационная грамотность. UNESCO рассматривает ее как комплекс способностей, связанных с поиском, оценкой, интерпретацией, ответственным

использованием и созданием информации и медиаконтента (UNESCO, 2021). В условиях английского языка это особенно важно, поскольку студент одновременно решает две задачи: декодирует информацию на иностранном языке и оценивает медиасообщение как продукт конкретного источника. Методический потенциал медиатекста поэтому включает вопросы об авторстве, цели публикации, надежности источника, наличии доказательств, выборе лексики, визуальном фрейминге, умолчаниях и целевой аудитории.

Критический компонент не следует сводить к поиску недостоверной информации. Более продуктивно формировать привычку к сопоставлению: как один и тот же факт представлен в разных изданиях; какие слова используются для номинации участников; что вынесено в заголовки; какие данные визуализированы; какие цитаты отобраны; как меняется тональность при переходе от новостного сообщения к аналитическому материалу. Такая деятельность одновременно развивает прагматическую компетенцию и языковую чувствительность, поскольку оценка позиции источника опирается на конкретные языковые маркеры – модальность, оценочную лексику, пассивные конструкции, средства атрибуции и способы представления чужой речи.

Когнитивное основание и принцип управляемой мультимодальности

Пятое основание связано с когнитивной теорией мультимедийного обучения. Р. Майер показывает, что сочетание слов и изображений может повышать эффективность усвоения, если информация организована так, чтобы поддерживать, а не перегружать процессы отбора, организации и интеграции содержания (Mayer, 2021). Для работы с англоязычными медиатекстами это означает необходимость управлять сложностью. Наличие видео, текста, субтитров, инфографики и гиперссылок не является

преимуществом само по себе: при одновременной высокой языковой и визуальной нагрузке обучающийся может переключаться между каналами, не успевая построить целостное понимание.

Эмпирические данные подтверждают необходимость дифференцированного подхода к аудиовизуальным материалам. Метаанализ M. Montero Perez, W. Van den Noortgate и P. Desmet показал положительный эффект субтитрованного видео для аудирования и освоения лексики (Montero Perez et al., 2013). Более новый метаанализ D. Sutton и S. Webb, включивший 56 экспериментов, также выявил положительную динамику языкового обучения при работе с аудиовизуальным вводом; при этом образовательные видео в исследованном массиве давали более выраженный результат, чем преимущественно развлекательные форматы (Sutton & Webb, 2026). Эти данные не означают, что один формат следует признать универсально лучшим, но подтверждают необходимость соотносить тип медиа с конкретной целью и способом работы.

Принцип управляемой мультимодальности предполагает постепенное снятие опор. На первом просмотре студенту может быть предоставлен заголовок и несколько ключевых слов; на втором – английские субтитры; на последующем этапе — задание на соотнесение речи с визуальными средствами и выделение прагматических маркеров. Для более подготовленной группы, напротив, можно начинать без субтитров и использовать текстовую расшифровку только при детальном анализе. Таким образом, преподаватель регулирует не аутентичность материала, а доступ к различным его слоям.

Современные исследования цифрового мультимодального производства дополнительно показывают, что важна связь теории с конкретным типом задания. M.

Kessler, анализируя исследования digital multimodal composing, отмечает недостаточную обоснованность выбора заданий в части работ и подчеркивает необходимость явно связывать педагогическую теорию, дизайн задачи и ожидаемый результат (Kessler, 2026). Для практики это означает, что создание видеоролика или инфографики оправдано только тогда, когда мультимодальная форма служит языковой и коммуникативной цели, а не используется ради самого цифрового продукта.

Интеграция теоретических оснований в методическую модель

Теоретическое основание	Ключевой тезис	Методическое следствие
Медиалингвистика и мультимодальность	Медiateкст объединяет вербальный и медийный уровни и зависит от жанра и канала.	Анализировать не только языковую форму, но и источник, формат, визуальный/аудиальный ряд, адресата и коммуникативную цель.
Аутентичность	Подлинность материала не гарантирует его дидактической пригодности.	Соотносить аутентичный материал с уровнем группы, учебной целью, объемом опор и характером задания.
Мультилитератность и медиаграмотность	Современная грамотность включает интерпретацию разных знаковых систем и критическую оценку информации.	Включать задания на сопоставление источников, анализ фрейминга, доказательств, визуальных средств и позиции автора.
Коммуникативно-деятельностный подход и медиация	Обучающийся выступает как социальный агент, который воспринимает, взаимодействует, передает и преобразует смысл.	Переводить понимание медiateкста в обсуждение, резюмирование, объяснение для другого адресата, проектную и продуктивную деятельность.
Когнитивная теория мультимедиа	Несколько каналов полезны при управляемой нагрузке и логичном распределении информации.	Дозировать субтитры, расшифровки, визуальные опоры и число задач; последовательно усложнять работу.

Таблица 1. Теоретические основания работы с медiateкстом и их методические следствия

Представленная система показывает, что медiateкст находится на пересечении нескольких методических линий. Если рассматривать только его аутентичность, теряется мультимодальная и критическая составляющая; если акцентировать только цифровой формат, исчезает языковая цель; если использовать только задания на понимание, не реализуется потенциал медиации и продуктивной речи. Поэтому методическая модель должна объединять содержание, язык, медиаканал, критическое осмысление и последующее речевое действие.

Критерии отбора медiateкстов для занятий английским языком

Отбор медiateкста является центральным этапом методической работы. Е.И. Шеваршинова предлагает учитывать надежность источника, внешние параметры, внутренние языковые характеристики и тематическое соответствие, а также такие показатели, как длительность, темп речи, межкультурная значимость и коммуникативная полезность языкового материала (Шеваршинова, 2014). В более поздней работе Г.С. Хачатрян к содержательным принципам относит

соответствие уровню развития обучающихся, корреляцию с тематикой курса, социокультурную составляющую и многоканальность, а к техническим – доступность и наличие необходимого оборудования (Хачатрян, 2024). Эти подходы целесообразно дополнить критериями медиаграмотности и когнитивной нагрузки.

На наш взгляд, количественные параметры, например фиксированная длительность видео или число знаков, следует рассматривать как ориентиры, а не

универсальные нормы. Один трехминутный репортаж с высокой плотностью незнакомых имен, статистики и визуальных элементов может быть сложнее восьмиминутного интервью с предсказуемой тематикой и ясной структурой. Поэтому главным принципом становится функциональная трудность: преподаватель оценивает не только объем, но и совокупность языковой, содержательной, культурной и мультимодальной нагрузки.

Критерий	Что оценивается	Методическое решение
Целевое соответствие	Связь темы, жанра и речевой функции с программой и планируемым результатом.	Выбирать материал после формулирования учебной цели, а не наоборот.
Языковая доступность	Плотность незнакомой лексики, синтаксис, темп речи, акцент, дискурсивная организация.	Определять, какие трудности являются продуктивными, а какие требуют опоры или сокращения.
Надежность и прозрачность источника	Авторство, дата, репутация площадки, доказательная база, различие факта и комментария.	Использовать материал также для обучения проверке источника и атрибуции информации.
Социокультурная и межкультурная ценность	Наличие реалий, норм коммуникации, культурных перспектив и потенциальных стереотипов.	Организовывать сопоставление и избегать представления единичного материала как «голоса всей культуры».
Мультимодальная целесообразность	Функция изображения, звука, титров, графики и их связь с вербальным рядом.	Выбирать медиатекст, в котором разные модусы дают материал для осмысленной языковой работы.
Когнитивная нагрузка	Одновременное количество каналов, скорость предъявления, информационная плотность.	Делить материал на фрагменты, варьировать субтитры и число задач, давать повторные просмотры.
Продуктивный потенциал	Возможность продолжить работу в говорении, письме, медиации или проекте.	Предпочитать материалы, допускающие проблемный вопрос, сравнение, преобразование жанра или адресата.
Этическая и техническая пригодность	Возрастная уместность, чувствительный контент, доступность, качество звука/изображения.	Проверять материал заранее и обеспечивать альтернативу при технических или этических ограничениях.

Таблица 2. Критерии методического отбора англоязычных медиатекстов

Этапы организации учебной работы с медиатекстом

Методически целесообразно организовывать работу в четыре взаимосвязанных этапа.

Первый этап – предтекстовый. Его задача состоит не в объяснении всего незнакомого заранее, а в создании когнитивной рамки и коммуникативной мотивации. Возможны прогнозирование содержания по заголовку и изображению, обсуждение собственных знаний по теме, формулирование гипотез о позиции источника, предварительная работа с ограниченным набором ключевой лексики. Если материал является новостным, полезно отдельно обратить внимание на источник, дату публикации и жанр, поскольку эти параметры влияют на ожидания относительно содержания.

Второй этап – смысловая и языковая обработка. Первое предъявление целесообразно ориентировать на глобальное понимание: основная тема, участники, событие, позиция или проблема. Последующие просмотры или чтение могут быть направлены на детали, языковые средства и структуру. Для видео материал следует дробить на смысловые фрагменты, а субтитры использовать целенаправленно. Исследования субтитрованного видео показывают их потенциал для поддержки аудирования и словарного обучения, однако методическая задача состоит не в постоянном включении текста на экране, а в выборе режима, который соответствует цели конкретного этапа (Montero Perez et al., 2013).

Третий этап – критико-медиативный анализ. На этом уровне студент отвечает не только на вопрос «что сказано?», но и «как это представлено и для кого?». Задания могут включать определение различий между фактом и оценкой, анализ заголовка, атрибуции источников, визуального фрейминга, выборочных цитат и модальности. Далее

информация преобразуется для нового адресата: студент готовит краткое объяснение, устное резюме, справку, комментарий или сопоставительную таблицу. Такой переход от интерпретации к медиации делает языковую работу функциональной.

Четвертый этап – продуктивная трансформация. Здесь исходный медиатекст становится моделью или информационной базой для собственного высказывания. Возможны задания «перепишите новость для университетского сайта», «подготовьте 60-секундный аудиобрифинг», «создайте нейтральный заголовок вместо оценочного», «сопоставьте два источника и объясните различия», «сделайте инфографику по основным данным», «проведите мини-дискуссию от лица разных участников». Исследование У. Ху показывает, что цифровое мультимодальное производство при целенаправленной интеграции в EFL-курс может сопровождаться улучшением отдельных характеристик письменной речи, включая содержание, понятность и выполнение коммуникативной задачи (Ху, 2023).

Важно, чтобы продуктивное задание не превращалось в конкурс технического оформления. Критерии оценивания должны сохранять приоритет языковой и коммуникативной цели. Для студенческого медиапродукта можно оценивать точность передачи содержания, языковую корректность, соответствие жанру и адресату, аргументированность, качество медиации, критическое использование источников и функциональность визуально-аудиальных средств. Если цифровой элемент не помогает передавать смысл, он не должен повышать оценку только за эффективность.

Приведенная последовательность не является жесткой схемой. В зависимости от цели отдельные этапы могут сокращаться или объединяться. Например, при

тренировке аудирования основное время занимает смысловая обработка; при развитии медиаграмотности – сопоставление источников; при подготовке к академическому общению – медиация и резюмирование. Стабильным остается принцип перехода от восприятия к осмыслению и затем к речевому действию.

Обсуждение

Теоретический анализ позволяет уточнить несколько положений, значимых для методики преподавания английского языка. Во-первых, понятие медиатекста шире понятия «видео» или «интернет-материал». Оно описывает текст, включенный в конкретную медиасреду и организованный несколькими способами передачи значения. Поэтому методика должна учитывать медиаспецифические признаки даже тогда, когда на занятии используется преимущественно письменная публикация.

Во-вторых, аутентичность следует понимать как ресурс, а не как самоцель. Приоритет полностью неадаптированного материала не всегда оправдан. Методическая адаптация может затрагивать длину фрагмента, порядок предъявления, набор опор и формулировку заданий, при этом исходный дискурс остается аутентичным. Сохранение естественных жанровых и прагматических особенностей представляется важнее, чем формальное требование использовать материал без какой-либо педагогической обработки.

В-третьих, медиатекст особенно эффективен как интегративный материал. Он позволяет объединить языковые навыки с социокультурной компетенцией, медиаграмотностью и медиацией. Однако такая интеграция требует ясной иерархии целей. Одно занятие не должно одновременно пытаться полностью отработать лексику, грамматику, произношение, критическое мышление, межкультурный анализ и цифровое производство. Методическая экономия

предполагает выбор одного основного результата и нескольких поддерживающих задач.

В-четвертых, современная тенденция к цифровому мультимодальному производству расширяет роль обучающегося: он становится не только потребителем медиаконтента, но и его автором. Обзор L2-исследований показывает устойчивый интерес к цифровому сторителлингу, видеопроектам и мультимодальным презентациям (Li & Akoto, 2021), а более поздний теоретический синтез подчеркивает необходимость объяснять, почему выбран именно данный формат и каким образом он связан с процессом изучения языка (Kessler, 2026). Это положение принципиально для практики: технология должна быть подчинена языковой задаче.

Наконец, критическая работа с медиатекстами должна быть встроена в обычную языковую деятельность, а не выноситься в отдельный факультативный блок. Анализ заголовка, источника, оценки и визуального фрейминга может проводиться средствами английского языка и сам по себе создавать содержательно мотивированную речевую ситуацию. В этом случае медиаграмотность не конкурирует с обучением языку, а обеспечивает содержательную основу для него.

Заключение

Таким образом, теоретическая основа работы с медиатекстами в преподавании английского языка формируется на пересечении медиалингвистики, теории аутентичности, мультимодальности и мультилитератности, коммуникативно-деятельностного подхода, концепции медиации, медиа- и информационной грамотности и когнитивной теории мультимедийного обучения. Каждое из этих направлений отвечает на отдельный методический вопрос: что представляет собой медиатекст; почему он может быть ценен как реальный дискурс; как

распределяется значение между каналами; какие речевые действия следует организовать; как критически оценивать информацию; каким образом предотвратить когнитивную перегрузку.

На основании проведенного анализа предлагается рассматривать медиатекст как комплексный дидактический ресурс, эффективность которого определяется функциональным соответствием трех элементов: свойств материала, учебной цели и дизайна задания. Для практики это означает необходимость отбора по

языковым, содержательным, социокультурным, мультимодальным, критико-информационным и техническим критериям, а также организацию работы по линии «подготовка – понимание – критико-медиативный анализ – продуктивная трансформация». Такая модель позволяет использовать медиатексты не как иллюстративное дополнение к учебнику, а как средство формирования реальной способности понимать, интерпретировать, передавать и создавать англоязычные сообщения в современной медиасреде.

References:

1. Добросклонская, Т. Г. (2014). Медиалингвистика: теория и методы изучения языка СМИ. *Медиалингвистика*, 2(5), 7–15.
2. Хачатрян, Г. С. (2024). Методические принципы отбора иноязычных медиатекстов как дополнительного средства обучения на языковых факультетах. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 17(8), 2717–2722. <https://doi.org/10.30853/phil20240387>
3. Шеваршинова, Е. И. (2014). Методика отбора медиатекстов для формирования межкультурной компетенции студентов на занятиях по иностранному языку. *Преподаватель XXI век*, 1, 41–46.
4. Council of Europe. (2020). *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment – Companion volume*. Council of Europe Publishing.
5. Gilmore, A. (2007). Authentic materials and authenticity in foreign language learning. *Language Teaching*, 40(2), 97–118. <https://doi.org/10.1017/S0261444807004144>
6. Jiang, L. (2017). The affordances of digital multimodal composing for EFL learning. *ELT Journal*, 71(4), 413–422. <https://doi.org/10.1093/elt/ccw098>
7. Kessler, M. (2026). Digital multimodal composing: A synthesis of theory-research connections and justifications for task selection. *Studies in Second Language Learning and Teaching*, 1–26. <https://doi.org/10.14746/ssllt.52980>
8. Kress, G. (2010). *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. Routledge.
9. Li, M., & Akoto, M. (2021). Review of recent research on L2 digital multimodal composing. *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*, 11(3), 1–16. <https://doi.org/10.4018/IJCALLT.2021070101>
10. Mayer, R. E. (2021). *Multimedia learning (3rd ed.)*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316941355>
11. Montero Perez, M., Van den Noortgate, W., & Desmet, P. (2013). Captioned video for L2 listening and vocabulary learning: A meta-analysis. *System*, 41(3), 720–739. <https://doi.org/10.1016/j.system.2013.07.013>
12. Sutton, D., & Webb, S. (2026). The effects of audiovisual input on second language learning: A meta-analysis. *Studies in Second Language Acquisition*, 48(2), 571–595. <https://doi.org/10.1017/S0272263126101612>

13. The New London Group. (1996). A pedagogy of multiliteracies: Designing social futures. *Harvard Educational Review*, 66(1), 60–93.
<https://doi.org/10.17763/haer.66.1.17370n67v22j160u>
14. UNESCO. (2021). *Media and information literate citizens: Think critically, click wisely! Media and information literacy curriculum for educators and learners*. UNESCO.
15. Xu, Y. (2023). Investigating the effects of digital multimodal composing on Chinese EFL learners' writing performance: A quasi-experimental study. *Computer Assisted Language Learning*, 36(4), 785–805. <https://doi.org/10.1080/09588221.2021.1945635>

Pragmatic Failure in ELF-Mediated IT Workplace Communication: A Mixed-Methods Study of Multicultural Development Teams

Mamajonova Manzura Ne'matjon qizi

manzurawebster94@gmail.com

PhD student,

Uzbekistan State World Languages University

Annotation

This article reports an empirical mixed-methods investigation into pragmatic failure among information technology (IT) professionals communicating in English as a Lingua Franca (ELF) within multicultural, distributed development teams. Drawing on Thomas's (1983) pragmalinguistic–sociopragmatic distinction and Brown and Levinson's (1987) politeness framework, the study combines a structured questionnaire (N = 58) with semi-structured critical-incident interviews (n = 11) to map the frequency, genre distribution, and perceived causes of pragmatic failure across code review comments, asynchronous chat, stand-up meetings, bug reports, and client correspondence. Findings indicate that pragmatic failure is reported most frequently in text-based, asynchronous genres, where prosodic and visual mitigation cues are unavailable, and that sociopragmatic rather than pragmalinguistic failure predominates. Interview data reveal that professionals develop largely unsystematised, experience-based repair strategies, and that the majority regard their prior English for Specific Purposes (ESP) training as adequate for grammar and vocabulary but inadequate for pragmatic competence. The study argues for the explicit, genre-based integration of ELF pragmatics into IT-ESP curricula.

Keywords

Pragmatic failure, English as a Lingua Franca, IT professional discourse, sociopragmatic competence, mixed-methods research, ESP pedagogy, multicultural teams

AT sohasida ko'p madaniyatli jamoalarda ingliz tili lingva-franka (ELF) vositachiligidagi muloqotda pragmatik nosozliklar: AT mutaxassislari o'rtasida aralash metodlar asosidagi tadqiqot

Mamajonova Manzura Ne'matjon qizi

manzurawebster94@gmail.com

Doktorant,

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya

Mazkur maqolada axborot texnologiyalari (AT) sohasida faoliyat yurituvchi, ko'p madaniyatli va tarqoq jamoalarda ingliz tili lingva-franka (ELF) sifatida muloqot qiluvchi mutaxassislar orasidagi pragmatik nosozliklarni o'rganishga qaratilgan empirik aralash metodlar tadqiqoti taqdim etiladi. Tomas (1983) tomonidan taklif qilingan pragmalingvistik va sotsiopragmatik nosozlik farqlanishi hamda Braun va Levinson (1987) muloyimlik nazariyasiga tayangan holda, tadqiqot 58 nafar respondent ishtirokidagi so'rovnoma va 11 nafar mutaxassis bilan o'tkazilgan yarim tuzilmalangan intervyularni birlashtiradi. Natijalar shuni ko'rsatadiki, pragmatik nosozliklar eng ko'p holda matnga asoslangan, asinxron janrlarda (kod ko'rib chiqish sharhlari, chat) kuzatiladi, bunda ovoz ohangi va vizual signallar mavjud emas,

hamda sotsiopragmatik nosozliklar pragmalingvistik nosozliklardan ustunlik qiladi. Intervyu natijalari shuni ko'rsatadiki, mutaxassislar tizimlashtirilmagan, tajribaga asoslangan tuzatish strategiyalarini o'zlari ishlab chiqadilar va aksariyat holatlarda oldingi ESP ta'limi grammatika va lug'at bo'yicha yetarli, ammo pragmatik kompetensiya bo'yicha yetarsiz bo'lganini ta'kidlaydilar. Tadqiqot ELF pragmatikasini IT-ESP o'quv dasturlariga janrga asoslangan tarzda aniq integratsiyalashni taklif qiladi.

Kalit so'zlar Pragmatik nosozlik, ingliz tili lingva-franka, IT professional diskursi, sotsiopragmatik kompetensiya, aralash metodlar tadqiqoti, ESP pedagogikasi, ko'p madaniyatli jamoalar

**Прагматические сбои в
межкультурной ИТ-
коммуникации на английском
языке как лингва франка:
исследование смешанными
методами среди ИТ-
специалистов**

Мамаджонова Манзура Неъматжон кизи
manzurawebster94@gmail.com
Докторант,
Узбекский государственный университет
мировых языков

Аннотация В данной статье представлено эмпирическое исследование прагматических сбоев среди специалистов в области информационных технологий (ИТ), общающихся на английском языке как лингва франка (ELF) в рамках межкультурных распределённых команд. Опираясь на различие прагмалингвистических и социопрагматических сбоев, предложенное Томасом (1983), а также на теорию вежливости Брауна и Левинсона (1987), исследование сочетает анкетирование ($N = 58$) с полуструктурированными интервью на основе метода критических инцидентов ($n = 11$). Результаты показывают, что прагматические сбои чаще всего встречаются в письменных, асинхронных жанрах коммуникации, где отсутствуют просодические и визуальные средства смягчения, и что социопрагматические сбои преобладают над прагмалингвистическими. Данные интервью свидетельствуют, что большинство специалистов считают свою предыдущую подготовку по английскому языку для специальных целей (ESP) достаточной в части грамматики и лексики, но недостаточной в части прагматической компетентности. Исследование обосновывает необходимость явной, жанрово-ориентированной интеграции прагматики ELF в учебные программы IT-ESP.

Ключевые слова Прагматический сбой, английский язык как лингва франка, профессиональный дискурс в ИТ, социопрагматическая компетентность, смешанные методы исследования, педагогика ESP, межкультурные команды

Introduction

Global information technology (IT) production is now overwhelmingly organised around distributed, multicultural teams in which English functions not as the language of a dominant native-speaking group but as a lingua franca shared among speakers of many first languages (Seidlhofer, 2011). Research on English as a Lingua Franca (ELF) has established that such communication is not simply an imperfect approximation of native-speaker norms but a communicative practice governed by its own pragmatic logic, oriented toward mutual intelligibility and cooperative meaning-negotiation rather than idiomatic correctness (Firth, 1996; Cogo & Dewey, 2012). Within business and professional ELF (BELF) research, this shift in perspective has generated a substantial body of work on politeness, rapport-building, and communicative effectiveness in multinational corporate settings (Kankaanranta & Louhiala-Salminen, 2010; Louhiala-Salminen, Charles, & Kankaanranta, 2005; Ehrenreich, 2010). Yet IT workplace communication characterised by a distinctive mix of terse, asynchronous, text-based genres (code review comments, bug tickets, chat messages) and short, task-focused synchronous exchanges (daily stand-ups) remains comparatively underexamined as a site of ELF pragmatics, despite its centrality to the contemporary global economy.

This gap is pedagogically consequential. English for Specific Purposes (ESP) instruction for IT learners has traditionally prioritised technical vocabulary, register, and grammatical accuracy, on the assumption that linguistic correctness is sufficient for effective professional communication (Wu, 2024). However, research in interlanguage and ELF pragmatics has repeatedly demonstrated that grammatically well-formed utterances can nonetheless constitute pragmatic failure communication perceived as inappropriate, face-threatening, or unintentionally rude by an

interlocutor, independent of grammatical accuracy (Thomas, 1983; Kasper & Blum-Kulka, 1993). If IT-ESP curricula do not address pragmatic competence explicitly, learners may enter professional environments linguistically proficient but pragmatically underprepared for the face-work, mitigation, and register-calibration demands of multicultural collaborative work.

The present study addresses this gap empirically. Using a mixed-methods design combining a structured questionnaire and semi-structured critical-incident interviews, it investigates how IT professionals working in multicultural, ELF-mediated teams experience and describe pragmatic failure, across which communicative genres such failure is most frequently reported, and how professionals compensate for the absence of explicit pragmatic training. The study is guided by four research questions:

RQ1. *What types of pragmatic failure (pragmalinguistic vs. sociopragmatic) do IT professionals report experiencing or witnessing in ELF-mediated workplace communication?*

RQ2. *Which communicative genres are most strongly associated with reported pragmatic failure?*

RQ3. *How do IT professionals perceive the adequacy of their prior ESP training in preparing them for the pragmatic demands of the workplace?*

RQ4. *What repair and compensation strategies do professionals report developing on the job?*

The study contributes to three overlapping strands of scholarship. First, it extends ELF pragmatics research, historically concentrated on spoken business meetings, academic seminars, and negotiation encounters (Björkman, 2011; Kankaanranta & Louhiala-Salminen, 2010), into a genre ecology largely defined by short, asynchronous, written exchange. Second, it contributes empirical needs-analysis evidence to the ESP literature

on IT English, which has so far relied predominantly on corpus-frequency approaches to identify instructional targets rather than on practitioners' self-reported communicative difficulty. Third, by employing critical incident technique alongside a structured questionnaire, the study offers a replicable methodological template for identifying genre-specific pragmatic needs in other professional ESP domains beyond IT.

The remainder of the article is organised as follows. Section 2 reviews the theoretical foundations of pragmatic failure, ELF pragmatics, and IT professional discourse. Section 3 details the mixed-methods design. Section 4 reports questionnaire and interview findings. Section 5 discusses implications for ESP pedagogy, and Section 6 concludes.

Theoretical framework

Pragmatic Competence, Pragmatic Failure, and Politeness

Following Leech (1983) and Thomas (1983), pragmatic competence is conventionally analysed into two components: pragmalinguistic competence, the knowledge of the linguistic forms available for realising particular communicative functions, and sociopragmatic competence, the knowledge of the social and contextual conditions governing when and how those forms should be deployed. Thomas (1983) further distinguishes pragmalinguistic failure, in which a speaker selects a linguistic form that does not conventionally carry the intended illocutionary force, from sociopragmatic failure, in which a speaker misjudges the social appropriateness of an utterance, its directness, formality, or face-threat, relative to the context. This distinction has proved durable across four decades of interlanguage pragmatics research (Kasper & Blum-Kulka, 1993; Taguchi, 2015; Taguchi & Roever, 2017) and provides the primary analytic framework for the present study.

Politeness theory (Brown & Levinson, 1987) offers a complementary lens, conceptualising communicative acts as

potentially threatening to the positive or negative face of interlocutors, and describing the mitigation strategies: hedging, indirectness, in-group markers, deference that speakers deploy to manage face-threat. In professional contexts, face-threatening acts are pervasive: requests, criticism, refusals, and disagreement are structurally built into collaborative technical work (code review, bug triage, project status reporting), making politeness management a core, if often invisible, component of professional communicative competence.

ELF research has reframed the study of non-native English communication away from a deficit model, in which non-native usage is measured against native-speaker norms, toward a description of ELF as a communicative practice with its own emergent pragmatic conventions (Seidlhofer, 2011; Jenkins, 2015). Firth's (1996) foundational analysis of ELF telephone interactions demonstrated that ELF speakers actively cooperate to overlook minor infelicities and to negotiate mutual understanding through accommodation, repetition, and paraphrase, rather than treating deviation from native norms as failure. Subsequent corpus-based work has documented systematic pragmatic strategies characteristic of ELF talk, including explicitness strategies such as self-repair and self-repetition (Kaur, 2011), signalling and pre-empting of misunderstanding (Mauranen, 2006), and accommodation strategies that adjust speech to interlocutors' proficiency and cultural background (Björkman, 2011; Cogo & Dewey, 2012).

Within professional and business settings specifically, BELF research has shown that ELF users tend to prioritise communicative clarity and task efficiency over idiomatic correctness (Kankaanranta & Louhiala-Salminen, 2010), that power and status relations are pragmatically negotiated differently across cultural backgrounds, for example, in the directness of email requests (Björge, 2007), and that humour, small talk, and rapport-building carry particular risk of miscommunication in

multicultural teams because their pragmatic conventions are culturally variable and rarely made explicit (Rogerson-Revell, 2007; Pullin, 2010). House's (2003) analysis of intercultural university encounters further demonstrated that miscommunication in ELF settings frequently arises not from linguistic deficiency but from divergent interactional expectations, whereby participants pursue different, non-converging discourse goals without either party necessarily noticing the divergence, a phenomenon she terms mutual disattention.

IT professional communication presents a distinctive configuration of ELF communicative demands. Unlike the largely synchronous spoken interactions studied in early BELF research (meetings, negotiations), a substantial proportion of IT workplace communication is asynchronous and text-based: code review comments, issue-tracker tickets, pull-request discussions, and instant-messaging channels. These genres strip away the prosodic, facial, and gestural cues that ELF speakers rely on for real-time repair and accommodation (Mauranen, 2006), while simultaneously demanding rapid, often terse responses under time pressure. IT teams also frequently combine text-based asynchronous exchange with short synchronous meetings (daily stand-ups, sprint reviews) characterised by compressed turn allocation and status-reporting speech acts.

Code review in particular constitutes a genre with acute face-threat potential: reviewers are structurally required to evaluate and criticise colleagues' work, often in writing, without the mitigating resources of tone of voice or facial expression. If IT communication constitutes a distinctive ELF site with genre-specific pragmatic demands, then IT-ESP pedagogy requires empirical evidence grounded in practitioners' own reported experience of where and how pragmatic failure actually occurs, rather than instructional materials that generalise from business-meeting BELF research or from

decontextualised model dialogues. This is the gap the present study addresses.

Methodology

Research Context and Participants

The study employed a two-phase explanatory sequential mixed-methods design (questionnaire followed by interviews), conducted between March and June 2026. Participants were IT professionals (software developers, technical support specialists) recruited through professional networking platforms, developer community forums, and snowball sampling, with the inclusion criterion that participants worked, or had worked within the preceding two years, in a team including colleagues from at least one other national or linguistic background, using English as the primary working language.

Fifty-eight professionals ($N = 58$) completed the questionnaire (Phase 1). Participants represented a range of first-language backgrounds, predominantly Uzbek, Russian, and other Central and South/Southeast Asian L1s, reflecting the recruitment channels used, with self-reported English proficiency at B2-C1 level (CEFR). Mean professional experience was 5.4 years ($SD = 3.1$). Team composition varied from largely co-located teams with occasional international clients to fully distributed teams spanning four or more countries.

From the questionnaire respondents, eleven participants ($n = 11$) who reported multiple pragmatic-failure incidents and expressed willingness to be interviewed were purposively selected for Phase 2, following a maximum-variation logic across role, team distribution, and reported failure type.

Instruments

The questionnaire comprised four sections: (a) background information (L1, role, years of experience, team composition, remote/onsite status); (b) a 24-item Likert-scale battery (1 = never, 5 = very often) adapted from Thomas's (1983) pragmalinguistic/sociopragmatic distinction, asking participants to rate the frequency with which they had

experienced or witnessed specific failure types (e.g., "I have been perceived as blunt or rude when I did not intend to be," "I have misjudged how directly I could phrase a request to a colleague"); (c) genre-specific items asking participants to rate pragmatic difficulty separately for code review comments, asynchronous chat, stand-up/sprint meetings, bug reports/tickets, and client-facing email; and (d) two open-ended critical-incident prompts asking participants to briefly describe a specific instance of miscommunication.

The interview protocol, informed by critical incident technique (Flanagan as cited in Spencer-Oatey & Harsch, 2015), asked participants to narrate in detail one or more incidents identified in the questionnaire, followed by structured probes addressing what happened, how the participant or interlocutor reacted, whether and how the incident was resolved, what the participant believed caused the misunderstanding, and whether prior English training had prepared them for the situation. Interviews lasted 25–40 minutes, were conducted in English or Russian according to participant preference, and were audio-recorded with consent.

The study followed standard ethical procedures for social-science research involving human participants. Participation was voluntary and uncompensated; participants were informed in advance of the study's purpose, the voluntary and anonymous nature of participation, and their right to withdraw at any stage without consequence. Company names, project names, and identifiable colleague details disclosed during interviews were removed or replaced with generic descriptors (e.g., 'a senior colleague,' 'a client contact') at the transcription stage. Given the potentially sensitive nature of critical-incident narratives involving interpersonal friction, participants were reminded that they could decline to elaborate on any incident and were not asked to identify colleagues by name at any point in the interview.

Procedure

The questionnaire was distributed online; median completion time was 14 minutes. Interviews were scheduled individually via video call within three weeks of questionnaire completion. All participants provided informed consent; responses were anonymised, and identifying details (company and colleague names) were removed or generalised prior to analysis.

Data Analysis

Questionnaire data were analysed using descriptive statistics for Likert-scale items, grouped and averaged by failure type (pragmalinguistic vs. sociopragmatic) and by genre, with independent-samples comparisons where relevant. Interview transcripts were coded using thematic analysis (Braun & Clarke, 2006), with an initial coding scheme derived deductively from Thomas's (1983) failure taxonomy and Brown and Levinson's (1987) politeness strategies, supplemented by inductively derived codes emerging from the data (e.g., 'asynchronous tone flattening,' 'on-the-job repair learning'). Two researchers independently coded a 20% subsample of transcripts; inter-coder agreement was acceptable (Cohen's $\kappa = .79$), and discrepancies were resolved through discussion before the remaining transcripts were coded.

Findings

Questionnaire Findings

Across the full sample, sociopragmatic failure items received consistently higher mean frequency ratings ($M = 3.42$, $SD = 0.71$) than pragmalinguistic failure items ($M = 2.58$, $SD = 0.65$), a difference that was statistically significant ($t(57) = 6.84$, $p < .001$, $d = 0.90$). The most frequently endorsed individual items concerned directness calibration ("I have misjudged how directly I could phrase a request or piece of feedback," $M = 3.91$) and the perceived tone of written messages ("My written message was interpreted as more blunt or critical than I intended," $M = 3.78$).

Genre-specific analysis showed that reported pragmatic difficulty was highest for

asynchronous text-based genres. Code review comments received the highest mean difficulty rating ($M = 3.85$, $SD = 0.88$), followed by asynchronous chat ($M = 3.61$, $SD = 0.79$) and bug reports/tickets ($M = 3.34$, $SD = 0.85$). Synchronous spoken genres received comparatively lower ratings: stand-up meetings ($M = 2.77$, $SD = 0.91$) and client-facing email, which, despite being written, was

rated lower than code review or chat ($M = 2.65$, $SD = 0.94$), plausibly reflecting the greater institutional formality and pre-planning typically applied to client correspondence relative to internal peer communication. A repeated-measures comparison confirmed that genre significantly predicted reported difficulty ($F(4, 228) = 18.62$, $p < .001$, partial $\eta^2 = 0.25$).

Genre	M	SD	Rank
Code review comments	3.85	0.88	1
Asynchronous chat (Slack/Teams)	3.61	0.79	2
Bug reports / tickets	3.34	0.85	3
Stand-up / sprint meetings	2.77	0.91	4
Client-facing email	2.65	0.94	5

Table 1. Mean reported pragmatic difficulty by communicative genre ($N = 58$)

Regarding training adequacy (RQ3), 44 of 58 respondents (75.9%) rated their prior formal English instruction as “adequate” or “very adequate” for grammar and vocabulary, while only 14 of 58 (24.1%) rated it as adequate preparation for the pragmatic and interpersonal demands of workplace communication. Thirty-nine respondents (67.2%) reported that pragmatic skills relevant to their current role were acquired primarily “through workplace experience and trial and error” rather than formal instruction.

Interview Findings

Thematic analysis of the eleven interviews identified four recurrent themes.

Theme 1: *Asynchronous tone flattening.*

Nine of eleven interviewees described incidents in which written, asynchronous messages, particularly code review comments, were perceived by colleagues as harsher or more critical than intended, in the absence of prosodic or facial mitigation cues. Several interviewees reported adopting deliberate, self-taught mitigation strategies (opening with a positive observation before criticism, adding brief justificatory clauses, or using question forms rather than direct imperatives),

developed through observed colleague behaviour rather than instruction.

Theme 2: *Directness calibration across cultural backgrounds.* Interviewees frequently attributed pragmatic difficulty to differing norms of directness among colleagues from different national backgrounds, particularly in giving critical feedback and declining requests. Several described initial uncertainty about how directly they could disagree with more senior colleagues and reported gradually calibrating their register through repeated interaction rather than explicit guidance, consistent with House’s (2003) account of mutual disattention, whereby divergent interactional expectations gradually converge through accumulated interaction rather than being directly addressed.

Theme 3: *Perceived gap between formal training and workplace demands.* Consistent with the questionnaire findings, most interviewees described their prior ESP coursework as focused on technical vocabulary, grammar, and occasionally presentation skills, with little to no attention to strategies for mitigating criticism, phrasing requests to colleagues of differing seniority, or managing

misunderstanding in text-based exchange. Several interviewees explicitly requested that future ESP training incorporate authentic examples of workplace text genres, such as code review threads and ticket discussions, rather than idealised dialogue models.

Theme 4: On-the-job repair strategies.

Interviewees described a range of self-developed repair strategies for managing or resolving pragmatic failure once it had occurred, including direct clarification, switching from asynchronous to synchronous communication to resolve ambiguity, and observational learning from more experienced colleagues' communicative style. Several noted that such strategies had been acquired slowly and unsystematically, often only after an incident had already caused some interpersonal friction.

Discussion

The findings reported above extend ELF pragmatics research into a domain, IT professional communication that has received little empirical attention despite its centrality to the contemporary globalised workplace. Three findings merit particular discussion.

First, the predominance of sociopragmatic over pragmlinguistic failure is consistent with prior interlanguage pragmatics research showing that grammatical proficiency does not guarantee pragmatic appropriateness (Thomas, 1983; Taguchi, 2015), and extends this finding to a population, IT professionals with B2-C1 English proficiency, whose formal linguistic competence is generally strong. This reinforces the argument that pragmatic competence constitutes a distinct instructional target that cannot be assumed to develop as a by-product of grammatical or lexical instruction.

Second, the concentration of reported difficulty in asynchronous, text-based genres, particularly code review, corroborates theoretical predictions that the absence of prosodic and visual mitigation resources in written ELF exchange increases the risk of sociopragmatic misjudgement (Mauranen,

2006; Kaur, 2011), and extends BELF research, conducted predominantly on spoken meeting and negotiation genres (Kankaanranta & Louhiala-Salminen, 2010; Rogerson-Revell, 2007), to a genre ecology specific to software development. This suggests that ELF pragmatics instruction for IT learners should not be modelled directly on business-meeting-oriented BELF pedagogy but should be developed around IT's own genre conventions.

Third, the consistent finding, across both questionnaire and interview data, that professionals perceive a substantial gap between their formal ESP training and the pragmatic demands of their actual work, and consequently develop compensatory strategies informally and unsystematically, constitutes direct empirical support for integrating explicit pragmatic instruction into IT-ESP curricula. The repair strategies interviewees described, pre-emptive positive framing, question-form mitigation, switching channels to resolve ambiguity, are precisely the kinds of pragmlinguistic resources that could be made explicit and rehearsed through instruction, rather than left to be discovered individually, often at some interpersonal cost.

These findings suggest a genre-based instructional framework for IT-ESP pragmatics, targeting the specific speech acts and mitigation strategies associated with the highest-difficulty genres identified in this study: face-threat mitigation in code review feedback, explicitness and repair strategies for asynchronous chat, and status-sensitive request and refusal strategies for cross-cultural collaboration more generally. Authentic materials, drawn from appropriately anonymised or synthetic code review threads, ticket discussions, and chat exchanges, would align such instruction with the genre ecology in which pragmatic failure was most frequently reported.

Several limitations should be acknowledged. The sample, while diverse in national background, was recruited predominantly through channels likely to over-

represent Central Asian professionals and may not generalise to IT workforces with different linguistic compositions. Self-report data on pragmatic failure is subject to recall and social-desirability bias and could not be triangulated against naturalistic discourse data within the scope of the present study. Future research should combine self-report methods of the kind employed here with discourse-analytic study of naturally occurring IT communication, and should examine whether targeted pragmatic instruction, once developed, measurably reduces reported pragmatic failure in workplace settings. A further limitation concerns the cross-sectional character of the design: because participants were surveyed and interviewed at a single point in their careers, the data cannot establish whether the compensatory strategies described in Section 4.2 change systematically with years of professional experience, or whether early-career professionals are disproportionately vulnerable to the kinds of pragmatic failure reported here. A longitudinal or cross-experience-level comparative design would help clarify this question and could usefully inform decisions about when, in a professional development trajectory, explicit pragmatic instruction is likely to be most beneficial.

Building directly on the genre ranking reported in Table 1 and the thematic findings of Section 4.2, three instructional priorities can be derived for IT-ESP curriculum design. The first priority concerns code review feedback, the genre associated with both the highest mean difficulty rating and the most frequently narrated critical incidents. Instruction targeting this genre could draw on authentic (anonymised) review-comment corpora to make explicit the mitigation strategies interviewees reported discovering informally, positive-before-critical sequencing, question-form suggestions in place of direct imperatives, and explicit justification clauses, and could incorporate guided practice in rewriting bluntly phrased feedback into face-mitigated alternatives.

The second priority concerns asynchronous chat and ticket-based communication, where the absence of prosodic cues was repeatedly identified as a source of misjudged tone. Tasks here might involve comparative analysis of the same message content rendered with and without mitigation markers, sensitising learners to how small lexical and structural choices shift perceived directness in the absence of intonation. The third priority concerns cross-cultural status and directness calibration more broadly, addressed through role-play and scenario tasks simulating interactions across seniority levels and cultural backgrounds, informed directly by the specific incident types interviewees described (disagreeing with a senior colleague, declining a request from a client contact, clarifying an ambiguous specification from an international teammate).

This framework differs from existing corpus-driven ESP task design (e.g., approaches drawing on general and academic corpora such as COCA, BNC, or MICASE) in that it is derived directly from practitioners' own reported difficulty and incident data rather than from corpus frequency alone. The two approaches are complementary: corpus resources can supply authentic exemplars of the target forms, while the present study's findings supply the needs-analysis evidence indicating which genres and speech acts most urgently require pedagogical attention.

Conclusion

This study has presented mixed-methods empirical evidence on pragmatic failure among IT professionals communicating in English as a Lingua Franca within multicultural development teams. Drawing on a 58-respondent questionnaire and eleven critical-incident interviews, the study found that sociopragmatic failure is reported substantially more often than pragmalinguistic failure, that asynchronous text-based genres, particularly code review, are disproportionately associated with reported pragmatic difficulty, and that the large majority of professionals perceive their

prior ESP training as inadequate preparation for these demands, developing compensatory pragmatic strategies informally through workplace experience. These findings provide an empirical foundation for the explicit integration of ELF pragmatics into IT-ESP curricula, organised around the genre-specific communicative demands that IT professionals

themselves identify as most pragmatically challenging. Future research combining self-report and naturalistic discourse data, alongside intervention studies evaluating explicit pragmatic instruction, would further strengthen the evidence base for this pedagogical reorientation.

References:

1. Björkman, B. (2011). Pragmatic strategies in English as an academic lingua franca: Ways of achieving communicative effectiveness? *Journal of Pragmatics*, 43(4), 950–964. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.07.033>
2. Børge, A. K. (2007). Power distance in English lingua franca email communication. *International Journal of Applied Linguistics*, 17(1), 60–80. <https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.2007.00133.x>
3. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
4. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
5. Cogo, A., & Dewey, M. (2012). *Analysing English as a lingua franca: A corpus-driven investigation*. Continuum.
6. Ehrenreich, S. (2010). English as a business lingua franca in a German multinational corporation: Meeting the challenge? *Journal of Business Communication*, 47(4), 408–431. <https://doi.org/10.1177/0021943610377303>
7. Firth, A. (1996). The discursive accomplishment of normality: On 'lingua franca' English and conversation analysis. *Journal of Pragmatics*, 26(2), 237–260. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(96\)00014-8](https://doi.org/10.1016/0378-2166(96)00014-8)
8. House, J. (2003). *Misunderstanding in intercultural university encounters*. In J. House, G. Kasper, & S. Ross (Eds.), *Misunderstanding in social life: Discourse approaches to problematic talk* (pp. 22–56). Pearson.
9. Jenkins, J. (2015). Repositioning English and multilingualism in English as a lingua franca. *Englishes in Practice*, 2(3), 49–85. <https://doi.org/10.1515/eip-2015-0003>
10. Kankaanranta, A., & Louhiala-Salminen, L. (2010). "English? – Oh, it's just work!": A study of BELF users' perceptions. *English for Specific Purposes*, 29(3), 204–209. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2009.06.004>
11. Kasper, G., & Blum-Kulka, S. (Eds.). (1993). *Interlanguage pragmatics*. Oxford University Press.
12. Kaur, J. (2011). Raising explicitness through self-repair in English as a lingua franca. *Journal of Pragmatics*, 43(11), 2704–2715. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.04.012>
13. Leech, G. (1983). *Principles of pragmatics*. Longman.
14. Louhiala-Salminen, L., Charles, M., & Kankaanranta, A. (2005). English as a lingua franca in Nordic corporate mergers: Two case companies. *English for Specific Purposes*, 24(4), 401–421. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2005.02.003>

15. Mauranen, A. (2006). Signaling and preventing misunderstanding in English as lingua franca communication. *International Journal of the Sociology of Language*, 2006(177), 123–150.
<https://doi.org/10.1515/IJSL.2006.008>
16. Pullin, P. (2010). Small talk, rapport, and international communicative competence: Lessons to learn from BELF. *Journal of Business Communication*, 47(4), 455–476.
<https://doi.org/10.1177/0021943610377307>
17. Rogerson-Revell, P. (2007). Humour in business: A double-edged sword: A study of humour and style-shifting in intercultural business meetings. *Journal of Pragmatics*, 39(1), 4–28.
<https://doi.org/10.1016/j.pragma.2006.09.005>
18. Seidlhofer, B. (2011). *Understanding English as a lingua franca*. Oxford University Press.
19. Spencer-Oatey, H., & Harsch, C. (2015). *The critical incident technique*. In Z. Hua (Ed.), *Research methods in intercultural communication: A practical guide* (pp. 199–212). Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781119166283.ch15>
20. Taguchi, N. (2015). Instructed pragmatics at a glance: Where instructional studies were, are, and should be going. *Language Teaching*, 48(1), 1–50.
<https://doi.org/10.1017/S0261444814000263>
21. Taguchi, N., & Roever, C. (2017). *Second language pragmatics*. Oxford University Press.
22. Thomas, J. (1983). Cross-cultural pragmatic failure. *Applied Linguistics*, 4(2), 91–112.
<https://doi.org/10.1093/applin/4.2.91>
23. Wu, Y. (2024). Challenges in pragmatic instruction for EFL learners. *TESOL Journal*, 15(2), Article e720. <https://doi.org/10.1002/tesj.720>

Improving the project competency development process for English language teachers

Usmanova Komola Khikmatullaевна

moonlight.komola90@gmail.com

Associate Professor,
ALFRAGANUS University

Annotation *The article discusses the "project method," which describes a form of work where students are actively involved in organizing their activities. This method unfolds through several stages, beginning with immersion in a topic and defining benchmarks, and progressing to planning the actual work. For general education, mini-projects and micro-research are highlighted as particularly effective. In these formats, the entire inquiry cycle - from asking a question, gathering data, to concluding - can be completed within a few lessons. The article suggests that even young children, specifically those aged 7–10, are capable of planning, assigning roles among themselves, independently finding sources, and critically evaluating information. Modern applications of this method intentionally connect the project to fundamental curriculum concepts, providing an exhibition of proverbs, which presumably links to language arts or cultural studies. So, the arguments presented highlight the project method as a pedagogical approach that can foster comprehensive learning, leverage the capabilities of young students, and align with broader curricular goals - making it a potentially powerful tool for general education systems.*

Keywords *Mini-projects, micro-research, project competency, planning steps, distributing roles, testing hypotheses*

Ingliz tili o'qituvchilari uchun loyiha malakasini rivojlantirish jarayonini takomillashtirish

Usmanova Komola Xikmatullayevna

moonlight.komola90@gmail.com

Dotsent v.b.,
ALFRAGANUS universiteti

Annotatsiya *Maqolada talabalar o'z faoliyatini tashkil etishda faol ishtirok etadigan ish shaklini tavsiflovchi "loyiha usuli" muhokama qilinadi. Ushbu usul bir necha bosqichlardan o'tadi, mavzuga kirish va mezonlarni aniqlashdan boshlab va haqiqiy ishni rejalashtirishgacha davom etadi. Umumiy ta'lim uchun mini-loyihalar va mikro-tadqiqotlar ayniqsa samarali ekanligi ta'kidlangan. Ushbu formatlarda savol berish, ma'lumot to'plash va xulosa qilishgacha bo'lgan barcha so'rov sikli bir necha darslar ichida yakunlanishi mumkin. Maqolada aytilishicha, hatto yosh bolalar, xususan, 7-10 yoshdagi bolalar ham rejalashtirish, o'zaro rollarni taqsimlash, manbalarni mustaqil ravishda topish va axborotni tanqidiy baholash qobiliyatiga ega. Ushbu uslubning zamonaviy qo'llanilishi loyihani asosiy o'quv rejasi tushunchalari bilan ataylab bog'laydi va til san'ati yoki madaniyatshunoslik bilan bog'liq bo'lgan maqollar ko'rgazmasini taqdim etadi. Shunday qilib, taqdim etilgan dalillar loyiha usulini keng qamrovli o'rganishga yordam beradigan, yosh talabalarning imkoniyatlaridan foydalanadigan va kengroq o'quv maqsadlariga mos keladigan pedagogik yondashuv sifatida ta'kidlaydi va uni umumiy ta'lim tizimlari uchun potentsial kuchli vositaga aylantiradi.*

Kalit so'zlar *Mini-loyihalar, mikro-tadqiqotlar, loyiha malakasi, rejalashtirish bosqichlari, rollarni taqsimlash, gipotezalarni tekshirish*

Совершенствование процесса развития проектных компетенций учителей английского языка

Усманова Комола Хикматуллаевна
moonlight.komola90@gmail.com
Доцент и.о.,
Университет ALFRAGANUS

Аннотация *В статье рассматривается «метод проектов» – термин при которой учащиеся активно участвуют в организации своей деятельности. Этот метод включает несколько этапов, начиная с погружения в тему и определения ориентиров и заканчивая планированием самой работы. В общеобразовательных учреждениях особенно эффективными считаются мини-проекты и микроисследования. В этих форматах весь цикл исследования – от постановки вопроса, сбора данных до выводов – может быть завершен за несколько уроков. В статье предполагается, что даже маленькие дети, особенно в возрасте 7–10 лет, способны планировать, распределять роли между собой, самостоятельно находить источники и критически оценивать информацию. Современное применение этого метода намеренно связывает проект с основополагающими концепциями учебной программы, предлагая выставку пословиц, предположительно связанную с изучением языка и культуры. Таким образом, представленные аргументы подчеркивают, что метод проектов является педагогическим подходом, который может способствовать всестороннему обучению, использовать возможности молодых учащихся и согласовываться с более широкими учебными целями, что делает его потенциально мощным инструментом для систем общего образования.*

Ключевые слова *Мини-проекты, микроисследования, проектные компетенции, этапы планирования, распределение ролей, проверка гипотез*

Introduction

Project-based activities in education have a history of more than a century and are closely linked to the evolution of ideas about what constitutes a learning outcome and how to achieve it. In this logic, J. Dewey's ideas about "learning through activity" combined the educational and cognitive aspects of school practice: the child does not passively assimilate ready-made truths, but acts, explores, creates products, discusses them, and thereby builds his own experience.

W. Kilpatrick proposed the term "project method" to designate a form of work where the educational task takes on the character of a holistic, socially and personally significant enterprise with a real product and public presentation of the result (Kilpatrick, 1926). At the same time, the very method of organizing the activity – choosing a topic, planning steps, distributing roles, testing hypotheses, and formulating conclusions – became the content of the training, and the teacher played the role of mentor and organizer of the environment.

The ideas of project-based learning developed in different national pedagogical traditions, but were similarly based on the principle of connecting education with life, the social nature of knowledge, and the need for an active position of the student. In English-language pedagogy of the early and mid-20th century, approaches to collective creative activity, forms of student self-government, production teams, and socialized tasks are consonant with this. In parallel, a cultural-historical perspective was formed, in which development is viewed as the appropriation of cultural modes of action in interaction with adults and peers. The project, by its very nature, establishes such interactions and provides a "zone of proximal development" where teacher support and group collaboration enable students to perform actions that are not yet possible on their own.

In the second half of the 20th century, interest in project-based learning experienced alternating ups and downs. On the one hand, research-based and problem-based approaches in science and engineering education, school laboratories, workshops, and clubs continued the project-based approach. On the other hand, increased standardization and a focus on testing led to further waves of simplification of educational practices. The return to project-based and inquiry-based learning in the late 20th and early 21st centuries is associated with the establishment of a competency-based paradigm: education begins to be described through the ability to act in new situations, and this requires formats where the student not only knows, but also does (Зимняя, 2020). In parallel, the theory of experience is developing (cycles of experiential learning, where the stages of concrete experience, reflection, conceptualization, and active experimentation form a spiral), substantiating the place of projects as a special type of learning situation in which knowledge is formed and tested in action (Kolb, 1984).

Modern models of project-based learning in schools are usually described as

Project-Based Learning. They share several key characteristics. First, the presence of a significant problem or "leading question" that does not have a trivial answer requires information retrieval, discussion, and the selection of solutions, leading to the creation of a tangible or digital product that is needed by someone other than the student and teacher. Secondly, the duration and structure of the process: the project unfolds in a series of stages – from immersion in the topic and defining benchmarks to planning and assigning roles, from searching for and analyzing sources to constructing the product and its public defense, necessarily with intermediate points of feedback and adjustments to plans. Thirdly, the collaborative nature of the activity: the success of a project is determined by communication, the ability to listen, persuade, negotiate, and take responsibility. Fourth, it is linked to formative assessment: the teacher and students use criteria and rubrics to track progress, correct work, and bring the product to a quality worthy of publication or presentation. Fifth, the reflective circuit: not only knowledge and skills are recorded, but also methods of action, difficulties encountered, solutions found, and questions that arise, which ensures the transfer of experience to future situations (Larmer, 2015).

Alongside project-based learning, inquiry-based learning models also been developed. While the project focuses on product creation and socially significant implementation, the research model focuses on a cognitive question, to which students formulate hypotheses, collect data, analyze, draw conclusions, and correlate them with the original statement. In real school practice, these models often overlap: a project includes an element of research, and the research work culminates in the creation of a product and its public presentation. For general education systems, mini-projects and micro-research are particularly productive, in which the inquiry cycle - from question to data to conclusion - is completed over several lessons and culminates

in a simple but meaningful product: a poster, a mini-book, an audio story, an oral mini-conference, or a board game with rules created by the students.

A key challenge in implementing PBL and IBL in general education organizations concerns the age-related readiness of young learners to engage in independent learning activities. In particular, questions arise as to the extent to which children aged 7–10 are prepared to plan tasks, distribute roles, independently search for relevant sources, and critically evaluate information. In this regard, the gradual development of learner autonomy under sustained pedagogical guidance can be considered an effective methodological solution. Foreign experiences in the use of mediatechnologies in English language teaching also emphasize the importance of adapting technology-enhanced learning activities to learners' developmental characteristics and providing appropriate teacher support throughout the learning process (Khikmatullaevna, 2025). Therefore, rather than expecting full independence from young learners, PBL and IBL should be implemented through a gradual increase in autonomy, beginning with clearly structured teacher guidance and progressively transferring responsibility for planning, information search, collaboration, and evaluation to learners (Khikmatullaevna, 2025). The teacher designs the environment, breaks down large tasks into sequential steps, offers frameworks and templates (project passport, checklists, sample questions, presentation plan), models methods for searching and understanding information, sets formats for interim reports, and teaches collaboration techniques (rules for working in pairs and groups, role-playing cards, time management signals). This "scripted support" allows students to act as a research and project team, while the basic learning activities – reading, writing, listening, speaking – remain core and are constantly practiced in authentic situations.

The history of the development of project activities is also the history of clarifying the relationship between subject content and meta-subject results. In early versions of the project, there was sometimes a bias toward "spectacular" external activity with weak assimilation of subject knowledge: a beautiful poster or model compensated for the lack of a deep understanding of the topic. Modern models intentionally "anchor" the project in the basic concepts of the curriculum: the question asks about key linguistic phenomena, and the product quality criteria include subject indicators (for example, correct spelling and punctuation, accurate vocabulary, coherence and logic of the text, compliance with genre characteristics). In the introductory English language course, this means that project topics and product formats are selected so that students can purposefully practice reading, writing, speaking, and analyzing language material.

The evolution of the project concept in the general education organization also involved strengthening interdisciplinary approaches. While classic projects often relied on natural science and labor, today interdisciplinary mini-projects are becoming a means of integrating English language with literary reading, the world around us, music, and the visual arts. It is natural for schoolchildren to work with holistic meanings: Write and design a book about your hometown, prepare a schoolyard guide, record an audio tour of a local museum, conduct a survey of families about their language traditions and present the results in diagrams and mini-essays, create a dictionary of "living words" from your yard or mahalla, or prepare an exhibition of proverbs in two languages with explanations. In such tasks, English is not a shell, but a tool for thinking and communication: the child reads and selects information, plans the structure of the text, selects words and statements, dictates and edits, speaks orally, and expresses attitudes.

The development of digital technologies has added new forms and tools to project activities, but at the same time has required strict methodological control. Shared online whiteboards, simple presentation editors, audio recordings, photos, and basic video are all available to students, provided that ethical and safety guidelines are followed, public and private areas are distinguished, and parental and school permissions are obtained. The digital environment has made it easier to document the process (working drafts, intermediate versions of the product, fragments of discussions), and therefore to increase reflection and formative assessment. At the same time, projects in general education institutions always retain an offline core: handwritten drafts, word cards, wall anchor charts, models, and handmade books remain crucial carriers of meaning and motivation.

Methodological thought has gradually developed a language for describing high-quality projects, which helps teachers design and evaluate their own solutions. Characteristics reflecting the "gold standard" of design have become typical: the presence of a meaningful, research-based question; a clear connection to key concepts in the curriculum; authenticity of the product and the intended audience; sustained research, not a one-time collection of facts; The child's "voice and choice" in defining individual aspects of the product; cycles of criticism and improvement based on criteria; mandatory public presentation; built-in reflection loops.

For a general education organization, this translates into practical approaches: choose topics that resonate with the child's life; reduce assignments to clear steps; discuss in advance "what a good product should be"; use clear scales and peak samples; and teach how to give friendly and specific feedback. Historically, project-based learning has been the subject of debate about its labor costs and its relationship to "traditional" lessons. Critics have rightly pointed out the risks of "dessert projects," where seemingly attractive activities are not

aligned with educational goals, and the risk of overburdening teachers with planning and reviewing disparate products. Modern methodology responds to these challenges with several solutions. The first is a reasonable dosage: in general education settings, mini-projects lasting 3-6 lessons or micro-projects lasting one or two lessons predominate, while larger quarterly projects are undertaken no more than once and presented publicly.

Second, modularity and templates: project passports, checklists, sample rubrics, and discussion scenarios relieve some of the teacher's burden and create repeatable formats. Third, criteria-based and distributed assessment: formative assessment with an emphasis on several key criteria, self-assessment and peer assessment using clear scales, and progress recording in e-folders significantly reduce manual assessment. Fourth, integration with the program: the project replaces some of the traditional exercises, rather than being added on top of them; it becomes the basis for practicing the same spelling, punctuation, and speech skills, but in an authentic situation.

The specificity of the evolution of the project idea for the introductory English language course also lies in the fact that here the project must work on early literacy: sound-letter analysis, syllabic reading, a gradual transition to fluent, meaningful reading, the development of spelling vigilance, and basic textual competence. At the early stage, the products include small books with the author's sentences and illustrations, wall dictionaries, card games, audio stories with simple editing, and mini-class reports. In these, the child reads and writes as much as they can, but does so for a clear purpose. At the next stage, genres become more complex: memos, instructions, interview questions and questionnaires, short informational texts, mini-essays, and oral presentations based on a plan appear; elements of analysis and comparison are incorporated into the product. At a more advanced stage, interdisciplinary connections

are included: children explore proverbs and set expressions, compare sounds and meanings in two languages, create mini-dictionaries of thematic vocabulary, and compile guidebooks and exhibitions. Here, the means of coherence of the text are purposefully formed, and work with proof and argument is carried out at a child's level.

It is essential to note that the development of project-based activities in general education systems has coincided with the clarification of the teacher's role. From being a "work supervisor" and "checker," the teacher gradually moves to the roles of task and environment designer, facilitator of research discussions, mentor in working with sources, and editor of student texts. This requires new professional competencies: the ability to select topics, organize stages, set criteria, adapt tasks for groups of different levels, maintain motivation, manage group dynamics, ensure safe collaboration in a digital environment, organize public presentations, and work with reflection. Essentially, the evolution of the project idea has highlighted that a teacher's subject knowledge must be linked to methodological, managerial, and communicative knowledge, as well as digital knowledge – those that allow for the selection and combination of tools based on the principle of "first pedagogy, then technology".

Projects and research in general education institutions inevitably face the issue of sources and evidence. Projects and research in general education institutions inevitably face the issue of sources and evidence. The combination of primary sources, adapted informational texts, illustrations, objects of material culture, oral stories of adults, observations, and simple measurements forms the basis of a research culture in the child: He learns to ask clarifying questions, record observations, compare data, draw conclusions, and discuss them. In a language project, this takes the form of working with examples and counterexamples, searching for patterns, explaining the choice of spelling, selecting and

systematizing vocabulary, and constructing arguments to defend one's version of a title or the order of parts of a text.

The next important aspect in the evolution of project work is evaluation. Initially, projects were evaluated primarily based on the product and external characteristics: accuracy, originality, and scope. Over time, it became clear that it was necessary to evaluate not only "what happened," but also "how we got there," that is, the process, each person's contribution, the use of criteria, and the ability to refine the work. Formative assessment with pre-defined criteria rubrics, step checklists, "rehearsals" of presentations with feedback, "revision laboratories" between the draft and the final version, supportive and growth-oriented. For general education groups, the headings are constructed in clear language with a small number of criteria and gradations, often accompanied by pictograms and examples, and self-assessment and peer assessment are conducted in a friendly format of short "compliments and advice".

For general education groups, the headings are constructed in clear language with a small number of criteria and gradations, often accompanied by pictograms and examples, and self-assessment and peer assessment are conducted in a friendly format of short "compliments and advice."

Secondly, the project's excessive scope is inappropriate for the child's age, leading to a loss of focus, momentum, and motivation. Thirdly, the lack of clarity about the criteria and expected results leads to conflict and frustration among children. Fourth, a failure to differentiate: some children are overwhelmed, while others are inactive. Fifth, a failure to observe digital security when publishing work and using online tools.

The modern methodology offers a set of preventative measures: a small and clearly defined volume, linking to key learning goals, staged mini-tests and mandatory feedback sessions, role assignments and consideration of children's strengths, a communication plan

with parents, and agreed-upon rules of digital hygiene.

The shift from individual to collective projects deserves special attention, as it is through collective work that communicative and social competencies, critical for future civic and professional life, are developed. In general education systems, a collective project is built on small groups of 3 – 4 people, with clear roles and the possibility of their rotation: reader and “fact hunter,” artist-designer, text writer and editor, speaker and moderator of the presentation. The teacher observes interactions, incorporates elements of teamwork skills training into lessons (active listening rules, short meeting techniques, linguistic formulas for polite sentences, and clarifications), and teaches how to negotiate and resolve conflicts.

As students mature, their roles become more complex, adding the roles of coordinator, quality curator, resource manager, and safety officer.

The evolution of the project concept was accompanied by a growing focus on equity and inclusion.

A good project gives every child the chance to shine and make a contribution: tasks are multi-level, products are multimodal, there is a choice of format, and there is support for children with special educational needs, for those who are just learning the language of instruction, and for gifted students.

Visualization techniques, scaffolding, collaborative dictionary creation, paired reading and writing, audio prompts, “talking” albums, and photo instructions ensure accessibility.

This is especially important in a multicultural and multilingual environment: the project becomes a space for mutual respect and recognition of the cultural identity of families and communities, in which English is adopted as a means of dialogue and cooperation.

Finally, in the evolution of project activities, there has been a shift towards communities of practice and networked forms of teacher support. The development of high-quality tasks and criteria benefits from the collective development and exchange of materials, from the joint analysis of video recordings of lessons and reflective seminars, and from interaction with primary schools and external partners (museums, libraries, cultural centers, children’s technology parks). This not only reduces the workload for individual teachers but also creates a culture of sustainable practice improvement. For future teachers, participation in such communities during their teaching internship and early years is especially valuable: it helps transform the project-based method from a “one-off success story” into a daily pedagogy.

Conclusion

To summarize, we can say that the evolution of the idea of project-based activities from classical approaches to modern PBL and IBL models is a movement from episodic activity to a technology systemically integrated into the curriculum, with transferable methods of action.

For a general education organization, particularly for teaching English in a multi-ethnic and multilingual environment, this requires fine-tuning: the project must be feasible, subject-rich, interdisciplinary, culturally sensitive, digitally secure, and based on formative assessment. For a general education organization, particularly for teaching English in a multi-ethnic and multilingual environment, this requires fine-tuning: the project must be feasible, subject-rich, interdisciplinary, culturally sensitive, digitally secure, and based on formative assessment. These competencies form the subject of the next section and will subsequently be operationalized through indicators and levels of development.

References:

1. Kilpatrick, W. H. (1926). *The Project method: The use of the purposeful act in the educative process* (No. 3). Teachers college, Columbia university.
2. Зимняя, И. А. (2020). Ключевые компетенции как результат образования. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов.
3. Kolb, D. A. (1984). *Experiential learning: Experience as the source of learning and development*. Vol. 1, No. 1. 270-289. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-hall.
4. Larmer, J., Mergendoller, J., & Boss, S. (2015). *Project Based Learning A Proven Approach To Rigorous Classroom Instruction Setting The Standard For Project Based Learning*. Alexandria USA. ascd.
5. Khikmatullaevna, U. K. (2025). FOREIGN EXPERIMENTS ON THE USE OF MEDIATECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH TO STUDENTS. *Alfraganus*, (4 (15)), 47-51.

RANSLATION

The Lingua Spectrum

Cogito, ergo sum

TARJIMASHUNOSLIK

169

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

176

Ensuring Communicative-Pragmatic Adequacy in the Translated Text

Abdullayeva Shoxida Norqulovna

Associate Professor,
Doctor of Philological Sciences,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation

The article examines theoretical and applied conditions for ensuring communicative-pragmatic adequacy in translation. Adequacy is treated not as formal correspondence between linguistic units, but as the degree to which the target text reconstructs the source text's communicative purpose, authorial intention, illocutionary force, implicature, evaluative tone, register, and functional effect on the addressee. Using comparative-pragmatic, contextual, and functional analysis, the study discusses recurrent situations in which lexical equivalence alone is insufficient, including politeness, irony, implicit evaluation, cultural presupposition, headlines, and directive utterances. A six-component model is proposed for assessing communicative-pragmatic adequacy: semantic accuracy, preservation of intention, illocutionary force, recipient orientation, discourse-register correspondence, and cultural accessibility. The paper also outlines a four-stage decision procedure for translators: identifying the communicative situation, determining the pragmatic core and risk zones, selecting an appropriate transformation, and testing the probable effect of the target text. The model is applicable to literary, journalistic, popular-science, and institutional translation practice.

Keywords

Translation, communicative-pragmatic adequacy, pragmatic equivalence, intention, illocutionary force, pragmatic adaptation, addressee

Tarjima matnida kommunikativ-pragmatik adekvatlikni ta'minlash masalalari

Abdullayeva Shoxida Norqulovna

Dotsent,
filologiya fanlari doktori
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya

Maqolada tarjima matnida kommunikativ-pragmatik adekvatlikni ta'minlashning nazariy va amaliy omillari tahlil qilinadi. Tadqiqotda adekvatlik tarjima birliklarining formal mosligi bilan emas, balki manba matnning kommunikativ maqsadi, muallif intensiyasi, illokutiv kuchi, implikaturasi, baholash ohangi, registri va adresatga ko'rsatadigan funksional ta'sirini maqsad tilida qayta yaratish darajasi bilan izohlanadi. Qiyosiy-pragmatik, kontekstual va funksional tahlil asosida leksik ekvivalentlikning o'zi yetarli bo'lmaydigan tipik holatlar — xushmuomalalik, kinoya, yashirin baho, madaniy presuppozitsiya, sarlavha va chaqiriq birliklari ko'rib chiqiladi. Natijada kommunikativ-pragmatik adekvatlikni baholash uchun olti mezonli model taklif etiladi: mazmuniy aniqlik, intensiya, illokutiv kuch, adresatga moslik, diskursiv-registr muvofiqligi va madaniy tushunarlilik. Shuningdek, tarjimon qarorini manba vaziyatini aniqlash, pragmatik yadro va xavf nuqtalarini belgilash, transformatsiyani tanlash hamda maqsad matn ta'sirini tekshirish bosqichlari orqali tashkil etish taklif qilinadi. Ushbu yondashuv badiiy, publitsistik, ilmiy-ommabop va institutsional matnlar tarjimasini tahlil qilishda qo'llanishi mumkin. Model tarjima

tanqidi va tarjimon tayyorlash amaliyotida pragmatik yo'qotishlarni tavsiflash uchun izchil metodik asos yaratadi va amaliy mezon beradi.

Kalit so'zlar *Tarjima, kommunikativ-pragmatik adekvatlik, pragmatik ekvivalentlik, intensiya, illokutiv kuch, pragmatik moslashuv, adresat*

Обеспечение коммуникативно-прагматической адекватности в тексте перевода

Abdullayeva Shoxida Norqulovna

*Доцент,
доктор филологических наук,
Узбекский государственный университет
мировых языков*

Аннотация *В статье рассматриваются теоретические и прикладные условия обеспечения коммуникативно-прагматической адекватности текста перевода. Адекватность понимается не как формальное совпадение языковых единиц, а как степень воспроизведения в языке перевода коммуникативной цели исходного текста, авторской интенции, иллокутивной силы, имплицатуры, оценочного тона, регистра и функционального воздействия на адресата. На основе сопоставительно-прагматического, контекстуального и функционального анализа обсуждаются типичные случаи, в которых лексической эквивалентности недостаточно: вежливость, ирония, скрытая оценка, культурные пресуппозиции, заголовочные конструкции и побудительные высказывания. В результате предлагается шестикомпонентная модель оценки коммуникативно-прагматической адекватности, включающая смысловую точность, сохранение интенции, иллокутивной силы, адресатную ориентированность, дискурсивно-регистровое соответствие и культурную понятность. Предлагается также четырехэтапный алгоритм переводческого решения: определение ситуации общения, выделение прагматического ядра и зон риска, выбор трансформации и проверка эффекта целевого текста. Модель применима к анализу художественного, публицистического, научно-популярного и институционального перевода и позволяет системно объяснять случаи, когда формально точный вариант оказывается коммуникативно неадекватным. Подход применяется в переводческой критике и обучении переводчиков для описания прагматических потерь и сдвигов.*

Ключевые слова *Перевод, коммуникативно-прагматическая адекватность, прагматическая эквивалентность, интенция, иллокутивная сила, прагматическая адаптация, адресат*

Kirish

Tarjima sifati masalasi an'anaviy ravishda ekvivalentlik va adekvatlik kategoriyalari bilan

bog'lab talqin qilinadi. Biroq real kommunikatsiyada matnning muvaffaqiyati faqat denotativ mazmunning saqlanishiga

bog'liq emas. Bir xil referensial mazmun turli nutq vaziyatlarida turlicha maqsadni bajarishi, turli darajada xushmuomala, qat'iy, kinoyali, ehtiyotkor yoki baholovchi bo'lishi mumkin. Shu sababli manba matndagi so'z va konstruksiyalarni lug'aviy jihatdan to'g'ri almashtirish tarjimaning kommunikativ natijasini avtomatik ravishda kafolatlamaydi.

Zamonaviy tarjimashunoslikda matn funksiyasi, adresat, kommunikativ vaziyat va madaniy kontekstga e'tibor kuchaygani bejiz emas. House (2015) tarjima sifatini baholashda matnning situativ va funksional profilini muhim deb hisoblaydi; Nord (2018) esa tarjima faoliyatini maqsadga yo'naltirilgan kommunikativ harakat sifatida ko'radi. Nida (1964) ilgari surgan dinamik ekvivalentlik tamoyili ham maqsad auditoriyasi reaksiyasini hisobga olish zaruratini ta'kidlagan. Bu yondashuvlar umumiy bir fikrga olib keladi: tarjima matni manba matnning funksional-pragmatik vazifasini maqsad til va madaniyat sharoitida ishlaydigan shaklda qayta tashkil etishi kerak.

Mazkur maqolaning maqsadi tarjima matnida kommunikativ-pragmatik adekvatlikni ta'minlovchi asosiy omillarni tizimlashtirish, formal ekvivalentlik bilan pragmatik adekvatlik o'rtasidagi farqni aniqlashtirish hamda tarjimon qarorini baholash uchun amaliy mezonlar modelini taklif etishdan iborat. Tadqiqotning vazifalari quyidagicha belgilandi: kommunikativ-pragmatik adekvatlik tushunchasining tarkibiy parametrlarini ajratish; pragmatik yo'qotish yuz beradigan tipik holatlarni tavsiflash; tarjima transformatsiyalarining funksional sabablarini izohlash; maqsad matn sifatini baholash uchun ko'p mezonli yondashuvni shakllantirish.

Tadqiqot nazariy xarakterga ega bo'lib, unda ayrim misollar muayyan tarjima muammosining mexanizmini ko'rsatish uchun muallif tomonidan tuzilgan model vaziyatlar sifatida qo'llanadi. Bu yondashuv empirik korpus natijalarini da'vo qilmaydi; aksincha, kommunikativ-pragmatik adekvatlikni tahlil qilishda qo'llanishi mumkin bo'lgan mezon va

qaror bosqichlarini konseptual ravishda aniqlashtirishga xizmat qiladi.

Adabiyotlar sharhi va Nazariy asos

Ekvivalentlik tushunchasi tarjima nazariyasining markaziy kategoriyalaridan biri bo'lsa-da, u turli maktablarda turlicha talqin qilinadi. Formal yondashuv til birliklari va tuzilmalar o'rtasidagi moslikka urg'u beradi; funksional yondashuv esa tarjima natijasining vazifasi va kommunikativ samaradorligini birinchi o'ringa qo'yadi. Baker (2018) ekvivalentlik masalasini so'z darajasidan yuqori bo'lgan grammatik, matniy va pragmatik qatlamlargacha kengaytiradi. Demak, tarjima ekvivalentligini bir xil darajadagi yagona moslik sifatida emas, balki bir nechta qatlamlarning muvozanati sifatida ko'rish maqsadga muvofiq.

Pragmatik qatlam, ayniqsa, kontekst orqali anglashiladigan mazmunni o'z ichiga oladi. Grice (1975) tasvirlagan implikatura mexanizmi shuni ko'rsatadiki, so'zlovchi ko'pincha ma'noni bevosita aytmaydi, balki umumiy bilim, hamkorlik tamoyili va vaziyatga tayanib yetkazadi. Sperber va Wilson (1995) relevans nazariyasida kommunikatsiya adresat tomonidan ma'no chiqarish jarayoni ekanini ko'rsatadi. Gutt (2000) ushbu yondashuvni tarjimaga tatbiq etib, tarjima muvaffaqiyatini maqsad auditoriyasi uchun yetarli kontekstual effekt va oqilona qayta ishlash xarajati bilan bog'laydi. Shunday ekan, implikatura va presuppozitsiyani saqlash ko'pincha so'zma-so'z moslikdan ko'ra muhimroq bo'ladi.

Speech act nazariyasi ham tarjima adekvatligini tushuntirish uchun samarali asos beradi. Austin (1962) va Searle (1969) nutq birligi faqat axborot bermasdan, muayyan harakatni ham bajarishini ko'rsatadi. Buyruq, iltimos, ogohlantirish, va'da, uzr, tavsiya yoki kinoya mazmunan o'xshash so'zlar bilan ifodalanishi mumkin, biroq ularning illokutiv kuchi farq qiladi. Tarjimada shu kuchning oshib ketishi yoki kamayishi personaj munosabatlari, institutsional ierarxiya va matn ohangini o'zgartiradi. Shu sababli kommunikativ-pragmatik adekvatlikni baholashda "nima

deyilgan?" savoli bilan birga "nima maqsadda va qanday kuch bilan deyilgan?" savoli ham qo'yilishi lozim.

Tarjima va moslashuv munosabati ham pragmatik adekvatlik bilan bevosita bog'liq. Kononchuk (2024) pragmatik va sotsiokultural moslashuvni maqsad matn funksiyasi, adresat ehtiyoji hamda madaniy tafovutlar bilan bog'laydi. Keyingi tadqiqotlarda ham formal aniqlikning o'zi pragmatik muvaffaqiyatni ta'minlamasligi qayd etiladi. Masalan, adekvatlik va ekvivalentlikka bag'ishlangan zamonaviy tahlilda funksional moslik, kommunikativ effekt va tarjimonning lingvomadaniy kompetensiyasi tarjima sifatining muhim omillari sifatida ko'rsatilgan (Iskandarov, 2025). Pragmatik adaptatsiyaning raqamli tarjima va xushmuomalalik bilan bog'liq tahlillari esa registr va ijtimoiy masofa maqsad matnda qayta sozlanishini ko'rsatadi (Mehawesh et al., 2025).

O'zbek tarjimashunoslik an'anasida ham mazmun, uslub, milliy-madaniy xususiyat va o'quvchiga ta'sir birligi muhim deb qaraladi. Salomov (1983) va Musayev (2005) tarjimini til birliklarini mexanik almashtirish emas, balki mazmun va badiiy-funksional xususiyatlarni qayta yaratish jarayoni sifatida talqin qiladi. Safarov (2008) pragmalingsvistik nuqtai nazardan nutq faoliyati, kommunikativ niyat va kontekstni bir butun tizimda ko'rish zarurligini asoslaydi. Ushbu qarashlar kommunikativ-pragmatik adekvatlikni o'zbek tarjimashunosligi uchun ham izchil tadqiqot kategoriyasi sifatida rivojlantirish imkonini beradi.

Tadqiqot metodologiyasi

Tadqiqotda qiyosiy-pragmatik, kontekstual, funksional va diskursiv tahlil usullaridan foydalanildi. Qiyosiy-pragmatik tahlil manba birlik va uning ehtimoliy tarjima variantlari o'rtasidagi illokutiv kuch, implikatura, baholash va xushmuomalalik farqlarini aniqlashga xizmat qildi. Kontekstual tahlilda nutq ishtirokchilari, ularning ijtimoiy maqomi, muloqot maqsadi, umumiy bilim fondi va vaziyatning institutsional yoki

norasmiy xususiyati hisobga olindi. Funksional tahlil esa tarjima varianti maqsad matnda qanday kommunikativ vazifani bajarishini tekshirishga qaratildi.

Tahlil birligi sifatida alohida so'z emas, balki pragmatik vazifa bajaradigan minimal kontekstual segment qabul qilindi. Bunday segment bir gap, replika, sarlavha, murojaat shakli yoki bir necha gapdan iborat mikroparcha bo'lishi mumkin. Har bir model misolda to'rtta savol qo'yiladi:

- 1) manba segmentning literal mazmuni nima;
- 2) uning kommunikativ maqsadi va illokutiv kuchi qanday;
- 3) maqsad auditoriyasi uni qanday talqin qilishi ehtimol;
- 4) qaysi tarjima strategiyasi mazmun, funksiya va ta'sir o'rtasida optimal muvozanat yaratadi.

Metodologik jihatdan "bir xil effekt" tushunchasi mutlaq tenglik sifatida qabul qilinmaydi. Turli tillar va madaniyatlarda adresat reaksiyasini aniq takrorlash imkonsiz bo'lishi mumkin. Shuning uchun bu maqolada adekvatlik manba matnning kommunikativ-pragmatik parametrlarini maqsad sharoitida imkon qadar funktsional darajada saqlash deb tushuniladi. Bunda tarjimonning har qanday erkin o'zgartirishi oqlanmaydi: transformatsiya manba intensiyasi, janr talabi yoki adresat uchun tushunarlilik bilan asoslangan bo'lishi kerak.

Natijalar va Muhokama

Tahlil shuni ko'rsatadiki, kommunikativ-pragmatik adekvatlik bir vaqtning o'zida bir nechta o'zaro bog'liq parametrlarni muvofiqlashtirishni talab qiladi. Ularning birinchisi semantik aniqlikdir: tarjima manba matnning asosiy propozitsional mazmunini buzmasligi kerak. Biroq semantik aniqlik zarur shart bo'lsa-da, yetarli shart emas. Ikkinchi parametr — muallif yoki so'zlovchi intensiyasini saqlash; uchinchi parametr — illokutiv kuchni to'g'ri qayta yaratish; to'rtinchi parametr — adresatning bilim darajasi va kutishlariga moslik; beshinchisi — janr va registr;

oltinchisi — madaniy tushunarlilik va presuppozitsiyalarni boshqarishdir.

Masalan, ingliz tilidagi "Could you possibly close the window?" gapini grammatik jihatdan "Siz derazani yopa olarmidingiz?" tarzida o'g'irish mumkin. Lekin bu variant o'zbek muloqotida ayrim vaziyatlarda sun'iy yoki ortiqcha bilvosita eshitisilishi mumkin. "Iltilmos, derazani yopib qo'ysangiz" varianti esa manba gapning asosiy illokutiv vazifasi — yumshatilgan iltimosni — tabiiyroq qayta yaratadi. Bu yerda grammatik shakl o'zgargan bo'lsa ham, xushmuomalalik darajasi va kommunikativ maqsad yaxshiroq saqlanadi. Demak, pragmatik adekvatlik formal paralelizmni emas, funksional moslikni talab qiladi.

Ikkinchi tipik muammo — implikatura. Model vaziyatda bir kishi kechikkan hamkasbiga "Nice of you to come on time" desa, gapning literal shakli ijobiy bahoni bildiradi, real kommunikativ ma'no esa kinoyali tanbehdir. Uni "Vaqtida kelganingiz yaxshi bo'ldi" deb so'zma-so'z tarjima qilish kinoyani faqat intonatsiya yordamida anglash mumkin bo'lgan noaniq shaklga aylantiradi. Kontekst talab qilsa, "Ha, juda vaqtida keldingiz-da" yoki vaziyatga mos boshqa kinoyaviy vosita funksional jihatdan aniqroq bo'lishi mumkin. Tarjimon bu holda ijobiy leksik shaklni emas, yashirin salbiy bahoni saqlaydi.

Uchinchi muammo — presuppozitsiya va madaniy bilim. Manba matnda "He finally got tenure" kabi jumla ma'lum akademik tizim haqidagi fon bilimiga tayanadi. "U nihoyat tenure oldi" shakli terminni saqlaydi, lekin auditoriya tushunchani bilmasa, kommunikativ mazmunning muhim qismi yo'qoladi. Janr imkon bersa, "U nihoyat universitetdagi doimiy lavozim maqomini oldi" kabi izohlovchi tarjima maqsad auditoriyasi uchun funksional tushunarlilikni oshiradi. Biroq ilmiy maqola yoki mutaxassislar uchun matnda "tenure" atamasini izoh bilan birinchi marta berish, keyin terminni saqlash maqsadga muvofiq bo'lishi mumkin. Shunday qilib, bir xil birlik uchun

adekvat strategiya janr va adresatga qarab o'zgaradi.

To'rtinchi muammo — baholash kuchi va registr. Publitsistik matnda "the plan sparked outrage" birikmasini "reja norozilikni keltirib chiqardi" deb tarjima qilish asosiy faktni yetkazadi, biroq "outrage"dagi kuchli emotsional baho "norozilik"da susayishi mumkin. "Reja keskin norozilikka sabab bo'ldi" varianti baholash intensivligini yaxshiroq saqlaydi. Aksincha, manba matndagi nisbatan neytral birlikni maqsad tilida ortiqcha dramatisatsiya qilish ham pragmatik adekvatlikni buzadi. Tarjimon baholovchi semantikaning nafaqat yo'nalishini, balki darajasini ham nazorat qilishi kerak.

Beshinchi muammo — direktiv va institutsional matnlarda majburiylik darajasi. Inglizcha "Visitors are requested to present identification" jumlasini "Tashrif buyuruvchilardan shaxsni tasdiqlovchi hujjatni ko'rsatish so'raladi" shaklida berish rasmiy xushmuomalalikni saqlaydi. "Tashrif buyuruvchilar hujjatini ko'rsatishi shart" varianti esa pragmatik kuchni "iltimos/rasmiy talab"dan qat'iy majburiyatga ko'tarishi mumkin. Agar real institutsional qoida aynan majburiy bo'lsa, bunday kuchaytirish asosli; aks holda tarjimon normativ ma'noni o'zgartirib yuboradi. Bu misol tarjimada modallik va illokutiv kuchning huquqiy yoki tashkiliy oqibatlariga ham ega bo'lishi mumkinligini ko'rsatadi.

Sarlavha va reklama matnlarida kommunikativ-pragmatik adekvatlik alohida murakkablik kasb etadi. Sarlavha ixchamlik, diqqatni jalb qilish va baholash vazifalarini birlashtiradi. Masalan, "A wake-up call for universities" sarlavhasini "Universitetlar uchun uyg'onish qo'ng'irog'i" deb so'zma-so'z berish obrazni saqlasa-da, o'zbek tilida tabiiy bo'lmasligi mumkin. "Universitetlar uchun jiddiy ogohlantirish" yoki kontekstga qarab "Universitetlar uchun o'ylantiruvchi signal" shakli kommunikativ funktsiyani aniqroq beradi. Bu holatda metaforani saqlash yoki neytrallashtirish tanlovi matn janri, auditoriya va stilistik maqsadga bog'liq.

Yuqoridagi kuzatuvlar asosida
kommunikativ-pragmatik adekvatlikni

baholash uchun quyidagi olti mezonli model
taklif etiladi.

Mezon	Asosiy savol	Pragmatik xavf	Tarjimonning tekshiruvi
Mazmuniy aniqlik	Asosiy referensial mazmun saqlandimi?	Ma'no qo'shilishi yoki tushib qolishi	Fakt va propozitsiyani manba bilan qiyoslash
Intensiya	So'zlovchi nimaga erishmoqchi?	Maqsadning noto'g'ri talqini	Axborot, ishontirish, tanbeh, iltimos va b. vazifani aniqlash
Illokutiv kuch	Nutq harakati kuchi saqlandimi?	Iltimosning buyruqqa yoki aksincha aylanishi	Modallik, xushmuomalalik va qat'iylikni tekshirish
Adresatga moslik	Maqsad o'quvchi yetarli fon bilimiga egami?	Tushunarsizlik yoki ortiqcha izoh	Termin, presuppozitsiya va izoh darajasini moslashtirish
Diskurs va registr	Janr, uslub va ijtimoiy masofa saqlandimi?	Rasmiylik yoki emotsional tonning siljishi	Registr, murojaat va baholash darajasini qiyoslash
Madaniy tushunarlilik	Madaniy signal maqsad auditoriyasida ishlaydimi?	Realiya, metafora yoki ishoraning yo'qolishi	Saqlash, izohlash, funksional almashtirish yoki kompensatsiyani tanlash

1-jadval. *Kommunikativ-pragmatik adekvatlikni baholash mezonlari*

Taklif etilgan modelda mezonlar ierarxiya emas, balki o'zaro bog'liq. Masalan, terminologik aniqlik yuqori bo'lsa ham, adresatga moslik past bo'lishi mumkin; yoki registr tabiiy berilgan bo'lsa-da, illokutiv kuch o'zgargan bo'lishi mumkin. Shu sababli tarjima sifatini "to'g'ri/noto'g'ri" binar qarori orqali emas, muayyan kommunikativ vazifa doirasida mezonlar muvozanati orqali baholash maqsadga muvofiq. Ayrim janrlarda bir mezon ustuvor bo'lishi mumkin: huquqiy matnda semantik va normativ aniqlik, reklamada persuasiv effekt, ilmiy matnda terminologik aniqlik va mantiqiy shaffoflik, badiiy matnda esa stilistik va implikativ qatlamning qayta yaratilishi katta ahamiyat kasb etadi.

Tarjimon qarorini amaliy jihatdan to'rt bosqichga ajratish mumkin. Birinchi bosqichda kommunikativ vaziyat aniqlanadi: kim gapiryapti, kimga, qaysi janrda, qanday maqsadda va qanday ijtimoiy munosabatda. Ikkinchi bosqichda pragmatik yadro ajratiladi: saqlanishi shart bo'lgan intensiya, illokutiv

kuch, baholash, presuppozitsiya va implikatura belgilanadi. Uchinchi bosqichda transformatsiya tanlanadi: literal moslik, modulyatsiya, eksplisitashtirish, implisitashtirish, funksional almashtirish, kompensatsiya yoki madaniy moslashtirish. To'rtinchi bosqichda maqsad matn qayta o'qilib, uning ehtimoliy adresatga ta'siri manba matnning vazifasi bilan qiyoslanadi.

Pragmatik adaptatsiya chegarasi masalasi alohida ehtiyotkorlikni talab qiladi. Maqsad auditoriyasiga qulaylik yaratish uchun manba matnning g'oyaviy pozitsiyasi, faktlari yoki baholash yo'nalishini o'zgartirish mumkin emas. Adaptatsiya tushunishni ta'minlash, nutq aktini tabiiy qayta yaratish yoki madaniy bo'shliqni bartaraf etish uchun xizmat qilishi kerak. Shuning uchun har bir transformatsiya "bu o'zgarish manba maqsadini aniqroq yetkazadimi yoki tarjimonning yangi mazmunini qo'shyaptimi?" degan savol bilan nazorat qilinishi lozim. Bu etik mezon pragmatik adekvatlikni erkin qayta yozishdan ajratib turadi.

Mashina tarjimasi va post-tahrir sharoitida ham mazkur mezonlar dolzarb. Zamonaviy tizimlar leksik va grammatik silliqlikni yuqori darajada ta'minlay olsa-da, registr, kinoya, xushmuomalalik yoki madaniy presuppozitsiyani kontekstga mos boshqarish hanuz inson tahririni talab qilishi mumkin. Mehawesh va hammualliflar (2025) raqamli tarjimada xushmuomalalikning pragmatik moslashuvini tahlil qilib, texnologik vositalar bilan ishlaganda ham ijtimoiy va madaniy signallarni qayta sozlash zarurligini ko'rsatadi. Shu ma'noda kommunikativ-pragmatik mezonlar post-tahrir sifatini nazorat qilish uchun ham metodik asos bo'la oladi.

Tarjima tanqidida ham kommunikativ-pragmatik tahlilning afzalligi shundaki, u bahoni aniq sabablar bilan izohlash imkonini beradi. "Tarjima tabiiy emas" yoki "ma'no to'liq chiqmagan" kabi umumiy hukmlar o'rniga, qaysi parametr buzilgani ko'rsatiladi: illokutiv kuch susayganmi, presuppozitsiya tushunarsiz qolganmi, baholash darajasi o'zgarganmi, registr mos kelmaganmi yoki adresat uchun ortiqcha kognitiv yuk yuzaga kelganmi. Bunday tahlil tarjimon tayyorlashda ham foydali, chunki talabaga faqat "to'g'ri variant"ni emas, tarjima qarorining kommunikativ sababini tushuntirishga imkon beradi.

Shuningdek, adekvatlikni baholashda matn ichidagi izchillik muhim. Bir birlikning alohida kontekstdagi muvaffaqiyatli tarjimasi butun matn darajasida yetarli bo'lmasligi mumkin. Terminlar, murojaat shakllari, modallik, narrativ ovoz va baholash vositalari matn davomida bir xil pragmatik profilni saqlashi kerak. Ayniqsa, uzoq matnlarda lokal qarorlar global kommunikativ strategiyaga bo'ysundirilmasa, maqsad matnda uslubiy parokandalik yuzaga keladi. Demak, kommunikativ-pragmatik adekvatlik mikrosegment va makromatn darajalarini birgalikda tekshirishni talab qiladi.

Natijalarni umumlashtirib aytganda, adekvat tarjima eng yaqin lug'aviy moslikni

topishdan ko'ra kengroq intellektual jarayondir. Tarjimon lingvistik ma'noni, nutq harakatini, vaziyatni, ijtimoiy munosabatlarni va maqsad auditoriyasining interpretativ imkoniyatlarini bir vaqtning o'zida muvofiqlashtiradi. Shu nuqtai nazardan, kommunikativ-pragmatik adekvatlik tarjima sifatining integrativ mezoni bo'lib, semantik ekvivalentlikni inkor etmaydi, balki uni matn funksiyasi va real kommunikativ ta'sir bilan bog'laydi.

Xulosa

Tarjima matnida kommunikativ-pragmatik adekvatlikni ta'minlash manba matn mazmunini saqlash bilan cheklanmaydi. U muallif intensiyasi, illokutiv kuch, implikatura, baholash, registr, adresat va madaniy kontekstni bir butun kommunikativ tizim sifatida hisobga olishni talab qiladi. Shu sababli formal jihatdan aniq tarjima ham maqsad auditoriyasi uchun noto'g'ri ohang, boshqa darajadagi majburiylik yoki yo'qolgan yashirin ma'no tufayli pragmatik jihatdan noadekvat bo'lishi mumkin.

Maqolada taklif qilingan olti mezonli model — mazmuniy aniqlik, intensiya, illokutiv kuch, adresatga moslik, diskursiv-registr muvofiqligi va madaniy tushunarlilik — tarjima qarorlarini tizimli baholash imkonini beradi. To'rt bosqichli qaror algoritmi esa kommunikativ vaziyatni aniqlashdan boshlab maqsad matn ta'sirini yakuniy tekshirishgacha bo'lgan jarayonni izchil tashkil etadi. Bunday yondashuv tarjima tahlili, tarjimon tayyorlash va post-tahrir amaliyotida qo'llanishi mumkin.

Kelgusida mazkur modelni turli janrlardan olingan parallel korpus materialida sinash, mezonlarning janrga bog'liq og'irligini aniqlash va ekspert baholari bilan solishtirish maqsadga muvofiq. Ayniqsa, ingliz-o'zbek tarjimasida xushmuomalalik, modallik, baholash va madaniy presuppozitsiyaning transformatsiyasini korpus asosida o'rganish kommunikativ-pragmatik adekvatlikning empirik mezonlarini yanada aniqlashtirishga xizmat qiladi.

References:

1. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Oxford University Press.
2. Baker, M. (2018). *In other words: A coursebook on translation* (3rd ed.). Routledge.
3. Grice, H. P. (1975). *Logic and conversation*. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics: Vol. 3. Speech acts* (pp. 41–58). Academic Press.
4. Gutt, E.-A. (2000). *Translation and relevance: Cognition and context* (2nd ed.). St. Jerome Publishing.
5. House, J. (2015). *Translation quality assessment: Past and present*. Routledge.
6. Iskandarov, B. (2025). Adequacy, equivalency and translation evaluation. *American Journal of Philological Sciences*, 5(7), 34–37. <https://doi.org/10.37547/ajps/Volume05Issue07-09>
7. Kononchuk, I. (2024). Translation and adaptation: Intersecting relationships. *International Journal of Philology*, 15(2), 32–42. [https://doi.org/10.31548/philolog15\(2\).2024.04](https://doi.org/10.31548/philolog15(2).2024.04)
8. Mehawesh, M. I., Akkawi, A. W., Al-Hawamdeh, R. F., Zuraigat, I. M., Banat, S. A. J., AlOmari, N. M., Al-Natour, M. M., & Al-Yousef, H. M. (2025). Pragmatic adaptation in digital translation: The influence of technology on translating negative politeness. *Forum for Linguistic Studies*, 7(12), 420–440. <https://doi.org/10.30564/fls.v7i12.11342>
9. Musayev, Q. (2005). *Tarjima nazariyasi asoslari*. Fan.
10. Newmark, P. (1988). *A textbook of translation*. Prentice Hall.
11. Nida, E. A. (1964). *Toward a science of translating*. Brill.
12. Nord, C. (2018). *Translating as a purposeful activity: Functionalist approaches explained* (2nd ed.). Routledge.
13. Safarov, Sh. (2008). *Pragmalingvistika*. O'zbekiston Milliy Ensiklopediyasi.
14. Salomov, G'. (1983). *Tarjima nazariyasiga kirish*. O'qituvchi.
15. Searle, J. R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge University Press.
16. Sperber, D., & Wilson, D. (1995). *Relevance: Communication and cognition* (2nd ed.). Blackwell.

ISTORY

The Lingua Spectrum

Cogito, ergo sum

TARIX

178

ИСТОРИЯ

190

Stages in the study of the history of medical science

Toshpulatov Bekzod Shukhratovich

b.toshpulatov@mail.ru

Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences,

Associate Professor,

Independent Researcher,

Karshi State University

Annotation

This article analyzes the process of studying the history of medical science and the stages of its formation and development from a historiographical perspective. It examines the emergence of scholarly research on the history of medicine and the historical study of medical institutions, scientific schools, medical education, and research activities during different periods. The article also analyzes the main sources, scholarly approaches, and methodological principles employed in studies on the history of medicine and identifies the distinctive features of research in this field across different historical periods. Particular attention is paid to the priority areas of the contemporary stage in the study of the history of medical science and to current issues in historiography.

Keywords

History of medical science, historiography, history of medicine, scientific research, medical education, medical institutions, scientific schools, sources, methodology, historical research, Uzbekistan

Tibbiyot fani tarixining o'rganilish bosqichlari

Toshpo'latov Bekzod Shuxratovich,

b.toshpulatov@mail.ru

Tarix fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD),

Dotsent,

Mustaqil tadqiqotchi,

Qarshi davlat universiteti

Annotatsiya

Mazkur maqolada tibbiyot fani tarixining o'rganilish jarayoni, uning shakllanish va rivojlanish bosqichlari tarixshunoslik nuqtayi nazaridan tahlil etiladi. Tibbiyot tarixiga oid ilmiy tadqiqotlarning yuzaga kelishi, turli davrlarda tibbiyot muassasalari, ilmiy maktablar, tibbiyot ta'limi va ilmiy-tadqiqot faoliyatining tarixiy jihatdan o'rganilishi yoritiladi. Shuningdek, tibbiyot tarixi bo'yicha amalga oshirilgan tadqiqotlarda foydalanilgan asosiy manbalar, ilmiy yondashuvlar va metodologik tamoyillar tahlil qilinib, turli tarixiy davrlarda mazkur yo'nalishning o'rganilishidagi o'ziga xos jihatlar ochib beriladi. Maqolada tibbiyot fani tarixini o'rganishning zamonaviy bosqichidagi ustuvor yo'nalishlar va dolzarb tarixshunoslik masalalariga ham e'tibor qaratiladi.

Kalit so'zlar

Tibbiyot fani tarixi, tarixshunoslik, tibbiyot tarixi, ilmiy tadqiqotlar, tibbiyot ta'limi, tibbiyot muassasalari, ilmiy maktablar, manbalar, metodologiya, tarixiy tadqiqot, O'zbekiston

Этапы изучения истории медицинской науки

Тошпулатов Бекзод Шухратович

b.toshpulatov@mail.ru

Доктор философии (PhD) по

историческим наукам,

Доцент,

Независимый исследователь,

Каршинский государственный университет

Аннотация

В данной статье с историографической точки зрения анализируется процесс изучения истории медицинской науки, а также этапы её становления и развития. Освещаются возникновение научных исследований по истории медицины, историческое изучение медицинских учреждений, научных школ, медицинского образования и научно-исследовательской деятельности в различные периоды. Кроме того, анализируются основные источники, научные подходы и методологические принципы, использованные в исследованиях по истории медицины, раскрываются специфические особенности изучения данного направления на различных исторических этапах. Особое внимание в статье уделяется приоритетным направлениям современного этапа изучения истории медицинской науки и актуальным проблемам историографии.

Ключевые слова

История медицинской науки, историография, история медицины, научные исследования, медицинское образование, медицинские учреждения, научные школы, источники, методология, историческое исследование, Узбекистан

Kirish

Tibbiyot tarixini o'rganish an'anasi juda qadimiy davrlarga borib taqaladi. G'arb ilmiy tafakkurida uning dastlabki ko'rinishlarini Gippokrat (1994) asarlari, xususan, "Qadimgi tibbiyot haqida" nomli asari bilan bog'lash mumkin. Qadimgi Yunoniston va Yaqin Sharq hududlarida shakllangan tibbiy bilimlar keyingi avlod shifokorlari uchun muhim ilmiy meros vazifasini bajargan. Uzoq vaqt davomida tibbiyot bo'yicha bilim olish jarayoni avvalgi davr tabiblarining asarlarini o'rganish bilan chambarchas bog'liq bo'lgan. Shu sababli kutubxonalar nafaqat bilim saqlanadigan maskan, balki tibbiy ta'limning muhim markazlaridan biri sifatida ham faoliyat yuritgan.

XVIII asr oxiri va XIX asr boshlariga kelib, ilm-fandagi umumiy o'zgarishlar tibbiyot

tarixini o'rganishga bo'lgan munosabatga ham ta'sir ko'rsatdi. Taraqqiyot va ilmiy ixtisoslashuv g'oyalarining kuchayishi natijasida tibbiyotning amaliy hamda tarixiy yo'nalishlari asta-sekin bir-biridan ajrala boshladi. Shifokorlarning asosiy ilmiy faoliyati klinik amaliyot va laboratoriya tadqiqotlariga yo'naltirilgan bo'lsa, tibbiyot tarixchilari o'z e'tiborlarini yozma manbalar, qadimgi tibbiy asarlar va tarixiy hujjatlarni o'rganishga qaratdilar. Natijada tibbiyot tarixi ma'lum ma'noda tibbiyot fanining ichki, ixtisoslashgan sohasi sifatida shakllandi.

Biroq uzoq vaqt davomida tibbiyot tarixchilari umumiy tarix fanining vakillaridan nisbatan ajralgan holda faoliyat olib bordilar. Bunga ularning maxsus tibbiy manbalarni o'rganishi, tibbiy amaliyot bilan bevosita yoki bilvosita aloqadorligi hamda shifokorlik

kasbiga xos professional dunyoqarashning saqlanib qolishi sabab bo'ldi. XX asrning ikkinchi yarmiga kelibgina bu ikki yo'nalish o'rtasidagi chegaralar sezilarli darajada yumshay boshladi. Natijada tibbiyot tarixini faqat tibbiy bilimlarning evolyusiyasi sifatida emas, balki jamiyat, madaniyat, iqtisodiyot va ijtimoiy munosabatlar bilan bog'liq holda o'rganishga imkon beruvchi tibbiyotning ijtimoiy tarixi shakllandi. Bugungi kunda ushbu yo'nalish turli mamlakatlardagi tarixchilar, shifokorlar, sosiologlar va boshqa fan vakillarini birlashtirgan keng ilmiy tadqiqot maydoniga aylangan.

Asosiy qism

Zamonaviy tarixshunoslik tibbiyot tarixini yagona va o'zgarmas ilmiy yo'nalish sifatida talqin qilishdan voz kechmoqda. Chunki uning rivojlanishi davomida turli ilmiy konsepsiyalar, tadqiqot dasturlari va metodologik yondashuvlar yuzaga kelgan. Tadqiqotchilarning murojaat qilgan auditoriyasi ham bir xil bo'lmagan: ayrim asarlar tibbiyot oliy ta'lim muassasalari talabalari uchun mo'ljallangan bo'lsa, boshqalari amaliyotchi shifokorlar yoki keng jamoatchilikka qaratilgan. Shu jihatdan, tibbiyot tarixini faqat tibbiy ta'limning yordamchi predmeti sifatida baholash uning ko'p qirrali tarixshunoslik xususiyatlarini cheklab qo'yadi (Huisman, 2004).

XIX asr boshlarida Germaniyada tibbiyot tarixining yangi talqini – "pragmatik tibbiyot tarixi" shakllandi. Mazkur yo'nalishning asoschilaridan biri Kurt Sprengel (1766-1833) hisoblanadi. U tibbiyot tarixini, bir tomondan, bo'lajak shifokorlarni kasbiy jihatdan shakllantirish vositasi, ikkinchi tomondan esa zamonaviy tibbiyotning rivojlanish mantig'ini anglash imkonini beruvchi ilmiy manba sifatida ko'rgan. Sprengelning qarashlarida tibbiyot taraqqiyoti Germaniya hududlaridagi ma'naviy va intellektual yangilanish jarayonlari bilan ham bog'langan. Bunday yondashuv Napoleon hukmronligi davridagi siyosiy va madaniy sharoitga javob sifatida ham namoyon bo'lgan (Lammel, 2004).

XIX asrning o'rtalariga kelib esa tibbiyot tarixiga nisbatan boshqa bir ilmiy yondashuv – "tarixiy patologiya" konsepsiyasi rivojlandi. Berlin universitetida faoliyat olib borgan Yustus Hecker (1795-1850) va keyinchalik uning ilmiy an'analarini davom ettirgan Avgust Xirsh (1817-1894) kasalliklarning tarixiy shakllanishi, kelib chiqish sabablari va turli davrlardagi tarqalish xususiyatlarini tadqiq etishga e'tibor qaratdilar. Bu yo'nalish tibbiyot tarixini shunchaki o'tmishdagi tibbiy bilimlarni tavsiflashdan chiqarib, kasalliklar evolyusiyasi va ularning jamiyat hayotidagi o'rnini o'rganishga yo'naltirdi.

Rossiya imperiyasida ham tibbiyot tarixini kasalliklar tarixi bilan bog'lashga qaratilgan tadqiqotlar olib borildi. Bu borada Kiyev universiteti olimi Grigoriy Nikolayevich Minx (1836-1896)ning faoliyati alohida e'tiborga loyiq. U vabo va moxov kabi yuqumli kasalliklarning tarixi hamda epidemiologik xususiyatlarini tadqiq etgan. Uning ishlari tibbiyot tarixini epidemiologik jarayonlarni tarixiy nuqtayi nazardan tushuntirish bilan bog'lash imkonini berdi (Huisman, 2004).

Fransiyada esa XIX asr o'rtalarida tibbiyot tarixining rivojlanishiga pozitivistik falsafa sezilarli ta'sir ko'rsatdi. Ogyust Kont tomonidan ilgari surilgan pozitivistik qarashlar ilmiy bilimni faktlar va kuzatiladigan hodisalar asosida o'rganishni ustuvor yo'nalishga aylantirdi. Shu davrda klinik tibbiyot va universitet ta'limining jadal rivojlanishi natijasida tibbiyot tarixiga oid bilimlarni saqlash va o'rganish vazifasini bajaruvchi alohida ilmiy-madaniy markazlarning ahamiyati oshdi. Jumladan, Fransiya kolleji hamda Fransiya Tibbiyot akademiyasining muzeyi va kutubxonasi shunday markazlardan bo'lgan.

Fransuz tarixshunosligida Emil Littré (1801-1881) va Sharl Daremberg (1817-1872) qadimgi tibbiyot merosini ilmiy muomalaga kiritishga katta e'tibor qaratdilar. Ularning tadqiqotlarida qadimgi tabiblarning asarlarini tarjima qilish, tarixiy manbalarni izohlash va zamonaviy shifokorlar uchun tushunarsiz yoki kam o'rganilgan matnlarni sharhlash muhim

o'rin tutdi. Mazkur yondashuv pozitivistik tarixshunoslikka xos bo'lgan manbani imkon qadar aniq tiklash va faktlarni hujjatli asosda taqdim etish tamoyiliga tayangan (Gourevitch, 2004).

Tibbiyot tarixiga bunday filologik va manbashunoslik yondashuvi boshqa mamlakatlarda ham o'z tarafdorlariga ega bo'ldi. Germaniyada 1846-yilda tashkil etilgan "Janus" jurnali tibbiyot tarixi masalalarini yorituvchi muhim nashrlardan biriga aylandi. Biroq ushbu nashrning yo'nalishi o'sha davrda ilmiy tibbiyotning yangi, eksperimental usullarini qo'llab-quvvatlovchi ayrim amaliyotchi shifokorlar tomonidan an'anaviy yoki "reaksion" yondashuv sifatida baholangan.

Rossiya ilmiy muhitida esa ushbu an'ananing yorqin vakillaridan biri Kiyev universiteti professori, amaliyotchi shifokor va qadimgi tillar bo'yicha mutaxassis Saveli Grigorevich Kovner (1837-1896) bo'ldi. U tibbiyot tarixini o'rganishda qadimgi yozma manbalarni chuqur tahlil qilishga alohida ahamiyat bergan. Kovner (1878), shuningdek, tibbiy utilitarizmning ayrim jihatlarini tanqid qilgan va tibbiyot tarixining mustaqil ilmiy ahamiyatini asoslashga harakat qilgan.

Tibbiyot tarixshunosligining umumiy rivojlanish tendensiyalari va unda shakllangan asosiy ilmiy yondashuvlar keyinchalik turli mamlakatlar, jumladan, O'zbekiston tibbiyot tarixini o'rganish jarayoniga ham o'z ta'sirini ko'rsatdi. Ayniqsa, XX asr davomida O'zbekistonda tibbiyot ta'limi, ilmiy-tadqiqot muassasalari, sog'liqni saqlash tizimi va tibbiyot fanining rivojlanish tarixiga oid turli ilmiy maqola, monografiya va tadqiqotlar yuzaga keldi. Ushbu tadqiqotlarda tibbiyot muassasalarining tashkil topishi, ilmiy maktablarning shakllanishi, alohida tibbiyot yo'nalishlarining rivojlanishi hamda yetuk tibbiyot olimlarining ilmiy faoliyati turli tarixiy davrlar kesimida yoritilgan. Mustaqillik yillarida esa mazkur yo'nalishdagi izlanishlar yangi ilmiy-metodologik qarashlar asosida davom ettirilib, ilgari yetarlicha o'rganilmagan masalalarni qayta ko'rib chiqish, mahalliy

manbalarni ilmiy muomalaga kiritish va O'zbekiston tibbiyot tarixini milliy tarixning tarkibiy qismi sifatida tadqiq etishga e'tibor kuchaydi. Shu nuqtayi nazardan, O'zbekistonda XX asr va mustaqillik yillarida tibbiyot tarixiga bag'ishlab yaratilgan ilmiy adabiyotlarni tahlil qilish ushbu yo'nalish tarixshunosligining shakllanishi, rivojlanish bosqichlari va mavjud ilmiy muammolarini aniqlash imkonini beradi.

XX asrning 30-40-yillarida sog'liqni saqlash sohasi faoliyati aksariyat mualliflarning ishlarida faqat maqolalar ko'rinishida tahlil etildi (Inyutin, 1933). Bu davrda siyosiy hayotdagi ba'zi cheklashlar, turli axborotlar va arxiv hujjatlarining kamligi ilmiy adabiyotlar soni va sifatining qisqarib, kamayishiga sabab bo'ldi.

I.A. Kassirskiy (1935) O'rta Osiyoda birinchilardan bo'lib issiq iqlimning inson organizmiga ta'sirini o'rganishga harakat qildi. Muallif o'lkada faoliyat ko'rsatuvchi vrach faqat vrach-naturalist bo'lishi yetarli emas, u avvalo, keng ma'lumotli va katta dunyoqarashga ega bo'lishi bilan birga tabiiy fanlar, ya'ni iqlimshunoslik, astronomiya, geologiya, kimyo, etimologiya kabi fanlarni ham yaxshi o'zlashtirgan bo'lishi lozimligini uqtiradi.

O'zbekiston sog'liqni saqlash sohasi tarixiga bag'ishlangan yirik asarlarning yaratilishi XX asrning 40-yillariga to'g'ri keldi (Farxadi, 1944). Ular orasida ayniqsa A. Karimov va H.Z. Zohidovlarning monografiyalari O'zbekiston sog'liqni saqlash sohasi ilk marotaba bir tizimga solingan holda tahlil etilganligi, juda sodda, oddiy tilda bayon qilinganligi va soha faoliyatiga doir ko'plab tarixiy dalillarning bir joyda jamlanganligi bilan qimmatlidir. A. Karimov o'z risolasida O'zbekiston hududida 1914-1946 yillar davomida faoliyat ko'rsatgan ambulatoriya-poliklinikalar, davolash punktlari, ayollar va bolalar maslahatxonalari, umumiy davolash o'rinlari haqidagi raqamlarni to'plab, ularni jadvalga tushirishga muvaffaq bo'ladi. Tibbiy statistika yetarli darajada shakllanmagan, kasallanganlarni ro'yxatdan o'tkazish ishlari

to'la amalga oshirilmagan bir sharoitda bu kabi jadval tuzish ancha murakkab ish edi.

Sog'liqni saqlash faoliyatini o'rganishda XX asrning 50-60-yillari alohida davrlardan biri hisoblanadi. Bu davrda aholi salomatligini muhofaza qilish ishining turli yo'nalishlari maxsus tadqiq etildi va ko'plab ilmiy maqolalar yaratildi. R. S. Soatov, L.M. Isayev, K.S. Zoirov, U. Alimov, G.A. Batkis, V.A. Svensov, M.D. Kovrigin kabilarning maqolalari shular jumlasidandir. R.S. Soatov va G.A. Batkislarning maqolasida sovet hokimiyatining O'rta Osiyo respublikalarida sog'liqni saqlash tizimini yo'lga qo'yish borasidagi ishlari bayon etilgan bo'lsa, A.M. Isayev, V.A. Svensov, U. Alimov, A.A. Qodirovlar ishida o'lkada yuqumli kasalliklarga qarshi kurash ishining borishi, bezgak, rishta kabi kasalliklar bilan aholining kasallanishi kabi masalalar haqidagi fikrlar beriladi.

XX asrning 70-yillarida sog'liqni saqlash sohasidagi haqiqiy ahvolni yoritgan va muammolarning sabablarini to'g'ri ochib bera oladigan ilmiy ishlar vujudga keldi. Masalan, O'zbekistonda sil kasalligini o'rganish borasida katta yutuqlarga erishgan olim Sh.A. Alimovning (1970) maqolasida soha faoliyatiga doir kamchiliklar ochib berildi. Muallif respublikada sil kasalligiga qarshi kurash tadbirlari samaradorligining pastligi, imkoniyatlar to'la ishga solinmayotganligini ta'kidlash bilan birga, sohadagi muvaffaqiyatsizliklarning omillarini ham asoslab beradi.

Mustaqillik yillarida O'zbekiston tarixi fani yangi uslubiy tamoyillar asosida yaratilgan asarlar bilan boyib bordi. Ularda sog'liqni saqlash sohasiga bir tomonlama yondashuv uslubidan voz kechilib, bashariy qadriyatlar va milliy manfaatlar nuqtai nazaridan turib ijtimoiy hayot tarixining turli davrlari va yo'nalishlarini o'z ichiga olgan ilmiy maqolalar, monografiya va kollektiv monografiyalar chop etildi hamda dissertatsiyalar himoya qilindi. Shuningdek, O'zbekiston tarixining sovet davriga oid chop etilgan darsliklarda va turli ma'lumotnomalarda muammoning ayrim jihatlari yoritildi. Xususan, D. Alimova, A. Golovanov, S. A'zamxo'jayev,

Q. Rajabov, S. Shodmonova, S. Tursunov, Yu. Ergasheva, S. Davletov, K. Rahmonov va boshqalar o'z monografiyalari va kitoblarida muammoning ba'zi qirralarini tahlil qilishdi.

Xulosa qilib aytganda, O'zbekistonda tibbiyot fani tarixining o'rganilishi uzoq davom etgan va bir necha bosqichni qamrab olgan jarayon sifatida namoyon bo'ladi. XX asrdagi tadqiqotlarda asosiy e'tibor tibbiy muassasalarning tashkil topishi, sog'liqni saqlash tizimining shakllanishi, tibbiy ta'limning rivojlanishi, ilmiy-tadqiqot institutlari faoliyati hamda taniqli shifokor va olimlarning kasbiy faoliyatini yoritishga qaratilgan. Ayniqsa, sovet davri tadqiqotlarida tibbiyot sohasidagi tashkiliy o'zgarishlar, sanitariya-gigiyena, epidemiologiya, onalik va bolalikni muhofaza qilish, travmatologiya, parazitologiya kabi yo'nalishlarning rivojlanishi ko'proq tibbiy-amaliy nuqtai nazardan tavsiflangan.

Mustaqillik yillarida esa O'zbekiston tibbiyot tarixi tadqiqotlarining mazmuni va metodologik yondashuvlarida muayyan o'zgarishlar kuzatildi. Tibbiyot sohasining taraqqiyoti mamlakatning ijtimoiy-siyosiy va iqtisodiy jarayonlari bilan bog'liq holda o'rganila boshlandi. Ilmiy-tadqiqot institutlari, tibbiyot oliy ta'lim muassasalari, ilmiy maktablar va alohida olimlar faoliyatiga tarixiy nuqtai nazardan baho berish, arxiv hujjatlari va statistik ma'lumotlardan foydalanishga e'tibor kuchaydi. Shu bilan birga, urush va urushdan keyingi yillardagi tibbiy infratuzilma, evakuatsiya gospihallari, tibbiy kadrlar tayyorlash, parazitar va yuqumli kasalliklarga qarshi kurash kabi masalalarning o'rganilishi tibbiyot tarixining ko'lamini yanada kengaytirdi.

Xulosa

Tahlil qilingan adabiyotlar shuni ko'rsatadiki, O'zbekistonda tibbiyot tarixi bo'yicha muayyan ilmiy baza shakllangan bo'lsa-da, mazkur yo'nalishda hali yetarlicha o'rganilmagan masalalar mavjud. Xususan, tibbiyot ilmiy-tadqiqot muassasalarining uzoq yillik faoliyatini kompleks tarixiy tahlil qilish, ularda shakllangan ilmiy maktablarning

avlodlar davomidagi davomiyligini aniqlash, mahalliy olimlarning milliy tibbiyot fani taraqqiyotiga qo'shgan hissasini qayta baholash, shuningdek, sovet va mustaqillik davri tarixshunosligi o'rtasidagi farqlarni qiyosiy o'rganish dolzarb vazifalardan bo'lib qolmoqda.

Shu nuqtai nazardan, O'zbekiston tibbiyot tarixi tarixshunosligini faqat tibbiy yutuqlar yoki muassasalar tarixi bilan cheklab

qo'ymasdan, uni jamiyat taraqqiyoti, davlatning sog'liqni saqlash siyosati, tibbiy ta'lim, ilm-fan institusionallashuvi va aholining ijtimoiy hayoti bilan uzviy bog'liq holda tadqiq etish maqsadga muvofiq. Bunday yondashuv O'zbekistonda tibbiyot fanining shakllanishi va taraqqiyotini xolisroq baholash, mavjud tarixshunoslikdagi bo'shliqlarni aniqlash hamda sohaning yangi ilmiy tadqiqot yo'nalishlarini belgilash imkonini beradi.

References:

1. Алимов, Ш. (1970). Состояние борьбы с туберкулезом в республике и пути повышения её эффективности. *Медицинский журнал Узбекистана*, (9), 87–91.
2. Алимов, У. (1959). Успехи и задачи в борьбе с инфекционными болезнями в Андижанской области. *Медицинский журнал Узбекистана*, (2).
3. Баткис, Г. А. (1955). Достижения здравоохранения в республиках Советского Востока. *Здравоохранение Таджикистана*, (2).
4. Гиппократ. (1994). *О древней медицине*. В Гиппократ. Избранные книги. 143–169.
5. Зоҳидов, Ҳ. З. (1949). Ўзбекистонда соғлиқни сақлаш ишининг 25 йиллиги. *Медицина*.
6. Заиров, К. С. (1957). Организация санитарно-противоэпидемиологического дела в Узбекистане. *Медицинский журнал Узбекистана*, (11).
7. Иню́тин, А. Е. (1933). Два года работы Государственного медицинского института. *За социалистическое здравоохранение Узбекистана*, (1–2), 83–84.
8. Исаев, Л. М. (1954). Борьба с малярией в Узбекской ССР. *За социалистическое здравоохранение Узбекистана*, (6).
9. Каримов, А. (1947). *Здравоохранение Советского Узбекистана*. Объединенное издательство «Правда Востока».
10. Кассирский, И. А. (1935). *Очерки гигиены жаркого климата в условиях Средней Азии*. Ташкент.
11. Ковнер, С. Г. (1878). *История медицины*. Ч. 1: Медицина Востока, медицина в Древней Греции до Гиппократа. Университетская типография.
12. Ковнер, С. Г. (1898). *История средневековой медицины*. Типография Императорского университета.
13. Ковригин, М. Д. (1957). *Охрана народного здоровья в СССР*. В Сорок лет советского здравоохранения: К 40-летию Великой Октябрьской революции (1917–1957).
14. Кривнов, П. П. (1940). *Развитие народного здравоохранения в Кара-Калпакской АССР*. В Советское здравоохранение Кара-Калпакии: Сборник статей. 3–9.
15. Литтре, Э. (1873). *Медицина и медики*. Типография Ф. Сушинского.
16. Мевзос, М. П. (1940). Противомаларийные мероприятия на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. *Медицинская паразитология и паразитарные болезни*, (4).
17. Минх, Г. Н. (1890). *Проказа и песь*. Т. 2: История проказы и песи. Киев.
18. Минх, Г. Н. (1898). *Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878–1879 гг.)*. Ч. 1. Киев.

19. Сагатов, Р. С. (1954). Успехи советского здравоохранения в Узбекистане. *За социалистическое здравоохранение Узбекистана*, (4).
20. Свинцова, В. А. (1957). К вопросу ликвидации малярии в Чархинском районе Самаркандской области. *Медицинский журнал Узбекистана*, (7).
21. Слонимская, И. А. (1938). Вопросы здравоохранения в дореволюционной деятельности большевиков. *Советская медицина*, (14–15).
22. Фархади, Р. Р. (1944). *Очерк развития и анализ лечебно-научной деятельности специального госпиталю 1267 в годы ВОВ*. Самарканд.
23. Gourevitch, D. (2004). *Charles Daremberg, his friend Emile Littré, and positivist medical history*. In F. Huisman & J. H. Warner (Eds.), *Locating medical history: The stories and their meanings*. 33–51.
24. Huisman, F., & Warner, J. H. (2004). *Medical histories*. In F. Huisman & J. H. Warner (Eds.), *Locating medical history: The stories and their meanings*. 4–5.
25. Lammel, H. U. (2004). *To whom does medical history belong? Johann Moehsen, Kurt Sprengel, and the problem of origins in collective memory*. In F. Huisman & J. H. Warner (Eds.), *Locating medical history: The stories and their meanings*. 33–52.

The establishment of exchange institutions in Uzbekistan under market reforms

Khidirov Anvar Allayorovich

a.khidirov@mail.ru

Independent Researcher,
Karshi State University

Annotation *The article analyzes the establishment, formation, and development of exchange institutions in Uzbekistan under market reforms from a historical perspective. It examines the political, economic, and legal factors that influenced the emergence of exchange institutions during the transition to a market economy, the formation of the regulatory and legal framework governing their activities, and the development of exchange infrastructure. The article also analyzes the establishment and operation of commodity and stock exchanges and their role in fostering a competitive environment and developing market relations in the country. The study identifies the main stages in the establishment and institutional development of exchange institutions in Uzbekistan.*

Keywords *Uzbekistan, market reforms, market economy, exchange institutions, commodity exchange, stock exchange, exchange infrastructure, market relations, institutional development, economic reforms, competitive environment, independence*

O'zbekistonda bozor islohotlari sharoitida birja institutlarining tashkil topishi

Xidirov Anvar Allayorovich

a.khidirov@mail.ru

Mustaqil tadqiqotchi,
Qarshi davlat universiteti

Annotatsiya *Maqolada O'zbekistonda bozor islohotlari sharoitida birja institutlarining tashkil topishi, shakllanishi va rivojlanish jarayonlari tarixiy nuqtai nazardan tahlil etilgan. Bozor iqtisodiyotiga o'tish jarayonida birja institutlarining vujudga kelishiga ta'sir ko'rsatgan siyosiy, iqtisodiy va huquqiy omillar, ularning faoliyatini tartibga soluvchi me'yoriy-huquqiy asoslarning shakllanishi hamda birja infratuzilmasining rivojlanishi yoritilgan. Shuningdek, tovar-xomashyo va fond birjalari faoliyatining yo'lga qo'yilishi, ularning mamlakatda raqobat muhiti va bozor munosabatlarini shakllantirishdagi o'рни tahlil qilingan. Tadqiqotda O'zbekistonda birja institutlarining tashkil topishi va institusional rivojlanishining asosiy bosqichlari aniqlangan.*

Kalit so'zlar *O'zbekiston, bozor islohotlari, bozor iqtisodiyoti, birja institutlari, tovar-xomashyo birjasi, fond birjasi, birja infratuzilmasi, bozor munosabatlari, institusional shakllanish, iqtisodiy islohotlar, raqobat muhiti, mustaqillik*

Становление биржевых институтов в Узбекистане в условиях рыночных реформ

Хидиров Анвар Аллаярович

a.khidirov@mail.ru

Независимый исследователь,
Каршинский государственный университет

- Аннотация** *В статье с исторической точки зрения анализируются процессы создания, становления и развития биржевых институтов в Узбекистане в условиях рыночных реформ. Рассматриваются политические, экономические и правовые факторы, повлиявшие на возникновение биржевых институтов в процессе перехода к рыночной экономике, формирование нормативно-правовой базы, регулирующей их деятельность, а также развитие биржевой инфраструктуры. Кроме того, анализируются становление и деятельность товарно-сырьевых и фондовых бирж, их роль в формировании конкурентной среды и развитии рыночных отношений в стране. В ходе исследования определены основные этапы становления и институционального развития биржевых институтов в Узбекистане.*
- Ключевые слова** *Узбекистан, рыночные реформы, рыночная экономика, биржевые институты, товарно-сырьевая биржа, фондовая биржа, биржевая инфраструктура, рыночные отношения, институциональное становление, экономические реформы, конкурентная среда, независимость*

Kirish

O'zbekistonning mustaqillikka erishishi mamlakat iqtisodiy taraqqiyotida tub institutsional o'zgarishlar davrini boshlab berdi. Markazlashtirilgan reja iqtisodiyotidan bozor munosabatlariga o'tish mulkchilik shakllarini diversifikatsiya qilish, xususiyl sektorini rivojlantirish, erkin narx shakllanishi mexanizmlarini joriy etish hamda tovar, kapital va moliyaviy resurslarning bozor tamoyillari asosida harakatlanishini ta'minlaydigan yangi iqtisodiy institutlarni shakllantirishni talab etdi. Ana shunday institutlar orasida birjalar bozor infratuzilmasining muhim tarkibiy qismi sifatida alohida o'rin egalladi.

O'zbekistonda birja institutlarining shakllanishi aslida mustaqillik arafasidayoq boshlangan edi. 1991-yil 28-martda Respublika universal tovar birjasini tashkil etishga qaratilgan qarorning qabul qilinishi mamlakat hududida zamonaviy birja savdosining institutsional asoslarini yaratish yo'lidagi dastlabki muhim qadamlardan biri bo'ldi (O'zbekiston SSR Prezidenti huzuridagi Vazirlar Mahkamasi, 1991). Mazkur jarayon bozor mexanizmlarini shakllantirish, talab va taklif nisbatini aniqlash, bozor narxlarini

shakllantirish va xo'jalik yurituvchi subyektlar o'rtasida yangi savdo munosabatlarini rivojlantirish zarurati bilan bog'liq edi.

Mustaqillikning dastlabki yillarida birja faoliyatini huquqiy va tashkiliy jihatdan tartibga solish davlat iqtisodiy siyosatining muhim yo'nalishlaridan biriga aylandi. 1991-yil 27-dekabrda birja faoliyatini muvofiqlashtirishga qaratilgan Prezident farmonining qabul qilinishi ushbu sohani tartibga solish mexanizmlarini shakllantirishga xizmat qildi (O'zbekiston Respublikasi Prezidenti, 1991). Keyinchalik birjalar faoliyatini muvofiqlashtirishga doir hukumat qarorlari va 1992-yilda "Birjalar va birja faoliyati to'g'risida"gi Qonunning qabul qilinishi birja institutlarining huquqiy maqomini mustahkamlash uchun muhim normativ asos yaratdi (O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Vazirlar Mahkamasi, 1992; O'zbekiston Respublikasi, 1992).

Bozor iqtisodiyotining shakllanishi bilan bir qatorda birja institutlarining funksional tarkibi ham kengaya bordi. Dastlab tovar va xomashyo resurslari savdosiga ko'proq e'tibor qaratilgan bo'lsa, xususiylashtirish, aksiyadorlik munosabatlari va kapital bozorining rivojlanishi

fond birjasi institutlariga bo'lgan ehtiyojni kuchaytirdi. Shu nuqtai nazardan, 1993-yilda "Qimmatli qog'ozlar va fond birjasi to'g'risida"gi Qonunning qabul qilinishi qimmatli qog'ozlar bozorining tashkiliy-huquqiy asoslarini rivojlantirishda muhim bosqich bo'ldi (O'zbekiston Respublikasi, 1993).

Birja institutlarining rivojlanishini faqat alohida savdo tashkilotlarining vujudga kelishi bilan cheklab bo'lmaydi. Ushbu jarayon bozor infratuzilmasining shakllanishi, xo'jalik yurituvchi subyektlarning iqtisodiy mustaqilligi, tovar va moliyaviy resurslarni taqsimlash mexanizmlarining o'zgarishi, raqobat muhitining rivojlanishi hamda davlatning iqtisodiyotni tartibga solish usullaridagi transformatsiya bilan uzviy bog'liq edi. 1994-yilda ulgurji va birja savdosi bo'yicha maxsus respublika aksiyadorlik uyushmasini tashkil etishga doir qarorning qabul qilinishi ham birja va ulgurji savdo infratuzilmasini tashkiliy jihatdan rivojlantirishga qaratilgan choralardan biri edi (O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi, 1994).

1990-yillarning oxiri va 2000-yillarning boshlarida esa birja savdosining samaradorligi, savdo mexanizmlarining shaffofligi va birja infratuzilmasini takomillashtirish masalalari ustuvor ahamiyat kasb eta boshladi. Jumladan, 1999-yilda birja va yarmarka savdosining samaradorligini oshirishga qaratilgan chora-tadbirlarning belgilanishi birja institutlari rivojlanishining yangi bosqichini ifodaladi (O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi, 1999). Keyingi normativ-huquqiy hujjatlar ulgurji va birja savdosi tizimini takomillashtirish hamda tovar-xomashyo birjalari faoliyatini rivojlantirishga qaratildi (O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi, 2001, 2004).

Shu jihatdan, O'zbekistonda bozor islohotlari sharoitida birja institutlarining tashkil topishini tarixiy jihatdan o'rganish bozor iqtisodiyoti institutlarining shakllanish qonuniyatlarini aniqlash, davlat iqtisodiy siyosatining evolyutsiyasini baholash hamda birja infratuzilmasining mamlakat iqtisodiy transformatsiyasidagi o'rni yoritish imkonini

beradi. Mazkur masalaning tarixiy tadqiq etilishi birja institutlarining shakllanishini muayyan normativ hujjatlar ketma-ketligi sifatida emas, balki O'zbekistonda bozor munosabatlari qaror topishining murakkab institutsional jarayoni sifatida talqin etishni talab qiladi.

Asosiy qism

O'zbekiston mustaqillikka erishgach, markazlashgan ma'muriy-buyruqbozlik iqtisodiyotidan bozor munosabatlariga bosqichma-bosqich o'tish yo'lini tanladi. Ushbu tarixiy jarayonda birja institutlarining tashkil etilishi va rivojlantirilishi bozor infratuzilmasini shakllantirishning muhim yo'nalishlaridan biri sifatida namoyon bo'ldi. 1994-yilda "Toshkent" universal tovar-fond birjasi negizida "Toshkent" respublika fond birjasi va O'zbekiston Respublika tovar-xomashyo birjasining tashkil etilishi respublikada birja savdosining institutsional asoslarini yaratdi. Keyingi o'ttiz yildan ortiq davr mobaynida birja tizimi tashkiliy-huquqiy, texnologik va infratuzilmaviy jihatdan tubdan o'zgarib, zamonaviy elektron savdo platformalariga asoslangan milliy bozor infratuzilmasining ajralmas qismiga aylandi. Ushbu jarayonning har bir bosqichi o'ziga xos tarixiy shart-sharoitlar, iqtisodiy zaruratlar va institutsional o'zgarishlar bilan bog'liq bo'lib, ularni yaxlit tarixiy tadqiqot ob'yekti sifatida o'rganish alohida ilmiy ahamiyat kasb etadi.

Mustaqil O'zbekistonda birjalar va birja savdolari tizimining yaratilishi va rivojlantirilishi bevosita yangi bozor munosabatlarining joriy etilishi va erkin savdo-sotiq amaliyotlarini qo'llab quvvatlashda sezilarli ahamiyatga ega bo'ldi. Mazkur holatda 1991-2025 yillarda qabul qilingan birjalar va birja savdolarini tartibga soluvchi huquqiy-me'yoriy hujjatlarning ahamiyati katta sanaladi. Ushbu davrda sohani tartibga solish va taraqqiyotini ta'minlashni ko'zlagan tarixiy-huquqiy hujjatlar bozor iqtisodiyotini shakllantirish bilangina cheklanmasdan, balki shaffof raqobat muhitini yaratish va monopoliyaga barham berishda asosiy vositalar majmui rolini bajardi.

Shuningdek qabul qilingan normativ hujjatlar bozor munosabatlariga o'tish davomida narxlarning sun'iy oshib ketishini cheklash va tadbirkor-ishbilarmonlarga barobar imkoniyat yaratishda kafil bo'lib xizmat qildi.

O'zbekistonda birjalar va birja savdolari tarixini tartibga soluvchi normativ-me'yoriy hujjatlarni tahlil qilish ularni 3 ta davriy bosqichga bo'lish imkonini beradi.

1. 1991-2006 yillar – mustaqil O'zbekistonda birja tizimining vujudga kelish va shakllanish bosqichi.
2. 2007-2016 yillar esa birja savdolari tizimini takomillashuv bosqichi.
3. 2017-2025 yillar esa birja tizimini zamonaviy jahon bozorlari talablari darajasida yangilash va raqamlashtirish bosqichi sanaladi.

Bunday davriy yondashuvning negizini har bir bosqichda davlat siyosatining maqsadi, huquqiy tartiblash yo'nalishlari va birja sohasining rivojlanishida sodir bo'lgan sifat o'zgarishlari tashkil qiladi.

I davr. Birja tizimining shakllanishi (1991-2006).

O'zbekiston SSR Prezidenti huzuridagi Vazirlar Mahkamasining 1991 yil 28 martdagi 71-son "O'zbekiston SSRda Respublika universal tovar birjasini tashkil etish to'g'risida"gi qarori bilan O'zbekistonda 1930 yildan beri birinchi marta birja savdolariga asos solina boshlandi. Mazkur qaror birjalar va birja savdolarini tartibga soluvchi normativ-hujjatlarga asos bo'lib xizmat qildi.

Negaki, *birinchidan*, ushbu qarorda Toshkent shahrida Respublika universal tovar birjasini tashkil etish belgilanib, birja faoliyatini yo'lga qo'yish uchun Savdo vazirligi, Tashqi iqtisodiy aloqalar davlat qo'mitasi, Savdo-sanoat palatasi va boshqa davlat idoralari muassis sifatida qayd etildi.

Ikkinchidan, narxlarni shakllantirish va kotirovka qilish tamoyillarini ishlab chiqish, xorijiy yuridik va jismoniy shaxslarning birja a'zoligi va savdolarda ishtirok etishiga ruxsat berish, birjada erkin almashtiriladigan valyutada hisob-kitob qilish va xorijiy

xaridorlarga mahsulot sotish tartibini ishlab chiqish masalalari aks etdi.

Uchinchidan, birja savdolarida naqd tovarlar va muddatli (forvard) bitimlarni tuzishga ruxsat berilib, maklerlar, kotirovka komissiyasi va arbitraj komissiyasini tashkil etish belgilandi.

To'rtinchidan, birjaning asosiy funksiyalari sifatida talab va taklifni aniqlash, narxlarni kotirovka qilish, bozor axborotini taqdim etish hamda yarmarka va auksionlarni tashkil etish belgilandi (O'zbekiston SSR Prezidenti huzuridagi Vazirlar Mahkamasi, 1991).

Ushbu chora tadbirlar mustaqillikka erishish arafasidayoq erkin savdo munosabatlarini rivojlantirish siyosati davlat siyosatining bir qismi bo'lganligini ko'rsatadi.

1991 yil 27-dekabrda PF-303-son Prezident Farmoni(lex.uz) bilan Birjalar kengashi respublika hududida birja faoliyatini muvofiqlashtiruvchi organ sifatida tashkil etildi.

Mazkur farmon asosida Birjalar davlat ro'yxatidan o'tkazilishi va bu vakolat Adliya vazirligiga yuklatildi. Bunda vazirlik Birjalar kengashi bilan kelishilgan holda davlat ro'yxatidan o'tkazish tartibi joriy etildi.

1992 yil 3 martdagi Vazirlar Mahkamasining qarori(1992) bilan birjalar faoliyatini ro'yxatga olishning tartib qoidalari to'la ishlab chiqildi.

Xuddi shu yili 2 iyulda qabul qilingan birjalar to'g'risidagi davlat qonuni(lex.uz) respublikada soha negizini belgilab bergan asosiy qonun sanaladi.

Chunki, mazkur qonun "Birjalar va birja faoliyati to'g'risidagi" birinchi maxsus qonun bo'lib, unda birjaning huquqiy maqomi, faoliyat prinsiplari, turlari va tashkiliy-huquqiy shakllari qonuniy tartibda belgilab qo'yildi.

Shuningdek, birja savdolari ishtirokchilari – brokerlar, dilerlar hamda brokerlik va dilerlik firmalarining huquqiy maqomi qayd etildi.

Qolaversa, birjalarda spot, forvard, fyuchers va opsiyon bitimlarini tuzishga ruxsat berilib, birja bitimlari, nizolarni hal etish hamda birja qonunchiligini buzganlik uchun javobgarlik choralari qat'i'y belgilab qo'yildi.

Umuman olganda mazkur qonun bilan birjalar huquqiy jihatdan o'z tartibini topib, erkin bozor va savdo munosabatlariga asos solindi.

1993 yil 2 sentyabrda "Qimmatli qog'ozlar va fond birjasi to'g'risida"gi Qonun (lex.uz) qabul qilinib, O'zbekistonda qimmatli qog'ozlar bozori va fond birjalari faoliyatining huquqiy asoslari yaratildi. Qimmatli qog'ozlar muomalasi, fond birjalarida bitimlarni tuzish hamda ular ustidan davlat nazoratini amalga oshirishning huquqiy tizimi belgilandi.

1994 yil 14 martda Vazirlar Mahkamasining 136-son qarori bilan "O'zshartnomasavdo" tugatilib, uning negizida O'zbekiston ulgurji va birja savdosi bo'yicha Respublika aksiyadorlik uyushmasi – "O'zulgurjibirjasavdo"ni tashkil etish belgilandi. "O'zulgurjibirjasavdo"ga ulgurji savdo, tovar-xomashyo birjalari, yarmarka va kimoshdi savdolarini tashkil etish hamda ularda yuridik va jismoniy shaxslar ishtiroki uchun qulay sharoitlar yaratish vazifasi yuklatildi (lex.uz).

1999 yil 15 aprelda Vazirlar Mahkamasining 174-son "Birja va yarmarka savdosining samaradorligini oshirishga doir chora-tadbirlari to'g'risida"gi qarori bilan ayrim tovarlarni tovar-xomashyo birjalari orqali eksport qilish faqat erkin almashtiriladigan valyutada amalga oshirilishi joriy etildi. Mazkur qaror bilan birja va ko'rgazma-yarmarka savdolarida tuziladigan shartnomalar bo'yicha tovarlarni sotish, sotib olish va olib chiqib ketishning yagona tartibi tasdiqlandi. Tovarlarni tovar-xomashyo birjalari orqali chet el valyutasiga eksport qilish tartibi tasdiqlandi (lex.uz).

2001 yil 1-mayda Vazirlar Mahkamasining 198-son "Ulgurji va birja savdosini tashkil etish tizimini takomillashtirish to'g'risida"gi qarori (lex.uz) bilan respublikada ulgurji va birja savdosini tashkil etish tizimini tubdan takomillashtirish chora-tadbirlari belgilandi. Mazkur qaror bilan "O'zulgurjibirjasavdo" uyushmasi tugatilib, uning negizida "O'zulgurjisavdo" aksiyadorlik kompaniyasi tashkil etildi. Qoraqalpog'iston

Respublikasi, viloyatlar va Toshkent shahridagi hududiy tovar-xomashyo birjalarini O'zbekiston Respublika tovar-xom ashyo birjasiga filial sifatida qo'shish hamda respublika bo'yicha yagona elektron birja savdo tizimini joriy etish belgilandi. O'zbekiston Respublika tovar-xom ashyo birjasi huzurida metall buyumlar, yog'och-taxta va qurilish materiallari bo'yicha ixtisoslashtirilgan savdo maydonchalari tashkil etilishi belgilandi. Tovar-xom ashyo birjasi va uning filiallari 5 yil muddatga mol-mulk solig'idan ozod qilinib, bo'shaydigan mablag'larni elektron birja savdo tizimini rivojlantirishga yunaltirish belgilandi.

"Tovar xom ashyo birjalari faoliyatini takomillashtirishga doir qo'shimcha chora-tadbirlari to'g'risida"gi 2004 yil 31-maydagi Vazirlar Mahkamasi qarori (2004) elektron birja savdolari, kimoshdi va ko'rgazma-yarmarka savdolari joriy etildi. Birja a'zolari, brokerlar va dilerlarning huquqiy maqomi belgilandi. Internet orqali elektron birja savdolarida ishtirok etish imkoniyati yaratildi. Birja faoliyati uchun yangi lisenziya talablari joriy qilinib listingga kiritilmagan tovarlarni birja savdolarida sotish taqiqlandi. O'zbekiston Respublika tovar-xom ashyo birjasi uch yil muddatga foyda solig'idan ozod qilindi.

O'zbekiston Respublikasi Davlat mulkini boshqarish davlat qo'mitasining 2006 yil 13-iyuldagi "Birja savdolarining elektron tizimlariga qo'yiladigan umumiy talablar to'g'risidagi nizomni tasdiqlash haqida"gi qarori (lex.uz) bilan birja savdolarining elektron tizimlariga qo'yiladigan yagona davlat talablari tasdiqlandi. Unga ko'ra elektron savdo tizimiga ega bo'lish birja faoliyatini amalga oshirishning majburiy sharti etib belgilandi. Bu esa birja savdolarini real vaqt rejimida masofadan turib o'tkazish imkonini berdi.

Xulosa

Xulosa qilib aytganda, O'zbekistonda bozor islohotlarining amalga oshirilishi jarayonida birja institutlarining tashkil topishi mamlakat iqtisodiyotini bozor tamoyillari asosida qayta qurishning muhim

yo'nalishlaridan biri bo'ldi. Birja institutlarining shakllanishi mulkchilik munosabatlarining o'zgarishi, erkin raqobat muhitining qaror topishi, tovar va moliya bozorlarining rivojlanishi hamda ularning huquqiy-institusional asoslarini yaratish bilan bir vaqtda kechdi. Tovlar-xomashyo va fond birjalarining faoliyatini yo'lga qo'yish orqali bozor

infratuzilmasining muhim tarkibiy qismi shakllantirilib, iqtisodiy sub'yektlar o'rtasidagi munosabatlarning yangi mexanizmlari qaror topdi. Shu nuqtai nazardan, birja institutlarining tashkil topishi O'zbekistonda bozor iqtisodiyotiga o'tish jarayonining muhim tarixiy-institusional natijalaridan biri sifatida baholanadi.

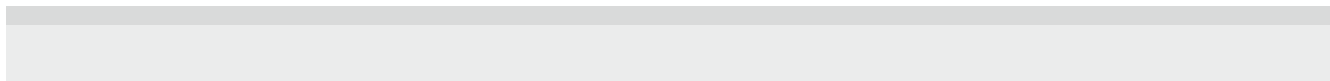
References:

1. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi. (1999, 15-aprel). *Birja va yarmarka savdosining samaradorligini oshirishga doir chora-tadbirlar to'g'risida* [Qaror]. LexUZ.
2. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi. (2004, 31-may). *Tovar xom ashyo birjalari faoliyatini takomillashtirishga doir qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida* [Qaror].
3. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi. (1994, 14-mart). *O'zbekiston ulgurji va birja savdosi bo'yicha respublika aksiyadorlik uyushmasi — "O'zulgurjibirjasavdo"ni tashkil etish va uning faoliyati masalalari to'g'risida* [Qaror].
4. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi. (2001, 1-may). *Ulgurji va birja savdosini tashkil etish tizimini takomillashtirish to'g'risida* [Qaror].
5. O'zbekiston Respublikasi Davlat mulkini boshqarish davlat qo'mitasi. (2006, 13-iyul). *Birja savdolarining elektron tizimlariga qo'yiladigan umumiy talablar to'g'risidagi nizomni tasdiqlash haqida* [Qaror].
6. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Vazirlar Mahkamasi. (1992, 3-mart). *O'zbekiston Respublikasida birjalar faoliyatini muvofiqlashtirish to'g'risida* [Qaror].
7. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti. (1991, 27-dekabr). *O'zbekiston Respublikasida birja faoliyatini muvofiqlashtirish to'g'risida* [Farmon]. LexUZ.
8. O'zbekiston Respublikasi. (1992, 2-iyul). *Birjalar va birja faoliyati to'g'risida* [Qonun]. LexUZ.
9. O'zbekiston Respublikasi. (1993, 2-sentyabr). *Qimmatli qog'ozlar va fond birjasi to'g'risida* [Qonun].
10. O'zbekiston SSR Prezidenti huzuridagi Vazirlar Mahkamasi. (1991, 28-mart). *O'zbekiston SSRda Respublika universal tovar birjasini tashkil etish to'g'risida* [Qaror].

CONTENTS

LINGUISTICS		4
Yusupova S.A., Khaliyeva G.I.	Peculiarities of the English and Russian psychological novel	5
Turaxanova N.I.	The semantic field of the concept HEALTH/SOG'LIK in English and Uzbek languages: linguocultural and cognitive analysis	17
Kdirbayeva A.R.	Verbalization of the concept of patience in English and Russian linguaculturology	24
Akoburxanova G.	Comparative analysis of cognitive metaphors in English and Uzbek educational discourse	30
Mirzayeva M.B.	Methodology for creating a parallel corpus of Oybek's novel "Navoiy" and annotating literary devices used to depict human appearance	36
Kholmirezayev A.B.	Semantic and Linguocultural Features of Proverbs in the Korean and Uzbek Languages: A Comparative Analysis	43
Ishankhanova M.T.	Aḥmad bin Muḥammad al-Marṣāfi's Taqrīb fan al-luḡa al-'arabiyya in the Context of the Reforms of the Arabic Grammatical Tradition during the Nahḍa	50
Mislimbekova M.M.	A comparative analysis of communicative strategies in English and Uzbek internet discourse	59
Baxramova D.S.	Sociolinguistic competence: its content, structural components, and factors influencing its development	68
Normuradova G.M.	Source and target domains of conceptual metaphor in English and Uzbek phraseology: a comparative cognitive analysis	76
Tillyaeva M.Yu.	Dynamics of speech etiquette in Russian and Uzbek linguocultures: a comparative analysis of literary discourse	82
Atadjanova Yu.D.	The Character of Sevinch and the Artistic Interpretation of Women's Destiny in the Novel "Ota"	96
Tagaynazarova R.A.	The Representation of Hyponymy Relations in Explanatory Dictionaries: Theory and Practice	102
Yakhyoeva G.Sh.	Linguopragmatic Analysis of Obsolete and Contemporary Slangisms in Young Adult Literature	112
Ergasheva G.A.	Intonational and pragmatic marking of prepositional-predicative combinations in English-language public speech	117
Mahmudova N.	Classification of zeugmatic constructions	123
Musojonova G.I.	Pragmatic features of phraseological units expressing personality traits	129

PEDAGOGY		136
Otakhonova Kh.A.	Media Text as a Didactic Resource in English Language Teaching: Theoretical and Methodological Principles of Selection and Classroom Use	137
Mamajonova M.N.	Pragmatic Failure in ELF-Mediated IT Workplace Communication: A Mixed-Methods Study of Multicultural Development Teams	149
Usmanova K.Kh.	Improving the project competency development process for English language teachers	160
TRANSLATION		168
Abdullayeva Sh.N.	Ensuring Communicative-Pragmatic Adequacy in the Translated Text	169
HISTORY		177
Toshpulatov B.Sh.	Stages in the study of the history of medical science	178
Khidirov A.A.	The establishment of exchange institutions in Uzbekistan under market reforms	185
CONTENTS		191

VOLUME 8, AUGUST 2026

ISSN: 3060-4958

UZBEKISTAN STATE WORLD
LANGUAGES UNIVERSITY

